

Роберт Луис СТИВЕНСОН

ЧЕРНАЯ СТРЕЛА

Роберт Льюис Стивенсон
Черная стрела (сборник)
Серия «Серия исторических романов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20973576
Черная стрела: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-1231-2

Аннотация

Англия, XV век. Более тридцати лет длилась кровавая междоусобица, названная впоследствии Войной роз. Алая роза Ланкастеров против белой розы Йорков. Бароны штурмовали замки, народ питался сеном, над головой кружили вороны, а по дорогам бродили прокаженные и мародеры. На чьей стороне правда, за кого воевать, понять было сложно. Но человек, таившийся в темноте, знал одно – для черного сердца у него всегда найдется подходящая стрела.

Рыцарский роман Стивенсона – одна из тех нестареющих книг, что способны удержать внимание читателя с первой и до последней страницы.

Содержание

Об авторе	6
Черная стрела	11
«Критик за очагом»[1]	11
Пролог. Джон Мститель	13
Часть первая. Два мальчика	35
Глава I. Гостиница «Солнце» в Кеттли	35
Глава II. На болоте	47
Глава III. Перевоз у реки	55
Глава IV. Лесные удалыцы	65
Глава V. Кровожаден, как охотничий пес	76
Глава VI. Конец дня	87
Глава VII. Закрытое лицо	96
Часть вторая. Моот-хаус	109
Глава I. Дик задает вопросы	109
Глава II. Две клятвы	120
Глава III. Комната над капеллой	131
Глава IV. Подземный ход	140
Глава V. Как Дик перешел на другую сторону	146
Часть третья. Лорд Фоксгем	158
Глава I. Дом на берегу	158
Глава II. Схватка в темноте	167
Глава III. Крест Святой Невесты	176

Глава IV. «Добрая Надежда»	180
Глава V. «Добрая Надежда»	192
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Роберт Луис Стивенсон

Черная стрела

Сборник

© ООО «Издательство „Вече“», 2013

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2016

Об авторе

Автор «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» был странным человеком, хотя с виду казался очень простым. Роберт Луис Стивенсон, или просто Лу (как звали его близкие), родился 13 ноября 1850 года в Эдинбурге. Он был единственным ребенком в семье Томаса Стивенсона, инженера глубоководных маяков, и Маргарет Бэлфур, чьи славные предки состояли в родстве с Робертом Бернсом и Вальтером Скоттом (по крайней мере, так считал сам Стивенсон). Мальчик рос смышленным, но болезненным. Промозглый шотландский климат вызывал кашель и часто укладывал Лу в постель с высокой температурой. Наиболее сильных впечатлений детства у него было три: муки болезни, восторги выздоровления и лихорадочная игра ума перед сном. Лежа в кровати, Лу рассказывал себе разные истории, которые незаметно переходили в сны. Иногда эти сны были страшные, как, например, тот, в котором маленький Лу силялся проглотить земной шар, отчетливо видя его размеры и всех людей. Иногда сны были радостными, как те, в которых он читал какие-то интересные книги. Мальчик рано понял, кем он хочет стать. С двенадцати лет он всегда носил в кармане куртки две книжки: одну – чтобы читать, другую – чтобы записывать свои наблюдения. Следуя совету отца, Роберт Лу поступил на инженерный факультет Эдинбургского уни-

верситета, потом передумал и с согласия родителей перешел на юридический. Получив диплом, сфотографировавшись в парике и адвокатской мантии, молодой человек вручил фотокарточку умиленным родителям и заявил, что собирается стать писателем.

Уяснив для себя неоспоримую истину, что мир скучен только для скучных людей, будущий романист решил отправиться в Европу за новыми впечатлениями. Путешествие на каноэ по рекам и каналам Бельгии, знакомство с колонией французских художников-пейзажистов пополняют его творческий багаж. Тогда же, в сентябре 1876-го, происходит судьбоносное событие: Стивенсон знакомится с Фанни Осборн, американкой, приехавшей с двумя детьми изучать живопись во Франции. Эта умная, симпатичная и волевая женщина была старше усатого романтика ровно на 10 лет. Роберт влюбляется в нее с первого взгляда. Разлука усиливает его чувства. Он знает, что муж Фанни – богатый американский повеса, который живет в свое удовольствие, пропадая из дома когда вздумается. Получив из Америки весть о том, что Фанни заболела, взволнованный Стивенсон рассказывает о своих чувствах родителям и просит денег для поездки в Калифорнию. Отец в бешенстве, мать в отчаянии. Несмотря на скандал, запреты и прогрессирующий туберкулез, Стивенсон покидает отчий дом. Пешком, поездом, пароходом, экономя как только можно, он перебирается через Атлантику. Худой как щепка, еле держась на ногах и захле-

бываясь от кашля, Роберт предстает перед испуганной миссис Осборн и просит ее руки. Шотландский Ромео готов содержать семью, верит в себя и обещает добиться литературного успеха во что бы то ни стало. Фанни покорена. В ожидании развода Стивенсон живет в дешевой гостинице и усиленно пишет: статьи, рассказы, повести. Развод, женитьба, возвращение в Англию. Супруга Роберта тоже умеет удивлять. Она находит общий язык со всеми и примиряет сурового отца со строптивым сыном. Поездка в Штаты обострила болезнь, но молодой Стивенсон не унывает. Упрямство и оптимизм – его основные качества. После ряда публикаций выход в свет «Острова сокровищ» (1883) вызывает у читателей серьезный интерес к творчеству несостоявшегося адвоката. Стивенсон смело экспериментирует: пиратский роман («Остров сокровищ»), рыцарский роман («Черная стрела»), детектив («Алмаз Раджи»), хоррор и фантастика («Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»), психологическая новелла («Маркхейм»). Он пишет стихи, баллады, статьи о литературе, путевые очерки, сочиняет басни. Успех, как и болезнь, не покидает автора. Стивенсон старается не думать о болезни. Врачи ставят неутешительный диагноз. Писатель пожимает плечами и продолжает работать. Хорошо, что у Мастера был свой ангел-хранитель, своя Маргарита. Фанни быстро сообразила: если Роберт не хочет сам, значит, нужно его спасать. Решение принято мудрое и романтическое – мы переезжаем! Место найдено, земля недорогая.

Адрес: Тихий океан, остров Уполу. Ориентир: справа от Австралии. Стивенсон улыбается и... соглашается. В 1887 году он прощается с друзьями и навсегда покидает Эдинбург. Но даже среди пьянящей свежести и благоухания тропиков, в тени пальм и под золотым солнцем Полинезии мысли его, как и прежде, плывут в холодный серый край, к родным скалистым берегам и вересковым пустошам. «Владелец Баллантрэ», «Катриона», «Уир Гермистон» – лучшие романы о Шотландии, написанные в иных широтах. Уход Стивенсона в чужие земли вызвал в Англии не меньший резонанс, чем отплытие Байрона в Грецию. Стивенсон прожил на острове четыре года. Здесь он продолжал много работать, вел обширную переписку (Генри Джеймс, Мередит, Конан Дойл). Коренное население Уполу прониклось любовью к доброму и всегда приветливому иностранцу, с уважением именуя его Туситала (Рассказчик историй).

Стивенсон умер 3 декабря 1894 года от кровоизлияния в мозг. С позволения местных вождей писателя похоронили на вершине горы Веа, где до этого не ступала нога человека. На могильном камне выбиты строки из стихотворного завещания Стивенсона: «С моря вернулся, пришел моряк, и охотник вернулся с холмов».

В. Матющенко

Избранная библиография Роберта Луиса Стивен-

сона:

«Остров сокровищ» (Treasure Island, 1883)

«Принц Отто» (Prince Otto, 1885)

«Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde, 1886)

«Черная стрела» (The Black Arrow: A Tale of the Two Roses, 1888)

«Владелец Баллантраэ» (The Master of Ballantrae, 1889)

Черная стрела

Повесть из времен войны

Алой и Белой розы

«Критик за очагом»¹

Одному мне известно, что я выстрадал, и насколько выиграли мои книги благодаря вашему неусыпному вниманию и поразительной настойчивости. Но вот перед вами книга, которая вышла в свет, не имея вашего *imprimatur*²; странная вещь в истории нашей дружбы, еще более необычна – причина этого. Я с любопытством, с досадой и, наконец, с улыбкой следил за вашими тщетными стараниями прочесть «Черную стрелу»; и, мне думается, я действительно заслужил бы упрек в отсутствии юмора, если бы упустил случай и не поставил вашего имени впереди единственной моей книги, которой вы не читали... и никогда не прочтете.

Но я все-таки надеюсь на большее постоянство со стороны других. Повесть была написана несколько лет назад для

¹ Аллюзия на одну из рождественских историй Ч. Диккенса «Сверчок за очагом». Сверчок по-английски «крикет» (cricket).

² «Пусть печатается» (*лат.*). Формула цензурного разрешения на публикацию книги.

определенного круга читателей и, могу добавить, в соревновании с известным автором; мне кажется, я поступлю правильно, назвав его: это мистер Альфред Р. Филлипс. В свое время она не осталась без награды. Разумеется, не мне было оспаривать у мистера Филлипса его заслуженное первенство, но в глазах тех самых читателей, которые ни во что не ставили «Остров сокровищ», «Черная стрела» явилась значительным шагом вперед. Читатели отдельно изданных книг и читатели журнальных романов принадлежат к двум различным мирам. В другом суде «Острову сокровищ» был вынесен противоположный приговор. Хотел бы я знать, будет ли то же самое и с его преемником?

Р.Л.С.

Озеро Саранак, 8 апреля 1888 г.

Пролог. Джон Мститель

Однажды поздней весной после полудня колокол на башне Моот-хауса в Тонсталле прозвучал в необычное время. Люди, работавшие вблизи и вдали, в лесу и на полях вдоль реки, побросали свою работу и бросились по направлению звука колокола. Вскоре в деревушке Тонсталл собралась группа жителей, удивлявшихся этому призыву.

В те времена – в царствование старого короля Генриха VI – деревушка Тонсталл имела такой же вид, какой сохранила до сих пор. Десятка два неуклюжих домов, выстроенных из толстого дуба, были разбросаны по длинной, зеленой долине, начинавшейся от реки. Внизу дорога пересекала мост и, поднимаясь по другую сторону реки, исчезала на опушке леса, по пути к Моот-хаусу и дальше, к Холивудскому аббатству. На полдороге к деревушке посреди тисовых деревьев стояла церковь. Повсюду – вблизи на склонах и вдали на горизонте – виднелись леса вязов и зеленеющих дубов.

На холме у самого моста, где стоял каменный крест, собралась небольшая группа людей – с полдюжины женщин и высокий малый, в деревенской одежде, – обсуждавших вопрос о том, что мог означать неожиданно раздавшийся звук колокола. Полчаса назад по деревушке проскакал гонец. Он выпил кружку эля, не решившись сойти с лошади, так как очень торопился. Гонец сам не знал вестей, которые вез, так

как у него были только запечатанные письма от сэра Дэниела Брэкли к сэру Оливеру Отсу, священнику, заведовавшему домом во время отсутствия хозяина.

Раздался конский топот, и вскоре молодой мастер Ричард Шелтон, сирота, живший у сэра Дэниела Брэкли, показался из-за края леса и проехал по мосту, по которому звонко застучали копыта его коня. Он-то уж наверняка знает, в чем дело, и разговаривавшие окликнули его, прося объяснений. Шелтон охотно остановился. Это был молодой человек, еще не достигший восемнадцати лет, загорелый, с серыми глазами, в куртке из оленьей кожи с черным бархатным воротником, в зеленом берете на голове и со стальным арбалетом за спиной. Оказалось, что гонец привез важные известия. Предстояла битва. Сэр Дэниел велел сзывать всех, кто мог стрелять из лука или управляться с алебардой, приказывая немедленно отправиться в Кеттли и грозя в противном случае сильным гневом; но Дик не знал, за кого они будут сражаться и где ожидается битва. Скоро придет сам сэр Оливер, а Беннет Хэтч уже вооружается, так как именно он поведет отряд.

– Это разорение для страны, – сказала одна из женщин. – Когда бароны ведут войну, крестьянам приходится питаться кореньями.

– Нет, – сказал Дик, – всякий, кто пойдет, будет получать по шесть пенсов в день, а стрелки – по двенадцать.

– Если останутся живы, – возразили женщины, – то хоро-

шо! Ну, а если умрут, тогда что, мастер?

– Нет лучше смерти, как за своего законного господина, – сказал Дик.

– Он вовсе не мой законный господин, – сказал молодой парень. – Я был приверженцем Уэлсингемов, как и все, кто живут по Брайерлейской дороге, вот уж два года. А теперь должен быть на стороне Брэкли! Так повелел закон! Неужели это естественно? Тут и сэр Дэниел, и сэр Оливер, который более знаком с законом, чем с честностью, а я считаю, что у меня нет другого законного господина, кроме бедного короля Гарри Шестого, да благословит его Господь, бедного простака, не умеющего отличать своей правой руки от левой!

– Ты злоязычен, друг, – заметил Дик, – и сразу говоришь плохо и о своем добром хозяине, и о его милости короле! Но король Гарри – хвала всем святым! – пришел в себя и желает, чтобы все устроилось мирно. Что же касается сэра Дэниела, то ты очень храбр за его спиной! Но я не буду сплетником... и доволен.

– Я не говорю ничего дурного о вас, мастер Ричард, – возразил крестьянин. – Вы еще мальчик, а вот когда вырастаете, то и очутитесь с пустым кошельком. Больше ничего не скажу. Святые да помогут соседям сэра Дэниела, а Пресвятая Дева – тем, кого он опекает!

– Клипсби, – сказал Ричард, – я, по чести, не должен слушать того, что вы говорите. Сэр Дэниел – мой добрый господин и мой опекун.

– Ну так отгадайте мне одну загадку, – возразил Клипсби. – На чьей стороне сэр Дэниел?

– Не знаю, – проговорил Дик, слегка краснея.

В это смутное время его опекун постоянно переходил с одной стороны на другую, и каждая перемена сопровождалась увеличением его состояния.

– Ага! – продолжал Клипсби. – Этого не знаете ни вы, ни один человек на свете. Потому что он из тех, кто ложится спать приверженцем Ланкастерского дома, а встает защитником Йорка.

Как раз в это время на мосту раздался стук железных подков. Все обернулись и увидели Беннета Хэтча, который галопом приближался к ним. Это был смуглый человек с седinou в волосах, с тяжелой рукой и суровым лицом, вооруженный копьем и мечом, в стальном шлеме и кожаной куртке. Он был большим человеком в своей местности: правая рука сэра Дэниела в мирное и военное время, теперь благодаря стараниям своего господина он был назначен начальником отряда из ста человек.

– Клипсби! – крикнул он. – Отправляйся к Моот-хаусу и пошли туда же и остальных лодырей! Боуэр даст вам шлемы и кольчуги. Мы должны отправиться до захода солнца. Смотри, сэр Дэниел расправится с теми, кто опоздает к сбору! Смотри хорошенько! Я знаю, что ты негодный человек! Нэнси, – прибавил он, обращаясь к одной из женщин, – что, старик Эппльярд в городе?

– Ручаюсь, что нет, – ответила женщина, – наверное, в поле.

Группа рассеялась. Клипсби лениво побрел по мосту. Беннет и Шелтон поехали вместе по дороге через селение и мимо церкви.

– Увидите старого ворчуна, – сказал Беннет. – Он употребил на воркотню и восхваление Гарри Пятого более времени, чем нужно человеку для того, чтобы подковать лошадь. И все потому только, что принимал участие во французских войнах!

Дом, к которому они направлялись, стоял в конца селения, среди кустов сирени; за ним с трех сторон шли поля, доходившие до опушки леса.

Хэтч соскочил с лошади, бросил повод на изгородь и вместе с Диком пошел по полю к старому солдату, который, стоя по колена в капусте, рыл землю, напевая по временам надтреснутым голосом отрывки песен. Вся одежда его была кожаная, только капюшон и пелерина были из черной байки и завязывались чем-то красным. Его лицо походило на скорлупу грецкого ореха как по цвету, так и по бороздам. Но старые серые глаза были еще ясны, и зрение не ослабло. Может быть, он был глух, может быть, считал недостойным старого стрелка, участвовавшего в битве при Азенкуре, обращать внимание на такую помеху, но ни тревожные звуки колокола, ни приближение Беннета и юноши, по-видимому, не произвели на него никакого впечатления. Он продолжал упорно

рыть землю и напевать слабым, дрожащим голосом:

И если, о леди, твоя будет милость,

Молю, пожалей обо мне...

– Ник Эппльярд, – сказал Хэтч, – сэр Оливер кланяется вам и просит вас сейчас же прийти в Моот-хаус, чтобы принять начальство над гарнизоном.

Старик взглянул на пришедших.

– Здорово, господа! – усмехаясь, проговорил он. – А куда же отправляется мастер Хэтч?

– Мастер Хэтч отправляется в Кеттли со всеми, кого мы только можем посадить на коня, – ответил Беннет. – По-видимому, там ожидается битва, и милорд нуждается в подкреплении.

– В самом деле? – сказал Эппльярд. – Ну, а сколько же человек оставляете вы мне?

– Я оставляю вам шестерых добрых молодцев и сэра Оливера в придачу, – ответил Хэтч.

– Так не удержать нам позиции, – сказал Эппльярд, – недостаточно людей. Нужно человек сорок.

– За этим-то мы и пришли к тебе, старый ворчун, – ответил Беннет. – Кто другой, кроме тебя, мог бы сделать что-нибудь в таком доме и с таким гарнизоном?

– Ага! Когда жмет где-нибудь, то вспоминают и о старом сапоге, – заметил Ник. – Никто из вас не умеет сидеть на лошади или управляться с алебардой, а что касается стрельбы из лука... Святой Михаил! Если бы ожил старик Гарри

Пятый, он встал бы перед вами и спокойно позволил бы вам стрелять в него по фартингу за выстрел.

– Ну, Ник, найдутся еще и теперь люди, умеющие хорошо натянуть тетиву, – сказал Беннет.

– «Хорошо натянуть тетиву»?! – вскрикнул Эппльярд. – Да! Но кто же умеет хорошо стрелять? Тут нужен и глаз, и голова на плечах. Ну что ты назовешь хорошим выстрелом, Беннет Хэтч?

– Да вот тот, который попадет отсюда в лес, – ответил Беннет, оглядываясь вокруг.

– Да, это был бы довольно хороший выстрел, – сказал старик, оборачиваясь, чтобы взглянуть через плечо. Вдруг он прикрыл глаза рукой и устоял в даль.

– На что это вы смотрите? – спросил, хихикая, Беннет. – Уж не видите ли Гарри Пятого?

Ветеран молча продолжал смотреть на холм. Лучи солнца ярко освещали луга на его склоне; несколько белых овец щипали траву; все было тихо, только издали доносился звук колокола.

– Что такое, Эппльярд? – спросил Дик.

– Да вот птицы, – ответил Эппльярд.

И действительно, над деревьями леса, там, где он врезался в луга и заканчивался двумя чудесными зелеными вязами, на расстоянии полета стрелы от поля, где стояли разговаривавшие, стая птиц металась взад и вперед в очевидном беспокойстве.

– Что же с птицами? – спросил Беннет.

– Ах! – вздохнул Эппльярд. – Вот вы, словно умный, собираетесь на войну, мастер Беннет. Птицы – хорошие часовые: там, где леса, они являются в первых рядах сражения. Видите, если бы мы были не здесь, а в лагере, то можно было бы подумать, что нас выслеживают стрелки... а вы бы так ничего и не знали!

– Ну, старый ворчун, – сказал Хэтч, – самые близкие к нам воины в Кеттли, под командой сэра Дэниела. Мы здесь в безопасности, словно в лондонском Тауэре, а вы пугаете людей из-за нескольких зябликов и воробьев.

– Послушать только его! – со смехом сказал Эппльярд. – Да сколько мошенников дали бы себе обрезать уши, чтобы только выстрелить в кого-нибудь из нас! Святой Михаил! Они ненавидят нас, словно хорьков, мой милый!

– Ну, по правде сказать, они ненавидят сэра Дэниела, – заметил Хэтч довольно сдержанно.

– Да, они ненавидят сэра Дэниела, но ненавидят и всякого, кто служит у него, – сказал Эппльярд, – и первым делом они ненавидят Беннета Хэтча и стрелка Николаса. Послушайте, если бы там, на опушке леса, появился здоровый малый и мы стояли бы так, что ему было бы удобно целиться в нас, – вот как мы стоим теперь, спиной к лесу, – то как вы думаете, которого из нас выбрал бы он?

– Бьюсь об заклад, что вас, – ответил Хэтч.

– А я ставлю мою куртку против кожаного пояса – он

выбрал бы вас! – воскликнул старый стрелок. – Вы сожгли Гримстон, Беннет, – этого вам никогда не простят. Что касается меня, то, Бог даст, я скоро буду в мирном месте, вдали от всякого выстрела как из лука, так и из пушки. Я старый человек и быстро приближаюсь к дому, где уготовлено ложе. Но вы, Беннет, останетесь после меня на свою погибель, и если доживете до моих лет неповешенным, то, значит, угас истинный английский дух...

– Ты самый злой дурак во всем Тонсталле, – сказал Хэтч, очевидно, раздраженный этими угрозами. – Собирайся-ка, прежде чем явится сэр Оливер, и перестань болтать хоть ненадолго. Если ты так же много разговаривал с Гарри Пятым, то уши его были шире его карманов.

Стрела прожужжала в воздухе, словно большой шершень: она попала между лопатками старого Эппльярда, пронзила его насквозь, и он упал лицом в капусту. Хэтч с отрывистым криком подпрыгнул, потом согнулся и побежал к дому. Дик Шелтон встал за кусты сирени и держал арбалет наготове, целясь в опушку леса.

Ни один лист не шевелился. Овцы спокойно щипали траву, птицы уселись на свои места. Но старик лежал со стрелой в спине. Хэтч ухватился за косяк двери, а Дик притаился за кустами сирени.

– Вы видите что-нибудь? – крикнул Хэтч.

– Ни одна ветвь не шелохнется.

– По-моему, стыдно оставлять его лежать так, – сказал

Беннет, подходя нерешительными шагами и с очень бледным лицом. – Смотрите за лесом, мастер Шелтон, присматривайте хорошенько! Да помогут нам святые! Но каков выстрел!

Беннет положил голову старого стрелка себе на колени. Старик еще не умер – лицо его исказилось от боли, глаза то открывались, то закрывались. По-видимому, он ужасно страдал.

– Ты меня слышишь, старый Ник? – спросил Хэтч. – Нет ли у тебя какого-нибудь последнего желания, прежде чем ты престоавишься, старый брат?

– Выньте стрелу и дайте мне умереть, во имя Богоматери... – задыхаясь, проговорил Эппльярд. – Я покончил со Старой Англией... Вытащите стрелу...

– Мастер Дик, – сказал Беннет, – подойдите сюда и дерните хорошенько стрелу. Он скоро отойдет, бедный грешник.

Дик отложил арбалет и, сильно дернув, вытащил стрелу. Хлынул поток крови, старик приподнялся на коленях, призвал имя Божье и упал мертвым. Хэтч на коленях посреди капусты горячо молился о спасении отлетавшей души. Но видно было, что и во время молитвы мысли его были заняты другим – он не сводил глаз с того уголка леса, откуда был сделан выстрел. Окончив молитву, он встал, снял одну из своих железных рукавиц и вытер свое бледное, мокрое от страха лицо.

– Следующая очередь – моя, – проговорил он.

– Кто сделал это, Беннет? – спросил Ричард, продолжая

держат стрелу в руке.

– Только святые знают это, – сказал Хэтч. – Мы с ним выгнали из домов и имений человек сорок. Он поплатился за это, бедняга; может быть, скоро поплачусь и я. Сэр Дэниел слишком притесняет людей.

– Странная стрела, – заметил юноша, рассматривая стрелу.

– Да, правда! – вскричал Беннет. – Черная с черным оперением. – Вот так зловещая стрела! Говорят, черный цвет предвещает похороны. А тут написаны и слова. Сотрите кровь, прочтите, что там написано.

– *«Эппльярду от Джона Мстителя»*... Что это значит?..

– Ну, это мне не нравится, – сказал Беннет, покачивая головой. – Джон Мститель... как раз подходящее имя для него. Но чего ради мы стоим здесь, словно мишени! Возьмите-ка его под колена, добрый мастер Шелтон, а я приподниму его за плечи, и мы отнесем его в дом. Это будет страшный удар для бедного сэра Оливера: он побледнеет, как бумага, и будет бормотать молитвы без устали, словно ветряная мельница.

Они подняли старого стрелка и отнесли в дом, где он жил в одиночестве. Тут они положили его на пол, жалея тюфяк, и приложили все усилия, чтобы придать трупу должное положение.

Домик Эппльярда был чистеньким, но довольно пустым. Тут была кровать с синим одеялом, буфет, большой сундук,

два складных стула, стол на петлях в углу, у камина; на стенах висели луки и другое оружие старого воина. Хэтч с любопытством огляделся вокруг.

– У Ника были деньги, – сказал он. – У него, может быть, отложено фунтов шестьдесят. Хотелось бы мне найти их. Когда теряешь старого друга, мастер Ричард, то самое лучшее утешение – получить наследство после него. Вот, взгляните, бьюсь о заклад – там лежит груда золота. Стрелок Эппльярд приобретал легко, а отдавал с трудом. Да упокоит Господь его душу! Около восьмидесяти лет он расхаживал по Земле и все добывал что-нибудь, а теперь лежит на спине, бедный ворчун, и ничего ему больше не надо. Если его пожитки достанутся доброму другу, то, я думаю, ему будет веселее на Небесах.

– Но, Хэтч, – сказал Дик, – почти его незрячие глаза. Неужели ты решишься обворовать труп? Да он, пожалуй, встанет тогда!

Хэтч перекрестился несколько раз, но вскоре румянец вернулся на его побледневшее лицо; его не так легко было отговорить от раз принятого решения. Сундуку не поздоровилось бы, если бы как раз в ту минуту не раздался стук распахиваемой калитки. В дом вошел высокий, толстый, краснощекий, черноглазый человек, лет около пятидесяти, в черной рясе.

– Эппльярд! – проговорил вошедший и вдруг словно замер на месте. – Ave Maria! – вскрикнул он. – Да защитят нас

святые угодники! Что это такое?

– Да, плохо дело с Эппльардом, святой отец, – ответил совсем весело Хэтч. – Убит у порога своего дома и теперь входит во врата чистилища. Там, если верить рассказам, он не будет нуждаться ни в углях, ни в свечах.

Сэр Оливер с трудом добрался до складного стула и, весь бледный и дрожащий, опустил на него.

– Это Божий суд! О, какой удар! – прорыдал он и забормотал молитвы.

Хэтч между тем снял свой шлем и набожно опустил на колени.

– А, Беннет, – сказал священник, немного оправившись. – Что это может быть? Какой враг сделал это?

– Вот стрела, сэр Оливер. Взгляните – на ней написаны слова, – сказал Дик.

– Ну! Скверные вести! – вскрикнул священник. – «Джон Мститель»! Вполне подходящее название для лолларда³! И вдобавок черная, в виде дурного предзнаменования! Господа, эта стрела не нравится мне. Но нам необходимо посоветоваться. Кто бы это мог быть? Подумай-ка хорошенько, Беннет. Который из многих темных злоумышленников решился так смело выступить против нас? Симнел? Я сильно сомневаюсь в этом. Уэлсингеми? Нет, они еще не дошли до это-

³ Слово «лоллард» («lollard»), обозначавшее «пустой болтун», было презрительным прозвищем, которое давали духовным лицам, восставшим в XIV в. против господствующей церкви.

го; они еще надеются победить нас законным образом, когда настанет иное время. Вот еще Саймон Мелмсбери. А ты как думаешь, Беннет?

– А что вы думаете, сэр, об Эллисе Декурсе?

– Ну, это уж нет, Беннет. Только не он, – сказал священник. – Смута никогда не подымается снизу, Беннет, все разумные хроникеры сходятся в этом мнении. Возмущение всегда идет сверху вниз. Когда Том, Дик и Гарри берутся за свои луки, нужно пристально взглядеться, кому из лордов может быть полезно это движение. Так как сэр Дэниел снова присоединился к партии королевы, то он теперь в немилости у лордов Йорка. Оттуда и идет этот удар, Беннет. Я постараюсь узнать, кто подготовил его, но здесь главная причина этого несчастья.

– Извините, сэр Оливер, – сказал Беннет, – здесь все так нагрелось, что я давно уже чую пожар. Чувал его и бедный грешник Эппльярд. И, извините, умы всех здесь так скверно настроены против нас, что для бунта им не нужно ни Ланкастера, ни Йорка. Выслушайте мои простые слова. Вы, служитель церкви, и сэр Дэниел, вечно поворачивающийся куда дует ветер, вы отняли добро у многих людей и немало их погубили и перевешали. Вас призывали к суду, но, уж не знаю каким образом, вы всегда оказывались правы. Вы думаете, что на том и делу конец? Ну нет, извините, сэр Оливер: человек, у которого отняли добро и которого побили, приходит в ярость и когда-нибудь, когда попутает нечистый, возьмет

свой лук да и всадит вам стрелу на целый ярд.

– Нет, Беннет, ты ошибаешься. Беннет, ты должен был бы радоваться, что есть кому наставлять тебя, – сказал сэр Оливер. – Ты пустой болтун, враль, глотка у тебя больше твоих обоих ушей, вместе взятых. Обрати на это внимание, Беннет, обрати!

– Ну, я не буду больше ничего говорить. Как вам угодно, – сказал Беннет.

Священник встал со стула, вынул из висевшего у него на шее ящичка с письменными принадлежностями сургуч, печать и кремень. Он приложил печать сэра Дэниела к буфету и к сундуку, причем Хэтч с неудовольствием смотрел на это. Потом все несколько боязливо вышли из дома и сели на лошадей.

– Нам пора уже быть в пути, сэр Оливер, – сказал Хэтч, держа стремя для священника, пока тот садился.

– Да, но времена изменились, Беннет, – возразил священник. – Эппльярда уже нет, упокой, Господи, его душу! Я задержу тебя в гарнизоне, Беннет. У меня должен быть верный человек, на которого я мог бы положиться в эти дни черных стрел. «Стрела, во тьме летящая», – говорится в Евангелии... Не помню дальше текст – я ленивый священник, слишком погружен в мирские дела. Ну, едем, мастер Хэтч! Всадники уже должны быть у церкви.

Они поехали вниз по дороге. Ветер развевал полы плаща священника. На небе за ними подымались тучи, закры-

вая солнце. Они проехали мимо трех домиков, разбросанных на окраине деревушки Тонсталл, и, доехав до поворота, увидели перед собой церковь. Десять-двенадцать домов скучились вокруг нее с передней стороны; сзади кладбище подходило к лугам. У арки кладбищенских ворот собралось около двадцати человек. Некоторые из них сидели в седлах, другие стояли около своих лошадей. И вооружение, и лошади их отличались большим разнообразием: у одних были копья, у других алебарды, у третьих – мечи. Некоторые сидели на лошадях, еще покрытых грязью от только что проведенной пахоты.

Все это были самые захудалые из местных крестьян, так как лучшие люди и лошади были уже на войне с сэром Дэниелом.

– Недурно! Да будет благословен крест Холивуда! Сэр Дэниел будет очень доволен, – заметил священник, мысленно пересчитывая отряд.

– Кто готов в путь? Выезжайте все, кто верен нам! – крикнул Беннет.

Какой-то человек прокрадывался между вязами. Услышав этот призыв, он отбросил всякое стеснение и бросился прямо к лесу. Люди, стоявшие у кладбищенских ворот, не заметившие до сих пор присутствия незнакомца, встрепенулись и рассыпались в разные стороны. Сошедшие с лошадей вновь вскочили в седла; остальные бросились преследовать незнакомца, но им приходилось огибать церковь и кладби-

ще, и потому было ясно, что добыча ускользнет от них. Хэтч с громкими ругательствами хотел перескочить через ограду, но лошадь отказалась сделать прыжок, и всадник очутился в пыли на земле. Хотя он сейчас же вскочил на ноги и схватил повод, время все же было упущено, и беглец был слишком далеко, чтобы можно было его догнать.

Дик Шелтон оказался умнее всех. Вместо того чтобы заняться бесполезным преследованием, он снял со спины арбалет и приготовил стрелу. Когда все остальные отказались от своих намерений, он повернулся к Беннету и спросил, нужно ли стрелять.

– Стреляй! Стреляй! – крикнул священник с кровожадной яростью.

– Стреляйте в него, мастер Дик, – сказал Беннет. – Попадите в него так, чтобы он упал, словно созревшее яблоко.

Беглецу оставалось сделать только несколько прыжков, чтобы очутиться в безопасности, но на окраине луг круто подымался к холму, и потому ему приходилось бежать медленнее. Из-за сумрака наступавшего вечера и порывистых движений беглеца целиться было нелегко. Дик навел арбалет и почувствовал нечто вроде сожаления: он почти желал не попасть в цель. Стрела полетела.

Беглец споткнулся и упал; Хэтч и остальные преследователи разразились громкими, радостными криками. Однако они делили шкуру медведя, еще не поймав его. Беглецу не причинили никакого вреда; он сейчас же вскочил на ноги,

повернулся, с вызывающим видом взмахнул шляпой и в следующее мгновение исчез за опушкой леса.

– Чума его возьми! – крикнул Беннет. – У него нога вора, он умеет бегать. Но вы попали в него, мастер Шелтон, он унес с собой вашу стрелу. Я не очень-то завидую этому подарку.

– Но что он делал у церкви? – спросил сэр Оливер. – Опасаюсь, что-нибудь очень дурное. Клипсби, добрый малый, сойди-ка с коня да поищи хорошенько среди вязов.

Клипсби скоро вернулся с какой-то бумагой в руках.

– Эта бумага была прибита к двери церкви, – сказал он, подавая ее сэру Оливеру. – Больше я ничего не нашел.

– Ну, клянусь могуществом нашей Матери Церкви, это уже приближается к святотатству! – вскричал сэр Оливер. – Если это делается по приказанию короля или владельца замка, то уж нечего делать! Но чтобы всякий бродяга в зеленой куртке мог прибивать бумаги к дверям святылища!.. Это уже очень близко к святотатству, и люди сжигались за дела меньшей важности! Но что это такое? Темнеет быстро. Добрый мастер Ричард, у вас молодые глаза. Прочтите мне, пожалуйста, этот пасквиль.

Дик Шелтон взял бумагу в руки и прочел ее вслух. Это были очень грубые вирши, почти без рифм, написанные большими буквами и с невероятными ошибками.

«За пояс заткнул я четыре стрелы,

*Все черные стрелы в оплату за зло,
Четыре по счету негодных людей,
Насилье которых меня доняло.*

*Одной уже нет – она метко попала:
Старик Эплъярд ею насмерть сражен.
Для мастера Беннета Хэтча другая,
Кем Гримстон злодейски сожжен.*

*А вот и для сэра Оливера Отса —
Им Гарри, сэр Шелтон, убит.
Четвертой, сэр Дэниел, вскоре вы ждите,
Увидите, как она в вас полетит.*

*Так каждый получит на долю стрелу,
И черная – черное сердце пронзит.
Скорее читайте молитву свою,
И ныне, и присно вас смерть поразит.*

*Джон Мститель и его веселые товарищи из
Тонсталлского леса*

*У нас есть еще стрелы и хорошие пеньковые веревки
и для других ваших приверженцев».*

– Увы! Где милосердие и другие христианские добродетели? – печально проговорил сэр Оливер. – Дурен здешний мир, господа, и с каждым днем становится все хуже и хуже. Я готов поклясться на Холивудском кресте, что я так же невинен в нанесении какого-либо зла, умышленно или неумышленно, тому доброму рыцарю, как некрещеный ребенок. Да никто и не думал его убивать, они заблуждаются и в этом –

есть еще живые свидетели.

– Вы это напрасно, святой отец, – сказал Беннет. – Эти разговоры совсем неуместны.

– Нет, мастер Беннет, нет. Знайте свое место, добрый Беннет, – ответил сэр Оливер. – Я докажу свою невинность. Я не хочу погибнуть по ошибке. Я беру всех в свидетели, что чист в этом деле. Я даже не был в Моот-хаусе – меня послали по делу раньше девяти часов...

– Сэр Оливер, – перебил его Хэтч, – так как вам не угодно прервать эту проповедь, то я приму другие меры. Гофф, труби, чтобы селились на лошадей!

Раздался звук трубы. Беннет подошел близко к пораженному священнику и яростно шепнул ему что-то на ухо.

Дик Шелтон увидел, как сэр Оливер испуганно взглянул на него. Дик было о чем подумать, потому что сэр Гарри Шелтон был его родным отцом. Но он не сказал ни слова и лицо его осталось неподвижным.

Хэтч и сэр Оливер некоторое время обсуждали изменившееся положение дел. Они решили оставить десять человек не только для защиты Моот-хауса, но и для сопровождения священника через лес. Так как Беннет должен был остаться, то начальство над отрядом, посланным для подкрепления, было передано мастеру Шелтону. Действительно, другого выбора не оставалось: остальные были глупые, неуклюжие люди, неопытные в военном деле, а Дик был не только популярен, но и решителен и серьезен не по годам. Хотя он

провел свою юность в этом глухом местечке, но сэр Оливер хорошо обучил его чтению и письму, а обращению с оружием и первым основам военного искусства научил его сам Хэтч. Беннет всегда был добр к Дику и готов помочь ему во всем. Он был из людей, которые жестоки к тем, кого считают своими врагами, но по-своему грубо верны и преданы своим друзьям. И теперь, когда сэр Оливер пошел в ближайший дом, чтобы написать своим четким, красивым почерком отчет о последних событиях своему господину, сэру Дэниелу Брэккли, Беннет подошел к своему ученику, чтобы пожелать ему успеха в его предприятии.

– Вы должны ехать дальним путем, в обход, мастер Шелтон, – сказал он. – Вам надо объехать мост, чтобы сохранить жизнь! Пустите верного человека в пятидесяти шагах перед собой – пусть он стреляет в случае тревоги, а вы поезжайте потихоньку, пока не выедете из лесу. Если негодяи нападут на вас, скачите изо всех сил: вы погибнете, если остановитесь. И поезжайте все вперед, мастер Шелтон, не возвращайтесь сюда, если вам дорога жизнь; помните, что в Тонсталле вам не найти помощи. Так как вы едете на великую войну за короля, а я остаюсь здесь, где моей жизни грозит величайшая опасность, и только святые знают, встретимся ли мы еще с вами здесь, на Земле, то я дам вам последние советы при вашем отъезде. Остерегайтесь сэра Дэниела: ему нельзя доверять. Не верьте и плуту-священнику: у него нет дурных намерений, но он исполняет волю других, это орудие сэра

Дэниела! Приобретите влияние там, куда отправляетесь; заведите себе сильных друзей; позаботьтесь об этом. И помните добром Беннета Хэтча! На свете есть негодяи похуже Беннета. Ну, желаю вам удачи!

– Господь да будет с вами, Беннет! – ответил Дик. – Вы были всегда добрым другом мне, сироте, и я всегда скажу это.

– И вот что еще, мастер, – прибавил Хэтч несколько смущенно, – если этот Мститель пустит в меня стрелу, вы, может быть, не откажетесь дать золотую марку, а то и фунт за спасение моей бедной души, потому что плохо мне придется в чистилище.

– Ваше желание будет исполнено, Беннет, – ответил Дик. – Но ободритесь! Мы встретимся там, где вы будете более нуждаться в эле, чем в мессах.

– Дай-то Бог, мастер Дик, – сказал Хэтч. – Но вот идет сэра Оливер. Если бы он так же ловко управлялся с луком, как с пером, он был бы чудесным воином.

Сэр Оливер дал Дикю запечатанный пакет с надписью «Моему достоуважаемому господину, сэру Дэниелу Брэкли, рыцарю. Передать немедленно».

Дик положил пакет за пазуху, отдал приказание и поехал вдоль деревушки к западу.

Часть первая. Два мальчика

Глава I. Гостиница «Солнце» в Кеттли

Сэр Дэниел и его люди разместились этим вечером в Кеттли и его окрестностях, в теплых помещениях, и расставили патрули. Но рыцарь из Тонсталла был из людей, вечно гнавшихся за денежной добычей. И теперь, накануне авантюры, из которой он должен был или выйти победителем, или погибнуть, он встал в час ночи, чтобы выжать сок из своих бедных соседей. Он вел большие дела по спорным наследствам: обычно он покупал право наследства у какого-нибудь самого безнадежного претендента и потом благодаря покровительству важных лордов, приближенных короля, добивался неправильных решений суда в свою пользу. Если же для этого требовалось много хлопот, он захватывал спорный замок силой оружия и полагался на свое влияние и на крючкотворство сэра Оливера, чтобы удержать захваченное. Кеттли было одним из таких спорных мест, недавно попавшим в его когти. Сэр Дэниел встречал еще отпор со стороны жителей и, чтобы подавить недовольство, привел сюда свои войска.

В два часа утра сэр Дэниел сидел в комнате гостиницы у очага, так как в этот час среди болот Кеттли бывало холодно. Рядом с ним стояла кружка эля, приготовленного с пряно-

стями. Он снял свой шлем с забралом и сидел, плотно укутавшись в ярко-красный плащ и опустив на руку свою лысую голову. У него было худое смуглое лицо. В дальнем конце комнаты около дюжины солдат стояли на часах у двери или спали на скамьях. Несколько ближе к нему мальчик лет двенадцати-тринадцати растянулся на плаще на полу.

Перед великим человеком стоял хозяин «Солнца».

– Ну, смотри, хозяин, – говорил сэр Дэниел, – только слушайся моих приказаний, и я буду всегда добрым господином. Мне нужны хорошие люди в старшины, а главным констеблем я желаю иметь Эдама-а-Мора; позаботься хорошенько об этом. Если будут выбраны другие, то это не принесет вам никакой пользы, как вы узнаете по горькому опыту. Я приму хорошие меры относительно тех, кто платил Уэлсингему... между ними был и ты, мой любезный хозяин.

– Добрый рыцарь, – сказал хозяин, – я поклянусь на Холивудском кресте, что платил Уэлсингему только по принуждению. Нет, достойный рыцарь, я не люблю бездельников Уэлсингемов – они бедны, как воры, храбрый рыцарь. Дайте мне настоящего лорда вроде вас. Спросите соседей: все скажут, что я стойко держусь Брэккли.

– Может быть, – сухо проговорил сэр Дэниел. – Тогда ты заплатишь вдвое.

Хозяин гостиницы сделал страшную гримасу; но подобного рода несчастье часто случалось с арендаторами в те беспокойные времена, и хозяин, может быть, был рад отделать-

ся так легко.

– Приведи того малого, Селден! – крикнул рыцарь.

Один из слуг ввел бедного, забитого старика, бледного как полотно и дрожавшего, словно от болотной лихорадки.

– Твое имя, бездельник? – спросил сэр Дэниел.

– Конделл. Конделл из Шорби, с позволения вашей милости.

– До меня дошли дурные слухи о тебе, – сказал рыцарь. – Ты заподозрен в измене, затягиваешь взнос арендной платы, на тебя падает тяжелое обвинение в убийстве многих людей. Как? Ты еще так дерзок! Ну, я смирю тебя.

– Глубокоуважаемый и достопочтенный господин, – проговорил старик, – тут вышла какая-то чепуха, не будь сказано в вашем присутствии. Я бедный, честный человек и никому не сделал зла.

– Младший шериф дал мне о тебе самые скверные сведения, – сказал рыцарь. – «Схватите этого Тинделла из Шорби», приказал он.

– Конделл, мой добрый господин, Конделл – так зовут меня, несчастного!

– Конделл или Тинделл – все равно, – хладнокровно ответил сэр Дэниел. – Ты здесь, и я, по правде, сильно сомневаюсь в твоей честности. Если хочешь спасти свою шею, напиши-ка мне поскорее обязательство на двадцать фунтов.

– На двадцать фунтов, мой добрый господин?! – вскрикнул Конделл. – Да это чистое безумие! Все мое имущество

не стоит семидесяти шиллингов.

– Конделл или Тинделл, – со смехом сказал сэр Дэниел, – я пойду на риск! Напиши на двадцать фунтов, а когда я получу все, что будет возможно, то буду тебе добрым господином и прощу остальное.

– Увы! Это невозможно, мой добрый господин, я не искусен в письме, – сказал Конделл.

– Увы! – проговорил рыцарь. – Значит, нет другого средства. А мне бы очень хотелось пощадить тебя, Тинделл, да совесть не позволяет. Селден, возьми-ка осторожно этого старого ворчуна, доведи его до ближайшего вяза и нежно повесь за шею там, где я смогу увидеть его, когда поеду. Прощайте, добрый мастер Конделл, дорогой мастер Тинделл! Вы отправляетесь в рай на почтовых! Итак, прощайте!

– Ну, мой остроумный лорд, – ответил Конделл с вынужденной, льстивой улыбкой, – раз вы требуете, как и подобает вам, я исполню ваше приказание, несмотря на все мое неумение.

– Друг, – сказал сэр Дэниел, – теперь ты напишешь на сорок фунтов. Полно! Ты слишком хитер, чтобы иметь состояние только в семьдесят шиллингов. Селден, посмотри, чтобы он написал как следует и чтобы было засвидетельствовано по форме.

И сэр Дэниел, веселый рыцарь – веселее его не было в целой Англии, – сделал глоток эля и с улыбкой откинулся на спинку кресла.

Между тем лежавший на полу мальчик зашевелился, потом поднялся и испуганно оглянулся вокруг.

– Сюда! – сказал сэр Дэниел, и когда мальчик, повинувшись его приказанию, встал и медленно подошел к нему, он снова откинулся назад и громко расхохотался. – Клянусь распятием! – крикнул он. – Что за сильный, здоровый мальчишка!

Мальчик вспыхнул от гнева, и молния ненависти мелькнула в его темных глазах. Теперь, когда он стоял на ногах, было бы трудно определить его возраст. По выражению лица, хотя и гладкого и чистого, как у ребенка, он казался старше; фигура его была необыкновенно тонка, походка несколько неловкая.

– Вы звали меня, сэр Дэниел, – сказал он, – для того чтобы посмеяться над моим печальным состоянием?

– Ну, дайте мне посмеяться, – сказал рыцарь. – Прошу вас, милочка, дайте мне посмеяться. Если бы вы могли видеть себя, то, уверяю, сами бы расхохотались.

– Хорошо! – вскрикнул, вспыхивая, мальчик. – Вы ответите за это, как за все остальное. Смейтесь, пока можете.

– Ну, – несколько серьезнее проговорил сэр Дэниел, – я вовсе не насмехаюсь над вами; это только шутка, дозволенная между родными и близкими друзьями. Я устрою ваш брак, получу тысячу фунтов и буду чрезвычайно любить вас. Правда, я захватил вас несколько грубо, но так уж пришлось; зато с настоящей минуты я буду от всего сердца заботиться о вас и с радостью служить вам. Вы станете миссис Шелтон,

леди Шелтон, клянусь! Потому что мальчик обещает многое. Гм! Не следует пугаться честного хохота, он прогоняет печаль. Кто смеется, тот не негодяй. Эй, хозяин, дай поесть моему кузену, мастеру Джону! Садитесь, милочка, и кушайте.

– Нет, – сказал мастер Джон, – я не преломлю хлеба с вами. Раз вы принуждаете меня к такому греху, я буду поститься ради спасения души. Добрый хозяин, пожалуйста, будьте так добры, дайте мне кружку чистой воды; вы очень обяжете меня своей любезностью.

– Извольте кушать! – крикнул рыцарь. – Потом исповедуетесь как следует и получите отпущение этого греха, а пока удовольствуйтесь ожиданием и кушайте.

Но мальчик был упрям: он выпил кружку воды, снова плотно завернулся в свой плащ и уселся в дальнем уголке, погружаясь в мрачное раздумье.

Через час или два в селении поднялась суматоха, послышались оклики часовых, звон оружия и стук лошадиных копыт; потом к гостинице подъехал отряд всадников, и Ричард Шелтон, весь забрызганный грязью, появился на пороге комнаты.

– Да хранит вас Бог, сэра Дэниел, – сказал он.

– Как?! Дикки Шелтон! – вскрикнул рыцарь.

При этом имени сидевший в углу мальчик с любопытством взглянул на вновь прибывшего.

– А что же Беннет Хэтч?

– Пожалуйста, сэр, ознакомьтесь с содержанием этого пакета, присланного вам сэром Оливером. Тут все подробно описано, – ответил Ричард, подавая письмо священника. – А затем вам следовало бы как можно скорее отправиться в Райзингем, потому что на пути нам встретился гонец, бешено мчавшийся с письмами. Он сообщил нам, что лорд Райзингем находится в отчаянном положении и чрезвычайно нуждается в вашем присутствии.

– Что ты говоришь? «В отчаянном положении»? – переспросил рыцарь. – Ну, так мы поторопимся не спеша, мой добрый Ричард. В бедном английском государстве кто едет тише, тот едет увереннее. Отсрочка, говорят, порождает гибель, а по-моему, скорее зуд действия губит людей. Заметь это, Дик. Но прежде дай мне посмотреть, что за скотину ты пригнал сюда. Селден, запри дверь на цепь!

Сэр Дэниел вышел на сельскую улочку и при красном свете факелов произвел инспекторский смотр своим войскам. Он был непопулярен как сосед и господин, но очень любим как вождь всеми теми, кто следовал за его знаменем. Его отвага, испытанное мужество, заботливость об удобствах солдат, даже грубые шутки – все это приходилось по вкусу храбрецам его отряда.

– Ну, клянусь распятием! – крикнул он. – Что это за жалкий сброд! Одни искривлены, как лук, другие тонки, как копье. Друзья, не послать ли вас в передние ряды во время сражения? Я не буду щадить вас, друзья. Покажите-ка мне этого

старого негодяя на пегой лошади! Двухлетняя овца, едущая на свинье, имела бы более воинственный вид. А, Клипсби, ты здесь, старая крыса? Вот человек, которого я охотно потерял бы: ты пойдешь впереди всех, а на кафтане у тебя будет нарисована мишень, чтобы стрелки могли лучше целиться! Ты будешь указывать мне путь.

– Я укажу вам какой угодно путь, сэра Дэниел, кроме того, который ведет от одной партии к другой, – смело ответил Клипсби.

Сэр Дэниел разразился громким смехом.

– Хорошо сказано! – крикнул он. – Язык у тебя во рту бойкий. Ну, я прощу тебя за удачное словечко. Селден, посмотри, чтобы накормили его и его скотину!

Рыцарь вернулся в гостиницу.

– Ну, друг Дик, приступай, – сказал он. – Вот добрый эль и свиная грудинка. Кушай, пока я буду читать.

Сэр Дэниел вскрыл пакет и нахмурил брови. Прочитав письмо, он задумался, потом проницательно посмотрел на своего воспитанника.

– Дик, – сказал он после короткого раздумья, – ты читал эти скверные стишки?

Юноша ответил утвердительно.

– В них упоминается имя твоего отца, – продолжал рыцарь, – какой-то сумасшедший обвиняет нашего бедного сэра Оливера в его убийстве.

– Он горячо отрицал это, – заметил Дик.

– В самом деле? – очень резко сказал рыцарь. – Язык у него без костей, болтает, словно сорока. Со временем, когда я буду посвободнее, я сам расскажу тебе об этом подробнее, Дик. В то время сильно подозревали некого Декурса, но время было смутное и нельзя было добиться правосудия.

– Это случилось в Моот-хаусе? – спросил Дик с сильно бьющимся сердцем.

– Это случилось между Моот-хаусом и Холивудом, – спокойно ответил сэр Дэниел. При этом, однако, он метнул искоса мрачный, подозрительный взгляд на Дика. – А теперь поторопись с едой, ты отвезешь в Тонсталл несколько строчек от меня.

Выражение сильного огорчения появилось на лице Дика.

– Пожалуйста, сэр Дэниел, пошлите кого-нибудь из крестьян! – вскрикнул он. – Умоляю вас, пустите меня в битву. Обещаю вам, что сумею наносить удары.

– Я не сомневаюсь в этом, – ответил сэр Дэниел, садясь и принимаясь за письмо. – Но тут, Дик, нельзя приобрести почестей. Я останусь в Кеттли, пока не получу верных сведений о ходе битвы, и тогда поеду, чтобы присоединиться к победителю. Не кричи, что это трусость, – это только мудрость, Дик. Бедное государство потрясено бунтами; владычество короля и его заточение так часто сменяются одно другим, что никто не может быть уверен в завтрашнем дне. Пустомели и Ветрогоны сражаются за одну из сторон, а господин Здравый Смысл сидит, поджидая исхода битвы.

С этими словами сэр Дэниел отвернулся от Дика и стал писать письмо на другом конце длинного стола, скривив рот, так как история с черной стрелой крепко застряла у него в голове.

Молодой Шелтон между тем усердно поглощал свой завтрак, как вдруг почувствовал, что кто-то дотронулся до его руки и чей-то очень нежный голос зашептал ему на ухо:

– Не подавайте вида, умоляю вас, – говорил этот голос, – но будьте милосердны, укажите мне прямой путь в Холивуд. Умоляю вас, добрый мальчик, утешьте бедную душу, находящуюся в опасности и полном отчаянии, и укажите мне путь к покою.

– Идите по дорожке у ветряной мельницы, – так же тихо ответил Дик, – она доведет вас до перевоза через Тилл. Там спросите снова.

И, не поворачивая головы, он снова принялся за еду. Но, бросив искоса взгляд, он увидел, что юноша, которого называли мастером Джоном, украдкой вышел из комнаты.

«Да он так же молод, как и я, – подумал Дик, – а назвал меня добрым мальчиком. Знай я, что он так молод, я допустил бы скорее, чтобы его повесили, прежде чем указал бы ему дорогу. Ну, если он пойдет по болоту, я могу догнать его и надрать ему уши».

Через полчаса сэр Дэниел дал Дику письмо и велел ему отправиться в Моот-хаус как можно скорее. Через полчаса после отъезда Дика прискакал сломя голову посланный от

лорда Райзингема.

– Сэр Даниел, – сказал посланный, – вы теряете возможность приобрести большие почести, уверяю вас! Битва началась сегодня утром до восхода солнца, и мы побили их авангард и рассеяли правое крыло. Предстоит решительное сражение. У вас свежие силы, и вы можете загнать всех неприятелей в реку. Как, сэр рыцарь? Неужели вы будете последним? Это не послужит к вашей чести.

– Нет, я только что собирался выступить! – крикнул рыцарь. – Селден, труби поход! Сэр, через минуту я буду с вами. Большая часть моего отряда приехала не более двух часов назад, сэр гонец. Что прикажете делать? Пришпоривать – дело хорошее, но иногда это убивает коня. Поскорее, ребята!

К этому времени звук трубы весело раздавался в утреннем воздухе; люди сэра Дэниела стекались со всех сторон на главную улицу селения и выстраивались перед гостиницей. Они спали с оружием в руках, с оседланными лошадьми, поэтому через десять минут сотня солдат и стрелков из лука, чисто одетых и хорошо дисциплинированных, стояли наготове в рядах. Большинство имели цвета сэра Дэниела, темно-красный и синий, что придавало им нарядный вид. Впереди ехали лучше вооруженные, а вдали, в хвосте колонны, находилось жалкое подкрепление, явившееся накануне. Сэр Дэниел с гордостью оглядел ряды своего отряда.

– Вот молодцы, которые пригодятся в затруднении, – сказал он.

– Действительно, славные люди, – ответил посланный. – Тем печальнее, что вы не выпустили их раньше.

– Как же иначе? – сказал рыцарь. – Все лучшее приберегается к началу праздника и к концу стычки. – Он привстал в седле. – Это что! – вдруг крикнул он. – Джон! Джоанна! Клянусь святым распятием! Хозяин, где же девушка?

– Девушка, сэр Дэниел? – закричал в свою очередь хозяин. – Нет, сэр, я не видел никакой девушки.

– Ну, мальчик, дурак! – закричал рыцарь. – Неужели ты не видел, что это девушка? Ну, та, которая, чтобы не нарушить пост, позавтракала кружкой воды... Негодяй, где она?

– Да помилуют нас все святые! Вы звали ее мастером Джоном, – сказал хозяин. – Ну, а мне в голову ничего не пришло... Он уехал, я видел его... то есть я видел ее в конюшне добрый час тому назад – он седлал серую лошадь.

– Клянусь распятием! – вскрикнул сэр Дэниел. – Девушка стоила мне пятьсот фунтов, если не больше!

– Сэр рыцарь, – с горечью заметил гонец, – пока вы здесь кричите о пятистах фунтах, в другом месте может быть приобретено или потеряно Английское королевство.

– Хорошо сказано, – заметил сэр Дэниел. – Селден, возьми с собой шесть стрелков и отыщи мне ее. Все равно, что бы это ни стоило, но чтобы я нашел ее по своем возвращении в Моот-хаус. Ты отвечаешь мне за это головой. А теперь выступаем, сэр гонец!

Глава II. На болоте

Было около шести часов майского утра, когда Дик на обратном пути домой подъехал к болоту. Небо было совершенно синим; веселый ветер дул шумно и ровно; колеса ветряных мельниц вертелись, а ивы над болотом колыхались и белели, словно нива. Дик провел целую ночь в седле, но у него были бодрый дух и здоровое тело, поэтому он продолжал ехать очень весело.

Дорожка опускалась все ниже и ниже к болоту, пока он не потерял из виду всех отличительных примет, кроме ветряной мельницы в Кеттли на холме позади и верхушек Тонсталлского леса далеко впереди.

С обеих сторон тянулись большие поля, покрытые колымаемым ветром тростником и ивами, лужи воды, волновавшейся от ветра, и изменнические, зеленые, как изумруд, топи, завлекавшие путешественника и обманывавшие его. Дорожка шла почти прямо через болото. Она была очень древняя – ее проложили еще римские солдаты. С течением времени она опустилась во многих местах и лежала там и сям под стоячими водами болота.

Приблизительно в миле от Кеттли Дик подъехал к такому месту дорожки, где разбросанные в виде островков тростники и ивы сбивали с толку путешественника. К тому же глубокая топь в этом месте была глубже, чем в других; всякий

не знакомый с этим местом легко мог попасть в беду, и Дик с некоторым угрызением совести вспомнил о юноше, которому он дал такие неясные указания. Что касается его самого, то одного взгляда назад, туда, где вертевшиеся крылья ветряной мельницы чернели на синем небе, другого вперед – на верхушки тонсталлского леса – было совершенно достаточно для того, чтобы ехать прямо и спокойно, словно по большой дороге, хотя вода омывала ноги его лошади до колен.

На полдороге, когда он уже увидел сухую дорожку, подымавшуюся высоко на другой стороне, он вдруг услышал сильный всплеск воды направо от себя и заметил серую лошадь, провалившуюся по брюхо в тину и отчаянно бившуюся. Как будто почувствовав приближение помощи, бедное животное громко заржало. Конь поводил налившимися кровью, обезумевшими от ужаса глазами; он барахтался в трясине, и тучи насекомых подымались в воздух и жужжали над ним.

«Увы! – подумал Дик. – Неужели бедный юноша погиб? Это, наверное, его славный серый конь. Ну, товарищ, ты зовешь меня так жалостно, что я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе. Не оставлю тебя тонуть дюйм за дюймом!»

Он натянул арбалет и пустил стрелу в голову животного. После такого грубого акта милосердия Дик поехал дальше уже не столь веселым. Он пристально вглядывался во все окружающее, ища следы своего менее счастливого предшественника.

«Если бы я как следует указал ему дорогу... – смекнул он. – А теперь он, пожалуй, погиб в болоте».

Только он подумал об этом, как чей-то голос окликнул его со стороны плотины. Обернувшись, он увидел лицо мальчика, выглядывавшего из-за тростника.

– Вы здесь? – сказал он, останавливая лошадь. – Вы лежали среди тростника так, что я не заметил вас, когда проехал мимо. Я видел вашу лошадь – ее затянуло в трясины, и я избавил ее от мучений. Право, вы должны были бы сами сделать это, если бы были милосердным всадником. Но выходите из своего убежища. Тут никто не потревожит вас.

– Добрый мальчик, у меня нет оружия, да если бы и было, я не умею управляться с ним, – ответил юноша, выходя на дорожку.

– Зачем вы называете меня мальчиком? – крикнул Дик. – Я не думаю, чтобы вы были старшим из нас двоих.

– Добрый мастер Шелтон, – сказал незнакомец, – пожалуйста, простите меня. У меня не было ни малейшего желания обидеть вас. Скорее я буду молить вас о доброте и милости, потому что мне приходится теперь хуже, чем когда-нибудь, так как я потерял дорогу, плащ и мою бедную лошадь. У меня есть хлыст и шпоры, но нет лошади, на которой можно было бы сидеть. А главное, – прибавил он, грустно оглядывая свою одежду, – главное, неприятно быть так страшно выпачканным!

– Вздор! – крикнул Дик. – Неужели стоит обращать вни-

мание на то, что выкупался? Кровь из раны или пыль путешествия – все это только украшает мужчину.

– Ну, тогда он больше нравится мне некрасивым, – заметил юноша. – Но, пожалуйста, скажите, что мне делать? Помогите мне советом, добрый мастер Ричард. Если я не доберусь благополучно до Холивуда, то погибну.

– Ну, – сказал Дик, сходя с лошади. – Я дам тебе кое-что лучше совета. Возьми-ка мою лошадь, а я побегу рядом, а когда я устану, мы поменяемся местами. Таким образом мы скоро доберемся до нашей цели.

Дик остановил свою лошадь. Мальчик сел на нее, и они отправились вперед настолько быстро, насколько позволяла неровная плотина. Дик шел рядом с лошадью, положив руку на колено всадника.

– Как тебя зовут? – спросил Дик.

– Зови меня Джоном Мэтчемом, – ответил юноша.

– А что у тебя за дела в Холивуде? – продолжал Дик.

– Ищу убежища от притесняющего меня человека, – был ответ. – Добрый аббат Холивудский – сильная опора слабых.

– А как же ты очутился с сэром Дэниелом, мастер Мэтчем? – продолжал расспрашивать Дик.

– Благодаря насилию! – сказал юноша. – Он взял меня силой из моего дома, одел в эту одежду, заставил ехать, пока мне не сделалось дурно, насмехался так, что я чуть не заплакал; а когда некоторые из моих друзей погнались, чтобы отнять меня, он поставил меня в задний ряд так, чтобы их

стрелы могли попасть в меня! Я даже был контужен в ногу и хромаю. Ну, да настанет день Суда над ним, поплатится он за все!

– Неужели ты думаешь, что из детского лука можно выстрелить в луну? – сказал Дик. – Он храбрый рыцарь и рука у него железная. Если он узнает, что я устроил твой побег или принял участие в нем, мне плохо придется.

– Ах, бедный мальчик, – возразил юноша, – я знаю, что он твой опекун. И мой также, по его словам, или он купил право на устройство моего брака – не знаю точно, но только у него есть какой-то повод иметь власть надо мной.

– Опять «мальчик»! – сказал Дик.

– Ну, так звать мне тебя девочкой, добрый Ричард? – спросил Мэтчем.

– Только не девочкой, – возразил Дик. – Я ненавижу всех их.

– Ты говоришь, как мальчик, – заметил его спутник. – А думаешь о них больше, чем сознаешься.

– Ну уж нет! – решительно проговорил Дик. – Они и в голову мне не приходят. Черт их побери! Дайте мне охотиться, сражаться, пировать и жить с веселыми обитателями лесов! Я никогда не слышал, чтобы девушка могла быть годна на что-либо... Впрочем, кроме одной, да и ее, бедняжку, сожгли как ведьму за то, что она вопреки природе носила мужское платье.

Мастер Мэтчем набожно перекрестился и, по-видимому,

прочел молитву.

– Что ты делаешь? – спросил Дик.

– Я молюсь за ее душу, – ответил Мэтчем.

– За душу ведьмы? – вскрикнул Дик. – Впрочем, помолитесь за нее, если угодно. Она была лучшей девушкой в Европе, эта Жанна д'Арк. Старый стрелок Эппльярд рассказывал, что он бежал от нее, как от нечистой силы. Да, она была храброй девушкой.

– Ну, добрый мастер Ричард, – вернулся Мэтчем к прежнему разговору, – ты ненастоящий мужчина, если так сильно не любишь девушек, потому что Бог нарочно создал людей попарно и послал в мир истинную любовь для ободрения мужчин и утешения женщин.

– Фу! – сказал Дик. – Ты – дитя, молокосос, коль обращаешь такое внимание на женщин. А если ты считаешь, что я ненастоящий мужчина, то сойди на дорогу – и я докажу тебе, что я мужчина, чем угодно: кулаками, мечом или стрелой.

– Я вовсе не боец, – поспешно проговорил Мэтчем. – Я не хотел обидеть тебя и просто пошутил. Если же я заговорил о женщинах, то потому лишь, что слышал, будто ты женишься.

– Я женюсь?! – вскрикнул Дик. – В первый раз слышу это! А на ком же я женюсь?

– На некоей Джоанне Седли, – краснея, проговорил Мэтчем. – Это дело рук сэра Дэниела: за устройство этой свадьбы он рассчитывает получить с обеих сторон. А я слышал, что бедная девушка страшно огорчена мыслью об этом бра-

ке. Она, кажется, разделяет твое мнение, а может быть, жених неприятен ей.

– Ну, брак, что смерть, от него не уйдешь, – покорно проговорил Дик. – А она огорчается? Ну, посуди сам, что за бесполочи эти девушки – огорчается раньше, чем увидела меня! Отчего же я не огорчаюсь? Если я буду жениться, то уж точно с сухими глазами! Но если ты знаешь ее, то скажи, какова она? Красива или некрасива? Дурного характера или хорошего?

– А зачем тебе это? – сказал Мэтчем. – Если тебе надо жениться, то и женись. Не все ли равно, красива она или некрасива? Ведь это пустяки. Ты не молокосос, мастер Ричард, ведь ты женишься, не проронив ни слезинки.

– Хорошо сказано, – заметил Шелтон. – Мне это решительно все равно.

– Приятный муж будет у твоей жены, – сказал Мэтчем.

– У нее будет такой муж, какого пошлет ей Господь, – возразил Дик. – Я думаю, бывают и худшие, и лучшие.

– Ах, бедная девушка! – вскрикнул Джон.

– Почему уж такая бедная? – спросил Дик.

– Да потому, что ей придется выходить за человека, сделанного из дерева, – ответил его товарищ. – О, Боже мой, деревянный муж!

– А ведь я и в самом деле человек из дерева, – сказал Дик, – потому что плетусь пешком, а ты едешь на моей лошади. Но я думаю, что если я из дерева, то из хорошего.

– Прости меня, добрый Дик, – живо проговорил юноша. – Нет, ты добрейший человек в Англии. Я только пошутил. Прости меня, милый Дик.

– Ну, без глупостей, – возразил Дик, несколько смущенный горячностью своего товарища. – Ничего дурного не вышло. Я не обидчив, хвала святым!

В эту минуту ветер, дувший им в спину, донес до них резкие звуки трубы сэра Дэниела.

– Слушай! – сказал Дик. – Это звучит труба.

– Ах! – сказал Мэтчем. – Мое бегство открыто, а у меня нет лошади! – И он побледнел, как смерть.

– Ну, смелее! – сказал Дик. – Ты сильно обогнал их, и мы уже близко к перевозу. А вот у меня так действительно нет лошади.

– Увы, меня поймают! – вскричал беглец. – Мой добрый Дик, умоляю тебя, помоги мне!

– Ну что такое с тобой? – сказал Дик. – Мне кажется, я помогаю тебе очень усердно. Но мне жаль такого трусливого малого! Ну так слушай же, Джон Мэтчем, если твое имя действительно Джон Мэтчем: я, Ричард Шелтон, будь что будет, во что бы то ни стало доставлю тебя невредимым в Холивуд. Пусть святые поступят со мной так же, если я покину тебя. Ну, приободришься-ка, бледнолицый сэр. Дорога здесь лучше – пришпорь лошадь! Быстрее! Быстрее! Не обращай внимания на меня, я могу бежать, как олень.

Лошадь скакала крупной рысью, но Дик легко поспевал за

ней. Таким образом они проехали остальную часть болота и добрались до хижины перевозчика на берегу реки.

Глава III. Перевоз у реки

Широкая, медленно струившаяся река Тилл, с глинистым руслом, вытекала из болот и в этой части своего течения вилась среди десятков двух болотистых островков, поросших ивами.

Река была мутная, но в это светлое, чудное утро все казалось прекрасным. На поверхности ее виднелась сильная рябь, а небо отражалось улыбающимися, разорванными кусками голубого цвета.

У самой дорожки была маленькая бухта; хижина перевозчика приютилась под самым берегом. Она была построена из ветвей и глины; на крыше росла зеленая трава.

Дик подошел к двери и отпер ее. Внутри хижины на старом, рваном коричневом плаще растянулся перевозчик – человек большого роста, но худой и изнуренный местной лихорадкой.

– Э, мастер Шелтон, – сказал он, – вы собираетесь переехать на ту сторону? Плохие времена, плохие времена! Берегитесь. Тут разгуливают молодцы из одной шайки. Поверните лучше пятки и попробуйте пробраться по мосту.

– Нет, в седле быстрее, – ответил Дик. – Время не терпит, Хью. Я очень тороплюсь.

– Своенравный малый! – сказал, вставая, перевозчик. – Счастливы вы, если вам удастся добраться до Моот-хауса, больше я ничего не скажу. Кто это? – прибавил он, заметив Мэтчема и, прищулив глаза, остановился на пороге своей хижины.

– Это мой родственник, мастер Мэтчем, – ответил Дик.

– Здравствуй, добрейший перевозчик, – сказал Мэтчем, который соскочил с лошади и подошел к разговаривающим, ведя лошадь в поводу. – Пожалуйста, спусти лодку, мы очень торопимся!

Худой перевозчик продолжал пристально смотреть на него.

– Клянусь мессой! – наконец крикнул он и расхохотался во все горло.

Мэтчем вспыхнул до ушей и нахмурился. Дик с разгневанным лицом положил руку на шею невежи.

– Это что такое, грубиян! – крикнул он. – Займись своим делом и перестань насмехаться над людьми повыше тебя!

Хью ворча отвязал свою лодку и спустил ее на глубокую воду недалеко от берега. Дик ввел лошадь в бухту, Мэтчем последовал за ним.

– Вы очень уж малы, мастер, – осклабился Хью. – Вероятно, для вас была сделана отдельная мерка. Ну, мастер Шелтон, я готов, – прибавил он, берясь за весла. – И кошка может смотреть на короля. Я только мельком взглянул на мастера Мэтчема.

– Ни слова более, негодяй! – сказал Дик. – Принимайся за дело!

К этому времени они были у выхода из бухты, откуда открывался вид вверх и вниз по реке, на которой повсюду были разбросаны островки. Глинистые берега вдавались в реку, ивы кивали своими верхушками, тростник колебался по ветру. На всем водном пространстве не было видно никакого признака присутствия человека.

– Мастер, – сказал Хью, правя лодкой одним веслом. – Я сильно подозреваю, что на острове находится Джон Фенн. Он питает злобу ко всем, кто имеет отношение к сэру Дэниелу. Что, если бы подняться по реке? Я высадил бы вас на расстоянии полета стрелы над дорожкой. Вам лучше не иметь дел с Джоном Фенном.

– Почему? Разве он принадлежит к этой шайке?

– Ну, я молчу, – сказал Хью, – но я поднялся бы вверх по воде, Дик. Что, если какая-нибудь стрела попадет в мастера Мэтчема? – И он снова расхохотался.

– Пусть будет по-твоему, Хью, – ответил Дик.

– Ну так смотрите, – сказал Хью. – Когда так, поднимите-ка свой арбалет, вот так... Теперь хорошо натяните тетиву, положите стрелу... Ну, держите и смотрите на меня по-суровее.

– Что это значит? – спросил Дик.

– Мой мастер, если я перевезу вас, то должен сделать это только насильно или со страху, – ответил перевозчик, – по-

тому что если Джон Фенн узнает об этом, то соседство его будет крайне неприятно мне.

– Разве эти негодяи имеют такую силу? – спросил Дик. – Разве они распоряжаются и паромом, и лодкой сэра Дэниела?

– Ну, – шепнул, подмигивая, Хью, – запомните мои слова! Сэр Дэниел падет. Его время прошло. Он падет. Молчок! – И он нагнулся над веслами.

Они долго плыли по реке, обогнули мыс одного из островов и тихо спустились по узкому каналу вблизи противоположного берега. Тут Хью направил лодку на середину реки.

– Я должен высадить вас здесь, между ив, – сказал он.

– Тут нет тропинки – только болота, покрытые ивами, да трясины, – заметил Дик.

– Мастер Шелтон, – ответил Хью, – я не смею везти вас дальше ради вас самих. Он караулит у перевоза с луком наготове. Он подстреливает, как кроликов, всех, кто идет мимо, если они расположены к сэру Дэниелу. Я слышал, как он клялся распятием. Не знай я вас издавна, когда вы были вот таким, то не повез бы вас; но ради прежних дней и потому, что с вами игрушка, не годящаяся ни для ран, ни для войны, я рискнул моими ушами, чтобы перевезти вас. Удовольствуйтесь этим, больше я ничего не могу сделать, клянусь спасением моей души!

Хью еще говорил, налегая на весла, когда среди ив на острове раздался громкий крик и послышался шум, как будто

сильный человек пробирался сквозь чащу леса.

– Чтоб тебе издохнуть! – крикнул Хью. – Он был все это время на верхнем острове. – Он направил лодку прямо к берегу. – Грози мне луком, добрый Дик, грози так, чтобы это было видно, – прибавил он. – Я старался спасти ваши шкуры, спаси теперь мою.

Лодка с треском влетела в чащу ив. Мэтчем, бледный, но решительный и проворный, пробежал, по знаку Дика, по камням и выскочил на берег. Дик взял лошадь за повод и хотел последовать его примеру, но застрял в чаще из-за крупного животного и густоты деревьев. Лошадь ржала и била ногами, а лодка, колыхавшаяся от прибоя, закачалась еще сильнее.

– Нельзя, Хью, нельзя пристать тут! – крикнул он, продолжая, однако, отважно бороться с упрямой чащей и испуганным животным.

На берегу острова показался высокий человек с луком в руке. Дик искоса взглянул на него и увидел, что тот с трудом натягивает тетиву. Лицо его покраснелось от волнения.

– Кто идет? – громко закричал он. – Хью, кто идет?

– Это мастер Шелтон, Джон, – ответил перевозчик.

– Стой, Дик Шелтон! – крикнул человек на острове. – Я не причиню тебе вреда, клянусь распятием! Стой! Отъезжай, Хью!

Дик ответил насмешкой.

– Ну, тогда ты пойдешь пешком, – ответил незнакомец и

пустил стрелу.

Пораженная стрелой, лошадь забила от боли и ужаса; лодка опрокинулась, и в одно мгновение все сидевшие в ней очутились в реке, борясь с течением.

Когда Дик выплыл на поверхность воды, он был на расстоянии ярда от берега; прежде чем он смог ясно разглядеть что-нибудь, он ухватился за какой-то твердый предмет, который сейчас же потащил его за собой. Это был хлыст, ловко брошенный ему Мэтчемом, повисшим на спускавшейся над водой иве.

– Клянись мессой! – вскричал Дик, когда Мэтчем помог ему выбраться на берег. – Я обязан тебе жизнью – я плаваю как ядро. – И он сейчас же направился к острову.

Хью плыл рядом со своей опрокинутой лодкой и был уже на середине реки. Джон Фенн гневно кричал, чтобы он поторопился.

– Ну, Джек, побежим, – сказал Шелтон. – Прежде чем Хью удастся вытащить свою лодку и они приведут ее в порядок, мы можем убежать от них.

И, подтверждая слова примером, он побежал, пробираясь между ив, а в болотистых местах перескакивая с кочки на кочку. Ему некогда было рассматривать, куда он бежит; он думал только о том, как убежать подальше от реки, и вложил в бег все свои силы.

Наконец местность начала подыматься, что убедило Дика в верности выбранного им направления. Вскоре товарищи

добрались до покрытого травой склона; тут ивы стали перемежаться с вязами.

Вдруг Мэтчем, который все время тащился сзади, бросился на землю.

– Оставь меня, Дик! – задыхаясь, крикнул он. – Я не могу больше!

Дик обернулся и подошел к лежавшему товарищу.

– Как, Джек... Оставить тебя?! – сказал он. – Это было бы подло с моей стороны после того, как ты рисковал попасться под выстрел, выкупаться в реке и даже утонуть, чтобы спасти мою жизнь. Да, утонуть, потому что только святым известно, почему я не утащил тебя за собой.

– Ну, – сказал Мэтчем, – я спас бы обоих, потому что умею плавать.

– В самом деле? – спросил Дик, широко раскрывая глаза.

Это был единственный из мужских талантов, к которому он был совершенно не способен. В ряду талантов, которыми он восхищался, умение плавать стояло на втором месте после умения убить противника на поединке.

– Вот мне, – сказал он, – хороший урок: не следует презирать ни одного человека. Я обещал охранять тебя до самого Ходивуда, но, клянусь распятием, Джек, ты скорее можешь охранять меня.

– Ну, Дик, мы теперь друзья с тобой, – сказал Мэтчем.

– Да мы никогда и не были недругами, – ответил Дик. – Ты в своем роде хороший мальчик, хотя несколько похож на

бабу. Я никогда не встречал никого, кто походил бы на тебя. Но, пожалуйста, переведи дух и пойдём дальше. Тут не место для болтовни.

– У меня очень болит нога, – сказал Мэтчем.

– Да, я забыл о твоей ноге, – ответил Дик. – Ну, значит, нам надо идти осторожнее. Хотелось бы мне знать, где мы. Я совершенно потерял тропинку; впрочем, может быть, это и лучше. Если стерегут у перевоза, то, может быть, стерегут и тропинку. Хотелось бы мне, чтобы сэр Дэниел вернулся сюда с сорока людьми, – он разметал бы этих негодяев, как ветер рассеивает листья. Ну, Джек, обопрись о мое плечо, бедняга. Нет, ты недостаточно высок для этого. Сколько тебе лет? Готов побиться о заклад, двенадцать!

– Нет, мне шестнадцать, – сказал Мэтчем.

– Ну, ты мал для своих лет, – ответил Дик. – Возьми мою руку. Мы пойдём тихо, не бойся. Я обязан тебе жизнью, Джек, а я умею одинаково хорошо отплачивать и за добро и за зло.

Они стали подыматься по откосу.

– Рано или поздно мы должны выйти на дорогу, – продолжал Дик, – и тогда двинемся вперед. Клянусь мессой! Какая у тебя слабая рука, Джек! Я бы стыдился, если бы у меня была такая! Знаешь, что я скажу тебе? – с внезапным смехом проговорил он. – Клянусь мессой, мне кажется, Хью-перевозчик принял тебя за девушку!

– Нет, не может быть! – вскрикнул Мэтчем, сильно крас-

нея.

– А я готов побиться о заклад, что это так! – настаивал Дик. – Да и нельзя винить его. Ты более похож на девушку, чем на мужчину. Больше того: для мальчика у тебя странный вид, а для девушки, Джек, ты был бы совсем красив, право. Ты был бы хорошенькой девушкой.

– Ну, – сказал Мэтчем, – ведь ты отлично знаешь, что я не девушка.

– Да, знаю, я шучу, – сказал Дик. – Ты будешь настоящим мужчиной, мой храбрый. Смотри, еще совершишь подвиги! А знаешь что? Мне было бы ужасно любопытно узнать, кто из нас, Джек, будет первым посвящен в рыцари? «Сэр Ричард Шелтон, рыцарь», – это красиво звучит. Но и «сэр Джон Мэтчем» звучит недурно.

– Пожалуйста, Дик, остановись, дай мне напиться, – сказал его приятель, останавливаясь у светлого ручейка, вытекавшего из холма прямо в песчаное углубление величиной не более кармана. – И... о, Дик, если бы я мог поесть чего-нибудь! У меня даже сердце болит от голода.

– Да что ты, не поел, что ли, в Кеттли, дурачок? – спросил Дик.

– Я дал обет. Я был введен в грех, – пробормотал Мэтчем, – но теперь я с радостью поел бы сухого хлеба.

– Так садись и ешь, – сказал Дик, – покуда я пойду разыскивать дорогу.

Он вынул из-за пояса сумку, в которой был хлеб и куски

копченой свиной грудинки. Мэтчем с жадностью набросился на еду, а Дик пошел в чащу деревьев.

Несколько дальше была лощинка, где ручеек пробивался среди сухих листьев; еще дальше деревья становились выше и стояли на большем расстоянии друг от друга; ива и вяз сменились дубом и буком. Бесперывный шелест листьев деревьев, колеблемых ветром, заглушал звуки его шагов; эти звуки представляли для слуха то же, что безлунная ночь для глаза, но Дик все же шел чрезвычайно осторожно, прокрадываясь от одного толстого ствола дерева к другому и зорко оглядываясь по сторонам. Внезапно в зарослях перед ним промелькнула лань, словно тень. Он остановился в гневе на несчастную случайность. Эта часть леса была, наверное, пустынна, но теперь, когда бедная лань побежала, она являлась как бы вестником, посланным кем-то, чтобы предупредить о своем приходе, и, вместо того чтобы идти дальше, Дик вернулся к ближайшему высокому дереву и стал быстро взбираться на него.

Счастье улыбнулось ему. Дуб, на который он влез, был одним из самых высоких в этой части леса и возвышался над своими соседями на шесть футов с половиной.

Когда Дик добрался до самого высокого разветвления и повис там, сильно раскачиваясь от ветра, на головокружительной высоте, он увидел за собой всю болотистую равнину вплоть до Кеттли и Тилл, извивавшийся среди лесистых островков, а впереди белую линию большой дороги, прохо-

дившую по лесу. Лодка была поднята – теперь она была на половине пути к перевозу. Но за этим исключением не было никаких признаков присутствия человека, не слышно ничего, кроме шума ветра. Он уже собирался спуститься с дерева, когда, бросив последний взгляд, увидел ряд точек посреди болота. Очевидно, какой-то маленький отряд поспешно переходил плотину. Это несколько встревожило Дика, он быстро спустился и вернулся к своему товарищу.

Глава IV. Лесные удалцы

Между тем Мэтчем отдохнул и ожил. Приятели, окрыленные тем, что видел Дик, поспешно прошли остальную часть леса, беспрепятственно перешли через дорогу и начали подыматься на возвышенность, на которой был расположен Тонсталлский лес. Везде попадались рощи, между которыми виднелись места, поросшие вереском, дроком, песчаные и покрытые старыми тисами. Почва становилась все более неровной – постоянно встречались углубления и кочки. И с каждым шагом ветер дул все более резко, а деревья гнулись под его порывами, словно лески удочек.

Беглецы только что вышли на одну из полянок, как Дик внезапно бросился на землю, уткнув лицо в терновник и медленно пополз назад под тень чащи. Мэтчем, хотя и сильно удивленный, так как не видел причины бегства, последовал примеру товарища. Только тогда, когда оба добрались до го-

степриимной чащи, он повернулся и попросил объяснения.

Вместо ответа Дик показал пальцем.

На дальнем конце лужайки, высоко возвышаясь над всем соседним лесом, отчетливо выделялась на светлом небе своей мрачной зеленью старая ель. Футов на пятьдесят от земли ствол рос прямо, напоминая массивную колонну. На этой высоте он разветвлялся на два огромных сука; в их разветвлении, словно мачта на корабле, стоял человек в зеленой одежде, зорко вглядывавшийся во все стороны. Солнце ярко освещало его волосы; одной рукой он прикрывал глаза и в то же время медленно покачивал головой то в одну сторону, то в другую.

Мальчики переглянулись.

– Попробуем идти налево, – сказал Дик, – мы чуть было не попались, Джек.

Через десять минут они вышли на проторенную дорожку.

– Я не знаю этой части леса, – заметил Дик. – Куда-то ведет эта дорожка?

– Попробуем все-таки пойти по ней, – сказал Мэтчем.

Через несколько ярдов дорожка дошла до вершины хребта и стала круто опускаться к впадине, напоминавшей своей формой чашу. У подножья холма, среди густой чащи цветущего боярышника, две или три крыши с раскрытыми стропилами, как бы почерневшими от огня, и высокая труба указывали развалины дома.

– Что бы это могло быть? – шепнул Мэтчем.

– Клянусь мессой, не знаю, – ответил Дик. – Я совершенно потерялся. Но все же идем смело вперед.

С бьющимися сердцами они спустились среди кустов боярышника. По временам им попадались следы недавнего присутствия человека: в роще росли в диком виде фруктовые деревья и огородные овощи, на траве валялись солнечные часы. Приятелям казалось, что тут был прежде сад. Подойдя еще немного, они очутились перед развалинами какого-то дома.

Должно быть, дом был некогда красивым и крепко выстроенным. Он был обнесен сухим рвом, заполненным в данную минуту обломками камней. Вместо моста было перекинуто бревно. Две задние стены дома еще стояли, и лучи солнца пробивались сквозь пустые окна; но остальная часть здания рухнула и выглядела грудой развалин, почерневших от огня. Несколько кустиков растений уже зеленели внутри, между щелями.

– Я вспомнил, – прошептал Дик, – это, должно быть, Гримстон. Он принадлежал некому Саймону Мелсбери; сэр Дэниел был причиной его гибели! Беннет Хэтч сжег дом пять лет назад. По правде сказать, мне было очень жалко, так как дом был весьма красив.

Внизу, во впадине, куда не достигал ветер, было тихо и тепло. Мэтчем положил руку на плечо Дика и поднял палец в знак предостережения.

– Тс-с! – сказал он.

Какой-то странный звук нарушил тишину. Он повторился два раза, прежде чем слушатели уяснили себе его происхождение. То прочищал горло какой-то толстяк. Немедленно за этим хриплый, нескладный голос запел:

И встал тогда хозяин, король всех сорванцов,
И молвил: «Что вам надо среди этих лесов?»
А Гамелин ответил – он не бывал смущен:
«Тот, кому город тесен, в лесу гуляет он...»

Певец остановился, раздался легкий лязг железа и затем наступило молчание.

Мальчики стояли, смотря друг на друга. Кто бы ни был их невидимый сосед, он находился как раз по ту сторону развалин. Внезапно краска залила лицо Мэтчема; в следующее мгновение он перешел по упавшему бревну и стал осторожно влезать на огромную кучу мусора, наполнявшую внутренность разрушенного дома. Дик удержал бы его, если бы поспел вовремя; теперь же ему оставалось только следовать за товарищем.

В углу развалины два бревна упали накрест, образовав пустое пространство. Через него мальчики потихоньку спустились. Они спрятались так, что их совершенно не было видно, и через дырочку, проделанную стрелой, могли наблюдать за всем, что происходило на другой стороне.

Заглянув в дырочку, товарищи онемели от ужаса при мысли о положении, в которое они попали. Возвратиться назад

было невозможно; они еле смели дышать. На самом краю рва, футах в тридцати от места, где они скрывались, железный котел кипел и дымился над ярко горевшим костром; а совсем рядом с ним, прислушиваясь, словно до него донесся шум, произведенный ими при спуске, стоял высокий, краснолицый, очень тощий человек с железной ложкой в правой руке, с рогом и страшным кинжалом за поясом. Очевидно, это и был певец; вероятно, он помешивал в котле, когда чьи-то неосторожные шаги по мусору донеслись до его слуха. Немного дальше другой человек дремал, завернувшись в коричневый плащ; над лицом его порхала бабочка. Вся эта сцена происходила на поляне, белой от маргариток; в самой отдаленной части ее на цветущем боярышнике висели лук, колчан со стрелами и остаток туши оленя.

Незнакомец перестал прислушиваться, поднял ложку ко рту, попробовал ее содержимое и снова начал мешать в котле и петь.

«Тот, кому город тесен, в лесу гуляет он... —

прокаркал он, возвращаясь к тем словам, на которых остановился.

Сэр, никому на свете мы не желаем зла,
Но в ланей королевских летит порой стрела».

Продолжая петь, он брал время от времени ложку похлеб-

ки, дул на нее и пробовал с видом опытного повара. Наконец он, должно быть, решил, что похлебка готова, вынул из-за пояса рог и протрубил в него три раза.

Спавший проснулся, повернулся на другой бок, отогнал бабочку и огляделся вокруг.

– Что такое, брат? – сказал он. – Обед?

– Да, болван, – ответил повар, – обед, обед всухомятку, без эля и хлеба. Теперь мало удовольствий в зеленом лесу; было время, когда хороший малый мог жить здесь, словно аббат в митре, вдали от дождей и злых холодов; у него бывало вдоволь эля и вина. Но теперь отважный дух угас в людях; этот Джон Мститель, Боже спаси и сохрани нас, не что иное, как пугало для ворон.

– Ну, Лоулесс, – возразил собеседник, – ты слишком много обращаешь внимания на еду и питье. Погоди немного, придет хорошее время.

– Видишь ли, я жду этого хорошего времени с тех пор, как был вот таким, – ответил повар. – Я был францисканским монахом, был королевским стрелком, был матросом и плавал по соленым морям; бывал, черт возьми, и лесным бродягой, и стрелял королевских оленей. И что же вышло из всего этого? Ничего! Лучше бы я остался в монастыре. Аббат Джон значит больше, чем Джон Мститель. Клянусь Пречистой Девой! Вот и они!

На поляне один за другим показались высокие, пригожие молодцы. Каждый из них, вынув нож и роговую чашку, брал

себе похлебки из котла и усаживался на траву. Одежда и вооружение их отличались большим разнообразием: некоторые были в грубых рубахах и все оружие их состояло из ножа и старого лука; другие были одеты по лесной моде – в шапках и куртках из темно-зеленого сукна, с нарядными стрелами за поясом, украшенными перьями, с рогом на перевязи, мечом и кинжалом сбоку. Они приходили безмолвные от голода и, еле буркнув какое-то приветствие, сейчас же набрасывались на еду.

Их собралось уже человек около двадцати, когда звуки сдержанных радостных восклицаний раздались вблизи, среди кустов боярышника, и немедленно вслед за этим на поляну вышли пять-шесть человек, несших носилки. Высокий, крепкий человек с легкой сединой в волосах, с цветом лица, напоминавшим прокопченный окорок, шел впереди с авторитетным видом; за спиной у него был лук, в руке – рогатина.

– Ну, добрые молодцы! – крикнул он. – Мои веселые друзья, вы тут свистели на сухой дудке и жили скудно. Но что я всегда говорил? Имейте терпение, судьба всегда может обернуться к лучшему. И вот ее первенец – славный эль!

Послышался гул одобрительных возгласов, когда носильщики опустили носилки, на которых оказался бочонок больших размеров.

– А теперь поторопитесь, братцы, – продолжал пришедший. – Нам предстоит работа. К перевозу только что подошла горсть стрелков; они в одеждах темно-красного и сине-

го цвета. Все они – мишень для нас; все должны попробовать наших стрел; ни один из них не должен пробиться через этот лес. Братцы, здесь нас около пятидесяти сильных человек, и каждому из нас нанесена тяжелая обида: кто потерял свои земли, кто – друзей; некоторые лишены прав и изгнаны, все угнетены! Кто же сделал это зло? Сэр Дэниел, клянусь распятием! Неужели же он воспользуется плодами своих преступлений? Неужели будет уютно сидеть в наших домах? Вспахивать наши поля? Будет глотать украденную у нас кость? Полагаю, нет. Он пользуется силой закона, выигрывает процессы, но есть один процесс, которого он не выиграет, – у меня тут, за поясом, такая бумага, которая, если будет угодно святым, победит его.

Повар к этому времени пил уже второй рог эля. Он поднял его как бы в знак приветствия оратору.

– Мастер Эллис, – сказал он, – вы стоите за месть, как и следует вам, но ваш бедный брат по зеленому лесу, которому незачем ни жалеть о потерянных землях, ни думать о друзьях, со своей жалкой точки зрения, помышляет о прибыли, которую можно получить от этого. Он предпочитает благородное золото и четырехпинтовый сосуд с вином Канарских островов всякой мести в мире.

– Лоулесс, – ответил оратор, – чтобы достигнуть Моот-хауса, сэр Дэниел должен проехать через лес. Черт возьми! Этот путь обойдется ему дороже всякой битвы. Потом, когда он останется с жалкой горстью людей, которой удастся спа-

стись от нас, когда все его знатные друзья падут и обратятся в бегство и некому будет помочь ему, мы окружим со всех сторон эту старую лисицу, и велико будет его падение. Это жирная добыча, ее хватит на обед всем вам.

– Эх, – сказал Лоулесс, – много я видал таких обедов, но приготовить их – трудная работа, добрый мастер Эллис. А пока что мы делаем? Изготавливаем черные стрелы, пишем стихи и пьем свежую холодную воду – пренеприятный напиток.

– Ты ненадежен, Уилл Лоулесс. От тебя все еще отдает запахом кладовой францисканцев, жадность погубит тебя, – заметил Эллис. – Мы взяли двадцать фунтов от Эппльярда. Мы взяли семь марок вчера у гонца. День тому назад мы получили пятьдесят от купца.

– А сегодня, – сказал один из присутствующих, – я остановил толстого продавца индульгенций, скакавшего в Холивуд. Вот его кошелек.

Эллис сосчитал содержимое кошелька.

– Сто шиллингов! – проворчал он. – Дурак, у него, наверное, было больше запрятано в сандалиях или зашито в капюшоне. Ты еще ребенок, Том Кьюкоу, ты упустил рыбку.

Но несмотря на все Эллис небрежно опустил кошелек в карман. Он стоял, опираясь на рогатину, и оглядывал остальных. Сидя в различных позах, они жадно ели суп из дичи и обильно запивали его элем. День удался хороший, им повезло; но следовало спешить, и они быстро справлялись с едой.

Те, что пришли раньше, уже покончили с обедом. Некоторые легли на траву и сейчас же заснули, словно удавы; другие болтали между собой или осматривали оружие. Один из собеседников, в особенно веселом настроении, запел, держа в руках рог с элем:

Не знаем закона средь наших лесов
И голод нам здесь незнаком:
Всегда здесь олень нам на пищу готов, —
Тут летом веселье кругом.

Когда же настанут здесь бури, дожди,
Зима с собой снег принесет —
Тихонько, спустив капюшон, уходи
Домой, где очаг тебя ждет.

В это время мальчики лежали и слушали; только Ричард снял свой арбалет и приготавливал крюк, чтобы натянуть тетиву. Они не смели двинуться, и эта сцена из лесной жизни происходила на их глазах, словно в театре. Но вдруг наступил странный перерыв. Высокая дымовая труба, возвышавшаяся над остатками развалин, находилась как раз над их головами. Вдруг раздался свист, затем громкий удар, и куски сломанной стрелы пролетели мимо ушей мальчиков. Кто-то, может быть, часовой на ели, пустил стрелу в трубу.

Мэтчем не мог удержаться от легкого крика, который он сейчас же заглушил; даже Дик вздрогнул и выпустил крюк.

Очевидно, это был сигнал для собравшихся на поляне людей. В одно мгновение все они были на ногах, начали затягивать пояса, пробовать тетивы, вынимать из ножен мечи и кинжалы. Эллис поднял руку. Лицо его внезапно приняло выражение дикой энергии, белки глаз блестели на загорелом лице.

– Молодцы, – сказал он, – вы знаете ваши места. Не дайте ускользнуть ни одной живой душе. Эппльярд – лишь выпивка перед едой, теперь мы подходим к самому столу. Я хочу хорошенько отомстить за трех людей: за Гарри Шелтона, Саймона Мелмсбери и, – он ударил себя по широкой груди, – за Эллиса Декурса, клянусь мессой!

Какой-то человек, весь красный от волнения, прибежал через кусты терновника.

– Это не сэр Дэниел, – задыхаясь проговорил он. – Их только семеро. Стрела долетела до вас?

– Только что прилетела, – ответил Эллис.

– Черт побери! – крикнул гонец. – Мне послышался ее свист. А я-то должен отправиться без обеда...

В течение одной минуты члены «Черной стрелы», кто бегом, кто быстрыми шагами, смотря по тому, кто где находился, исчезли из окрестностей разрушенного дома, и только котел, потухавший костер и остов мертвого оленя на кусте боярышника указывали, что они были тут.

Глава V. Кровожаден, как охотничий пес

Мальчики лежали смиренно, пока последние шаги не заглушил шум ветра. Тогда они встали и с большим трудом, так как очень устали от неудобного положения, в котором им пришлось лежать, проползли по развалинам и перешли снова через ров по бревну. Мэтчем поднял крюк и прошел первым, Дик следовал за ним с арбалетом в руке.

– А теперь вперед, в Холивуд, – сказал Мэтчем.

– В Холивуд! – вскрикнул Дик. – В то время, когда будут избивать хороших людей? Только не я! Я скорее согласен видеть тебя повешенным, Джек!

– Так ты бросишь меня, бросишь? – спросил Мэтчем.

– Что делать! Приходится, – ответил Дик. – Если я не успею предупредить их, я умру вместе с ними. Не могу же я бросить людей, среди которых прожил всю жизнь! Дай крюк от моего арбалета!

Но Мэтчем вовсе не собирался исполнить это приказание.

– Дик, – сказал он, – ты поклялся перед святыми, что доставишь меня здоровым и невредимым в Холивуд. Неужели ты откажешься от своих слов? Неужели покинешь меня, как клятвопреступник?

– Нет, я клялся от души, – ответил Дик, – и хотел выполнить свою клятву. Знаешь что, Джек, иди со мной. Дай мне только предупредить этих людей и, если будет нужно,

пострелять с ними; потом, когда все прояснится, я пойду в Холивуд и сдержу свою клятву.

– Ты насмехаешься надо мной, – сказал Мэтчем. – Те люди, которым ты хочешь помогать, ищут моей гибели.

Дик почесал голову.

– Я не могу поступить иначе, Джек, – сказал он. – Тут нет другого средства. Тебе не грозит большая опасность, мой милый, а они стоят на пути к смерти. Смерть! – повторил он. – Подумай об этом! Черт побери, зачем ты задерживаешь меня здесь? Дай мне крюк. Клянусь святым Георгием, неужели все они должны умереть?

– Ричард Шелтон, – сказал Мэтчем, пристально смотря ему в лицо, – неужели ты присоединишься к партии сэра Дэниела? Разве у тебя нет ушей? Разве ты не слышал, что говорил этот Эллис? Или у тебя нет сердца для твоего отца, убитого этими людьми? «Гарри Шелтон», сказал Эллис, а что Гарри Шелтон был твоим отцом – это так же верно, как то, что солнце светит на небе.

– Чего ты от меня хочешь? – крикнул Дик. – Неужели ты хочешь, чтобы я поверил воров?

– Я слышал это и раньше, – сказал Мэтчем. – Молва о том, что его убил сэр Дэниел, сильно распространена здесь. Он убил его, преступив клятву; он пролил невинную кровь у него же в доме. Небо жаждет отмщения за это убийство, а ты – сын этого человека – идешь утешать и защищать его убийцу!

– Джек! – вскрикнул мальчик. – Я не знаю. Может быть, это и было так, почему я знаю! Но, видишь ли, этот человек воспитал меня, кормил; с его людьми я охотился, играл с ними – и вдруг оставить их в час опасности! О, милый, если бы я сделал это, то был бы совершенно лишен чести! Джек, не проси меня, ты не захотел бы видеть меня бесчестным.

– Но твой отец, Дик? – несколько колеблясь, проговорил Мэтчем. – Твой отец? И твоя клятва мне? Ты взял в свидетели святых.

– Мой отец? – сказал Шелтон. – Он был бы за то, чтобы я пошел туда! Если сэра Дэниел убил его, то эта рука убьет сэра Дэниела, когда настанет час, но в опасности я не покину ни его самого, ни его людей. А что касается моей клятвы, то ты сам, Джек, освободишь меня от нее. Ради спасения жизни многих людей, не сделавших тебе никакого зла, и ради моей чести ты освободишь меня.

– Я освобожу тебя, Дик? Никогда! – ответил Мэтчем. – Если ты бросишь меня, ты нарушишь клятву, и я объявлю это всем.

– Кровь моя кипит! – сказал Дик. – Отдай мне крюк! Отдай его мне!

– Не отдам, – сказал Мэтчем, – я спасу тебя помимо твоей воли.

– Не отдашь? – крикнул Дик. – Я заставлю тебя отдать!

– Попробуй! – сказал Мэтчем.

Они стояли, глядя в глаза друг другу, готовые броситься.

Дик сделал прыжок. Мэтчем сейчас же повернулся и побежал, но Дик нагнал его двумя прыжками, вырвал у него из рук крюк, грубо бросил мальчика на землю и встал над ним разгоряченный, грозно занеся кулак. Мэтчем лежал там, где упал, лицом в траву, не думая сопротивляться.

Дик натянул тетиву.

– Я покажу тебе! – бешено кричал он. – Без клятвы или с клятвой – мне все равно, будь ты повешен!

Он повернулся и побежал. Мэтчем сразу вскочил на ноги и бросился за ним.

– Что тебе нужно? – крикнул Дик, остановившись. – Чего ты бежишь за мной? Убирайся прочь!

– Я могу идти за тобой, если мне угодно, – сказал Мэтчем. – Лес открыт для меня.

– Отойди, клянусь Пречистой Девой! – сказал Дик, поднимая арбалет.

– Ах, какой ты храбрый мальчик! – возразил Мэтчем. – Стреляй!

Дик опустил в смущении арбалет.

– Смотри, – сказал он, – ты сделал мне достаточно зла! Иди подобру-поздорову своей дорогой, а то мне невольно придется прогнать тебя.

– Хорошо, – упрямо проговорил Мэтчем. – Ты сильнее из нас двоих. Делай самое худшее. Я все равно не перестану следовать за тобой, Дик, разве что тебе удастся силой заставить меня уйти.

Дик был почти вне себя от бешенства. Ему было совестно побить такое беззащитное существо, а между тем он, хоть убей, не знал другого способа отделаться от нежеланного и, как ему начало казаться, неверного товарища.

– Мне кажется, ты с ума сошел! – крикнул он. – Дурачок, ведь я спешу к твоим врагам, я дойду к ним так скоро, как только могут меня унести ноги.

– Мне все равно, Дик, – ответил мальчик, – если тебе суждено умереть, Дик, я также умру. Я предпочитаю идти с тобой в тюрьму, чем быть свободным без тебя.

– Ну, – сказал Дик, – мне некогда стоять тут и болтать. Иди за мной, если уже тебе так нужно, но если изменишь мне, плохо тебе придется, запомни это. Я пристрелю тебя.

Сказав это, Дик снова пустился бежать, придерживаясь опушки чащи и зорко оглядываясь по сторонам. Он выскочил из лощины в более открытую часть леса. Налево показалась небольшая возвышенность, покрытая золотистым дробком и увенчанная группой черных елей.

«Отсюда я могу увидеть что-нибудь», – подумал Дик, шагая по заросшей вереском поляне.

Он прошел только несколько ярдов, как вдруг Мэтчем дотронулся до его плеча и указал ему вдаль. К востоку от возвышенности почва опускалась и переходила в долину; вереск еще не отцвел, и вся поверхность походила на заржавленный, невычищенный щит, на котором редкие вязы казались пятнами. Там Дик увидел человек пять в зеленых куртках, под-

нимавшихся на холм; во главе их, заметный по рогатине в руках, шел сам Эллис Декуорс. Один за другим они достигали вершины, взглядывали на небо и потом исчезали на противоположной стороне.

Дик посмотрел на Мэтчема более ласковым взглядом.

– Так ты будешь верен мне, Джек? – спросил он. – Я думал, что ты принадлежишь к другой партии.

Мэтчем зарыдал.

– Это еще что! – крикнул Дик. – Святые угодники! Что ты хнычешь из-за одного слова.

– Ты сделал мне больно, – проговорил, рыдая, Мэтчем. – Ты ушиб меня, когда бросил на землю. Ты трус, потому что злоупотребляешь своей силой.

– Ну, это дурацкая болтовня, – грубо сказал Дик. – Ты не имел права не отдавать мой крюк, мастер Джон. Надо было бы отколотить тебя как следует. Если собираешься идти со мной, то должен меня слушаться. Теперь пошли!

Мэтчем раздумывал, не остаться ли ему, но видя, что Дик шагает к возвышенности и ни разу не оглянулся в его сторону, передумал и в свою очередь побежал. Но поверхность была чрезвычайно неровная и крутая, к тому же Дик мог бежать гораздо быстрее. Он прошел далеко вперед и уже давно взобрался на вершину, прополз между елей и спрятался в заросли дрока, когда Мэтчем, задыхаясь, словно загнанный олень, добрался до него и молча улегся рядом.

Внизу, в конце большой долины, короткая дорога от де-

ревушки Тонсталл спускалась к перевозу. Она была хорошо проторена, и глазам легко было следить за ней на всем протяжении. Она то окаймлялась просеками, то замыкалась лесом; через каждые сто ярдов в ней могла встретиться засада. Далеко внизу дорожки солнце ярко отсвечивало от семи стальных шлемов, а по временам, когда деревья редели, можно было видеть Селдена и его людей, которые быстро скакали, исполняя приказание сэра Дэниела. Ветер немного спал, но продолжал весело играть деревьями; может быть, если бы с отрядом находился Эппльярд, он увидел бы предостережение в беспокойстве птиц.

– Теперь заметь, – шепнул Дик. – Они уже достаточно далеко заехали в лес; спасение их зависит от того, продвинутся ли они вперед. Видишь вон то место, где широкая просека сбегает вниз, а в середине ее десятка два деревьев образуют как бы остров? Там они были бы в безопасности. Только бы им добраться туда целыми и невредимыми; я постараюсь предупредить их. Но я предчувствую несчастье: их только семеро против многочисленных врагов и вооружены они луками. А арбалет, Джек, всегда одержит победу над луком.

Между тем Селден и его спутники продолжали пробираться по дорожке, не подозревая о грозившей им опасности, и постепенно приближались к месту, где скрывались мальчики.

Один раз они остановились, собрались в кучку и, казалось, прислушивались, указывая на какую-то точку. Но вни-

мание их, очевидно, было привлечено тем, что происходило очень далеко, на равнине, — глухим ревом пушек, доносившимся по временам ветром и говорившим о большом сражении. Конечно, было о чем подумать: если голос больших пушек стал слышен в Тонсталлском лесу, то битва, должно быть, отодвигалась все восточнее, и, очевидно, счастье обернулось против сэра Дэниела и лордов Алой розы.

Но вот маленький отряд снова двинулся и дошел до очень открытой части дороги, покрытой вереском, куда вдавалась только узкая полоса леса. Они только что поравнялись с ней, как в воздухе мелькнула стрела. Один из людей всплеснул руками, лошадь его попятилась, оба упали и покатались по земле. Даже оттуда, где лежали мальчики, слышен был гул человеческих голосов. Они увидели, как испуганные лошади становились на дыбы. Наконец отряд несколько оправился от изумления, один из всадников стал спешиваться. Вторая стрела, пущенная издали, сверкнула, описав пологую дугу; второй всадник упал на землю. Слезавший с лошади человек упустил повод, лошадь понеслась галопом, таща его за ногу вдоль дороги, причем он ударялся о каждый камень и попадал под копыта. Четверо остававшихся в седле немедленно рассыпались в разные стороны; один повернулся и с криком поскакал к перевозу; остальные трое, бросив поводья, с развевающимися одеждами, помчались вверх по дороге, шедшей из Тонсталла. Из-за каждой группы деревьев, мимо которой они скакали, в них летела стрела. Скоро упала одна

из лошадей, но всадник вскочил на ноги и продолжал следовать за товарищами, пока второй выстрел не уложил его. Упал еще всадник, потом его конь. Из всего отряда остался только один человек – и тот без лошади; топот трех перепуганных скакунов, потерявших своих всадников, быстро замирал вдали.

За все это время не показался ни один из нападавших. Там и сям на дороге валялись люди и лошади в смертельной агонии, но ни один милосердный враг не вышел из своего убежища, чтобы избавить их от страданий.

Оставшийся в живых человек стоял, пораженный, рядом со своим павшим конем. Он прошел вдоль широкой полянки с островком из леса, на который указывал Дик. Он был на расстоянии приблизительно пятисот ярдов от того места, где спрятались мальчики, и они могли видеть, как он оглядывался вокруг в ожидании смерти. Но ничего не произошло, и к несчастному вернулось его мужество. Он снял с плеча свой лук и натянул тетиву. В ту же минуту он сделал движение, по которому Дик узнал Селдена.

При этой попытке к сопротивлению в чаще леса вокруг Селдена раздался хохот. По крайней мере человек двадцать – в засаде сидело наибольшее количество людей – приняли участие в этом жестоком и несвоевременном веселье. Потом стрела пролетела мимо плеча Селдена, он прыгнул и отскочил немного назад. Другая стрела, дрожа, упала у его ног. Он бросился под прикрытие деревьев. Третья стрела, направ-

ленная, казалось, прямо в лицо, упала недалеко от него. И хохот повторился снова, отражаясь эхом в разных уголках чащи.

Ясно было, что нападающие только дразнили несчастного, как люди в те времена дразнили бедного быка или как кошка и поныне играет с мышкой. Стычка уже окончилась; дальше по дороге человек в одежде зеленого цвета спокойно собирал стрелы; а остальные доставляли себе жестокое удовольствие смотреть на муки грешника, своего ближнего.

Селден понял, в чем дело. С гневным криком он натянул свой лук и послал наудачу стрелу в лес. Случай помог ему: в чаще раздался легкий крик. Селден бросил свое оружие и побежал вперед вдоль просеки, почти прямо к тому месту, где скрывались Дик и Мэтчем.

Члены шайки «Черная стрела» начали стрелять не на шутку. Но в отместку за их жестокость счастье отвернулось от них: большинству пришлось стрелять против солнца, а Селден на бегу перепрыгивал с одной стороны на другую, чтобы обмануть их и не дать им верно прицелиться. Боле того, повернув вдоль просеки, он уничтожил все приготовления врагов – там не было расставлено стрелков, кроме того, которого он только что убил или ранил. Очевидно, между нападавшими произошло смятение. Раздался свисток, повторенный сначала три, потом два раза. В ответ раздались свистки с другой стороны. Лес с обеих сторон наполнился гулом шагов людей, которые пробирались сквозь заросли. Перепуганная

лань выбежала на полянку, постояла одно мгновение на трех ногах и потом снова исчезла в чаще.

Селден продолжал бежать, перепрыгивая с одной стороны на другую. По временам его преследовали стрелы, но все они не попадали в цель. Казалось, что ему удастся остаться невредимым. Дик держал наготове свой арбалет, чтобы помочь ему; даже Мэтчем забыл о своих интересах и в душе сочувствовал бедному беглецу. Оба мальчика дрожали нервной дрожью от глубокого волнения.

Селден был ярдах в пятидесяти от них, когда в него попала стрела и он упал. В то же мгновение он поднялся на ноги и побежал, шатаясь, словно слепой, в другую сторону. Дик вскочил на ноги.

– Сюда! – крикнул он, махая рукой. – В эту сторону! Тут есть помощь! Беги, беги!..

Но как раз в эту минуту вторая стрела попала в плечо Селдену между пластинками его лат и прошла сквозь куртку. Он упал на землю.

– Бедняга! – вскрикнул Мэтчем, сжимая руки.

Дик словно окаменел: стоя на холме, он представлял собой удобную мишень для стрельбы.

Он, наверное, был бы немедленно убит, потому что преследователи были вне себя от ярости на свою неудачу и от негодования на неожиданное появление Дика в тылу их позиции, но вдруг из лесу на поразительно близком расстоянии от мальчиков раздался громовой голос – голос Эллиса Деку-

орса.

– Остановитесь! – кричал он. – Не стреляйте! Возьмите его живым! Это молодой Шелтон, сын Гарри!

Тотчас же раздался пронзительный свист, повторенный несколько раз и передававшийся все дальше и дальше. Свист, по-видимому, выполнял у Джона Мстителя роль боевой трубы, посредством которой он отдавал свои приказания.

– Ах, беда! – крикнул Дик. – Мы пропали. Скорее, Джек, скорее!

Мальчики повернулись и побежали назад через группу сосновых деревьев, покрывавших вершину холма.

Глава VI. Конец дня

Действительно, мальчикам пора было бежать. Члены шайки «Черная стрела» устремлялись на холм со всех сторон. Те, кто умел лучше бегать или кому приходилось бежать по ровной местности, далеко опередили остальных и были уже близко к цели; бежавшие по долинам рассеялись направо и налево, окружая мальчиков с обеих сторон.

Дик бросился в первое попавшееся место. То была роща высоких дубов, с твердой почвой, без зарослей. Так как она спускалась вниз по холму, то мальчики могли бежать очень быстро. Затем шла открытая лужайка. Дик избежал ее, повернув налево. Через две минуты им повстречалось такое же

препятствие, и мальчики избежали его таким же способом. В конце концов вышло, что мальчики, держа постоянно влево, все более и более приближались к большой дороге и реке, через которую они переплыли час или два назад, а большинство их преследователей уклонились в другую сторону и побежали к Тонсталлу.

Мальчики остановились, чтобы передохнуть. Шум преследования прекратился. Дик приложился ухом к земле, и все же ничего не было слышно. Однако ветер по-прежнему шумел в деревьях, и потому трудно было убедиться, действительно ли настала тишина.

– Вперед! – сказал Дик, несмотря на усталость и на то, что Мэтчем продолжал хромать на больную ногу.

Они собрали все свое мужество и снова бросились вниз по холму. Три минуты спустя они бежали через чащу плотно сомкнутого вершинами леса. Над их головами высокие деревья образовали густой покров листвы. Как бы поддерживаемая колоннами, чаща леса, высокая как кафедральный собор, была открыта и удобна для бегства, за исключением кустов остролиста, через которые приходилось продирааться мальчикам.

Пробравшись на другую сторону через последние кусты остролиста, они очутились опять на открытом месте.

– Стой! – крикнул чей-то голос.

И среди толстых стволов, менее чем в пятидесяти футах перед собой, они увидели толстого малого в зеленой одеж-

де, который сейчас же вложил стрелу в лук и прицелился. Мэтчем с криком остановился. Дик не останавливаясь бросился прямо к разбойнику, выхватывая на ходу кинжал. Был ли незнакомец поражен смелостью нападения или связан какими-нибудь приказами, как бы то ни было, он не выстрелил и стоял, очевидно, колеблясь. Прежде чем он успел опомниться, Дик бросился на него, схватил его за горло и опрокинул навзничь на землю. Стрела отлетела в одну сторону, лук – с громким звоном в другую. Обезоруженный лесной житель схватил напавшего на него мальчика; но в воздухе два раза сверкнул и опустился кинжал. Послышались стоны, и Дик поднялся на ноги. Незнакомец лежал неподвижно, пораженный в сердце.

– Вперед! – сказал Дик.

Он бросился вперед; Мэтчем еле тащился за ним. Сказать правду, они бежали не очень быстро, так как это было очень трудно для них: они ловили ртом воздух, словно рыбы. Мэтчем чувствовал острую боль в боку; голова у него кружилась. Колени Дика были как будто налиты свинцом. Но мальчишки старались бежать с не уменьшившимся мужеством.

Наконец они добрались до конца чащи. Она окончилась внезапно – в нескольких ярдах перед ними лежала большая дорога из Райзингема в Шорби, шедшая между двумя ровными стенами леса.

При виде дороги Дик остановился и, лишь только перестал бежать, услышал какой-то неясный шум, постепенно

усиливавшийся. Сначала этот шум походил на порыв очень сильного ветра, но вскоре стал более определенным: послышался топот галопирующих лошадей, и в одно мгновение целый отряд воинов обогнул угол, промчался мимо мальчиков и исчез. Всадники ехали в полном беспорядке, очевидно, спасаясь: некоторые из них были ранены, лошади без всадников скакали рядом, с окровавленными седлами. Очевидно, то были беглецы с поля большого сражения.

Топот лошадей только что начал замирать в стороне Шорби, как снова послышался стук копыт и по дороге проскакал еще беглец – на этот раз одинокий всадник и, судя по его великолепным латам, человек высокого положения. Сейчас же за ним следовали фуры обоза; лошади, понукаемые возницами, как будто дело шло о спасении жизни, бежали неуклюжей рысью. Очевидно, эти люди бежали заблаговременно с поля сражения, но трусость не спасла их. Только они поравнялись с местом, где стояли удивленные мальчики, какой-то человек в изрубленных латах, по-видимому, вне себя от бешенства, нагнал фуры и начал избивать погонщиков рукояткой меча. Некоторые из них вскочили с мест и убежали в лес, а он продолжал избивать сидевших, проклиная их все время как трусов.

Все это время шум в отдалении усиливался; ветер доносил скрип телег, топот лошадей, крики людей, какой-то смутный, постепенно усиливавшийся шум. Ясно было, что целая армия хлынула, словно наводнение, на дорогу.

Дик стоял, мрачно задумавшись. Он намеревался идти по большой дороге до поворота к Холивуду, а теперь ему приходилось изменять план. Но главное – он узнал цвета графа Райзингема и понял, что приверженцы Ланкастерской розы потерпели полное поражение. Был ли сэр Дэниел с ними? И если да, бежал ли он, разбит ли он? Или он перешел на сторону Йорка и изменил чести? И то, и другое было плохо.

– Пойдем, – сурово проговорил он и, повернувшись, пошел вперед по роще. Мэтчем заковылял вслед за ним.

Некоторое времени они молча шли по лесу. Становилось поздно, солнце опускалось в долину Кеттли, верхушки деревьев горели золотым светом, но тени уже становились темнее, и начинал чувствоваться ночной холод.

– Если бы было что поесть! – вдруг проговорил, останавливаясь, Дик.

Мэтчем сел и заплакал.

– Ты можешь плакать из-за ужина, а когда нужно было спасти жизнь людям, так сердце у тебя было довольно равнодушное, – презрительно проговорил Дик. – У тебя на совести семь смертей, мастер Джон, – я никогда не прощу тебя за это.

– Совесть! – вскрикнул Мэтчем, смотря на Дика с яростью в глазах. – Моя совесть! А у тебя на кинжале красная человеческая кровь! И за что ты убил его, бедного? Он вытащил стрелу, но не пустил ее, он держал тебя в своих руках и пощадил! Нужно столько же храбрости, чтобы убить котенка,

сколько для убийства беззащитного человека.

Дик онемел от изумления.

– Я убил его в честном бою! Я бросился после того, как он поднял лук! – закричал он.

– Это был удар труса, – возразил Мэтчем. – Ты просто грубый хвостун, мастер Дик, ты только пользуешься удобным случаем. Покажись кто-нибудь посильнее – ты будешь валяться у него в ногах! Ты не думаешь и о мести, потому что смерть твоего отца остается неотмщенной и его бедный дух требует справедливого возмездия. Но если в твои руки попадет бедное существо, у которого нет ни искусства, ни силы, она должна погибнуть.

Дик был слишком взбешен, чтобы обратить внимание на слово «она».

– Черт побери, вот так новости! – крикнул он. – Из каждых двоих людей один бывает сильнее другого. Сильный побеждает слабейшего, и поделом ему. Ты заслуживаешь, чтобы я побил тебя, мастер Мэтчем, за твою необузданность и неблагодарность ко мне, и ты получишь то, что заслужил!

И Дик, умевший в самом сильном гневе сохранять наружное спокойствие, стал расстегивать пояс.

Мэтчем удержал слезы. Он был бледен как полотно, но смело смотрел в лицо Дику и не двигался с места. Дик сделал шаг вперед, размахивая поясом, и остановился, смущенный взглядом больших глаз и худым, усталым лицом товарища. Мужество начало изменять ему.

– Скажи, что ты был не прав, – запинаясь проговорил он.

– Нет, я был прав, – сказал Мэтчем. – Ну иди, жестокий!

Я хромаю, я устал, я не сопротивляюсь, я не сделал тебе никакого вреда – так побей меня, трус!

При этих последних вызывающих словах Дик поднял пояс, но Мэтчем вздрогнул и скорчился в таком ужасе, что у Дика снова не хватило смелости. Рука с поясом упала, и он стоял в нерешительности, чувствуя себя глупцом.

– Черт тебя побери, проклятый! – сказал он. – Если ты так слаб телом, то тем более должен сдерживать свой язык. Пусть меня повесят, если я побью тебя! – надевая пояс, продолжал он. – Побить я тебя не побью, но простить тебя никогда не прощу. Я не знал тебя, ты был врагом моего господина, я одолжил тебе своего коня, ты съел мой обед, ты назвал меня человеком из дерева, трусом и хвастуном. Ну, клянусь мессой, мера переполнилась. Признаюсь, великая вещь – быть слабым: можно совершить самый дурной поступок, и никто не накажет тебя; можно украсть у человека оружие в минуту нужды, а человек, у которого оно украдено, не может взять его обратно, – ведь ты слаб, черт возьми! Значит, если кто-нибудь направит на тебя копье и крикнет тебе, что у него силы мало, ты дашь ему пронзить тебя! Экая дичь!

– А все же ты не бьешь меня, – возразил Мэтчем.

– Пусть будет так, – сказал Дик, – пусть будет так. Я научу тебя кое-чему. Мне кажется, тебя плохо воспитывали, но в тебе есть хорошие задатки. К тому же ты, несомненно, спас

меня... Впрочем, нет, я забыл это, я так же неблагодарен, как ты. Однако идем вперед. Если ты хочешь попасть в Холливуд сегодня вечером или завтра рано утром, то нам лучше поторопиться.

Дик совершенно пришел в себя и говорил с обычным добродушием. Но Мэтчем не простил ему ничего. Жестокость Дика, воспоминание об убитом им человеке, а самое главное, эпизод с поясом – все это было нелегко забыть.

– Благодарю вас, – из вежливости сказал Мэтчем, – но, право, добрый мастер Шелтон, я предпочитаю найти дорогу один. Лес велик, пусть каждый из нас выберет себе путь. Я обязан вам за обед и урок. Прощайте!

– Ну, – крикнул Дик, – если такова твоя песня – пусть так и будет, и чума тебя возьми!

Они разошлись и пошли в разные стороны не думая о направлении, каждый погруженный в мысли о ссоре. Но не сделал Дик и десяти шагов, как услышал свое имя: Мэтчем подбежал к нему.

– Дик, – сказал он, – было бы невежливо расстаться так холодно. Вот моя рука и вместе с ней мое сердце. За все, что ты сделал для меня, за то, что так помог мне, благодарю тебя не из вежливости только, а от всего сердца. Всего хорошего!

– Ну, малый, – сказал Дик, беря протянутую руку, – желаю тебе успеха, но сильно сомневаюсь в нем. Ты слишком любишь спорить.

Они расстались во второй раз, и на этот раз Дик побежал

за Мэтчемом.

– Вот, – сказал он, – возьми мой арбалет, нельзя идти невооруженным.

– Арбалет! – сказал Мэтчем. – Нет, мальчик, у меня нет ни силы натянуть его, ни умения прицелиться. Это не помогло бы мне, добрый мальчик. Но все же я благодарю тебя.

Наступила ночь, и под деревьями они не могли разглядеть лиц друг друга.

– Я пройду немного с тобой, – сказал Дик. – Ночь темна, не хотелось оставлять тебя на этой тропинке. Мне кажется, ты можешь заблудиться.

Не разговаривая больше, он пошел вперед, и Мэтчем снова последовал за ним. Тьма становилась все гуще и гуще; только иногда на открытых местах мальчики видели небо, усеянное мелкими звездами. Издали продолжал доноситься слабый шум бегства ланкастерской армии, но с каждым шагом они удалялись от него.

После получаса молчаливой ходьбы они вышли на большое, открытое место, поросшее вереском. Полянка, покрытая папоротниками, с островками из групп тисовых деревьев, слабо освещалась звездами. Тут мальчики остановились и взглянули друг на друга.

– Ты устал? – спросил Дик.

– Да, я так устал, – ответил Мэтчем, – что, кажется, готов лечь и умереть.

– Я слышу журчание реки, – сказал Дик, – дойдем до нее

– мне страшно хочется пить.

Местность медленно понижалась. Действительно, внизу мальчики нашли журчащую реку, бежавшую между ивами. Оба бросились на берег и, наклонившись к блестящей от звезд поверхности воды, напились всласть.

– Дик, – сказал Мэтчем, – я не могу больше.

– Я видел, когда мы опускались, какую-то яму, – сказал Дик. – Ляжем там и заснем.

– О, с большим удовольствием! – воскликнул Мэтчем.

Яма была песчаной и сухой; с одной стороны ее прикрывала группа терновых кустов, росшая над ней. Мальчики легли, крепко прижавшись друг к другу для тепла и совершенно забыв о своей ссоре. Скоро сон сошел на них, словно облако, и они мирно заснули на росе под звездами.

Глава VII. Закрытое лицо

Они проснулись на рассвете. Птицы еще не пели, а только чирикали то там, то сям в лесу; солнце еще не взошло, но на востоке небо было покрыто красивыми, разноцветными полосами. Полуголодные, измученные от усталости, они лежали неподвижно, испытывая чувство восхитительной истомы. Внезапно до слуха их донесся звук колокольчика.

– Колокольчик! – сказал, вставая, Дик. – Неужели мы так близко от Холивуда?

Немного спустя снова раздался звук колокольчика, но на

этот раз несколько ближе; и с этих пор он продолжал звучать отрывисто в утреннем молчании, приближаясь все более и более.

– Что бы это могло значить? – сказал Дик, который проснулся окончательно.

– Это идет кто-то, – ответил Мэтчем, – колокольчик звенит при каждом его движении.

– Я сам понимаю это, – сказал Дик. – Но для чего? Что делает он в Тонсталлских лесах? Джек, – прибавил он, – смеяться надо мной, если хочешь, но мне не нравится этот глухой звук.

– Да, – сказал Мэтчем, и дрожь пробежала по его телу. – В нем есть что-то печальное. Если бы не наступил день...

Но как раз в это мгновение колокольчик зазвучал быстрее и отчетливее, потом издал громкий, нестройный звук и замолк на некоторое время.

– Тот, кто идет с колокольчиком, как будто бежал некоторое время, а потом бросился в воду, – заметил Дик.

– А теперь он снова пошел тише, – прибавил Мэтчем.

– Нет, – возразил Дик, – не так уж тихо, Джек. Этот человек идет очень быстро. Он или боится за свою жизнь, или спешит по какому-нибудь делу. Разве ты не замечаешь, как быстро приближаются шаги?

– Они совсем близко, – сказал Мэтчем.

Мальчики стояли на краю ямы, а так как она находилась на возвышении, то перед ними открывался вид на большую

часть прогалины вплоть до окружающих ее густых лесов.

При дневном свете, очень ясном, хотя небо было серым, мальчики увидели тропинку, извивавшуюся белой лентой среди дроков. Судя по ее направлению, Дик решил, что она должна более или менее прямо вести к Моот-хаусу.

На тропинке показалась белая фигура, вышедшая с опушки леса. Она остановилась ненадолго, видимо, оглядываясь по сторонам; потом медленно, согнувшись почти вдвое, пошла через вереск, приближаясь к месту, где находились мальчики. Колокольчик звенел при каждом ее шаге. Лица у фигуры не было: белый капюшон, в котором не были даже прорезаны дырочки для глаз, закрывал голову; неведомое существо, по-видимому, ощупывало дорогу палкой.

Смертельный ужас охватил мальчиков.

– Прокаженный! – проговорил Дик слабым голосом.

– Его прикосновение – смерть, – сказал Мэтчем. – Бежим!

– Нет, – возразил Дик, – разве ты не видишь, что он совсем слепой? Он ощупывает дорогу палкой. Будем лежать смирно – ветер дует в сторону тропинки и он пройдет мимо, не причинив нам вреда. Увы, бедняга, нам следует пожалеть его!

– Я пожалею его, когда он пройдет мимо, – ответил Мэтчем.

Слепой прокаженный прошел уже полпути до них. Взошло солнце и осветило его закрытое лицо. До своей отвратительной болезни он был, видимо, высокого роста и даже теперь шел уверенной походкой сильного человека. Печаль-

ный звон колокольчика, стук палки, покрывало без дырочек для глаз на лице, сознание, что он не только приговорен к смерти и страданиям, но и навсегда осужден не прикасаться к ближним, – все это наполнило ужасом сердца мальчиков, и с каждым шагом, приближавшим его к ним, мужество и силы покидали их.

Незнакомец поравнялся с ямой, остановился и повернул лицо прямо в сторону мальчиков.

– Пресвятая Дева, защити меня! Он видит нас! – слабым голосом сказал Мэтчем.

– Тс-с! – шепнул Дик. – Он только прислушивается. Ведь он слеп, дурачок!

Прокаженный смотрел или слушал. Как бы то ни было, он простоял несколько секунд на одном месте. Потом он пошел дальше, но снова остановился, повернулся и как будто взглянул на мальчиков. Даже Дик смертельно побледнел и закрыл глаза, точно мог заразиться от одного взгляда прокаженного. Но вскоре зазвучал колокольчик, и на этот раз прокаженный без малейшего колебания прошел остальную часть маленькой прогалины и исчез под сенью леса.

– Он видел нас, – сказал Мэтчем, – я готов поклясться в этом!

– Вздор! – возразил Дик, несколько оправившись от страха. – Он только слышал нас. Он сам боялся, бедняга! Будь ты слеп и ходи постоянно во мраке, ты сам испугался бы, если бы хрустнула ветвь или зачирикала птица.

– Дик, добрый Дик, он видел нас, – повторил Мэтчем. – Когда человек прислушивается, он поступает не так, как этот, а совсем иначе. Он видел, а не слышал. У него злые намерения. Вот послушай, ведь колокольчик не звонит больше.

Действительно, это было правдой. Колокольчик не звонил больше.

– Да, мне не нравится это, – сказал Дик. – Да! – крикнул он. – Мне очень не нравится это! Что бы это могло значить? Идем скорее!

– Он пошел к востоку, – прибавил Мэтчем. – Добрый Дик, пойдем прямо на запад. Я вздохну свободно только тогда, когда повернусь спиной к этому прокаженному.

– Ты слишком труслив, Джек, – возразил Дик. – Мы пойдем прямо в Холивуд, то есть по крайней мере настолько, насколько я могу вести тебя, и, значит, на север.

Они поднялись, прошли до камням через реку и начали взбираться на противоположный берег, который подымался более круто к опушке леса. Местность стала очень неровной; поминутно встречались то бугорки, то впадины; деревья стояли то отдельно, то группами. Становилось трудно выбирать дорогу, и мальчики шли несколько наугад. К тому же они устали от вчерашних усилий и недостатка пищи и тяжело тащили ноги по песку.

Войдя на холмик, они вдруг увидели прокаженного, который переходил дорогу по впадине в нескольких сотнях футов впереди них. Колокольчик безмолвствовал, палка более

не стучала по земле. Он шел быстрой, уверенной походкой зрячего человека. В следующее мгновение он исчез в маленькой роще.

При первом взгляде на прокаженного мальчишки спрятались за кустиком дрока и продолжали лежать там, пораженные ужасом.

– Наверное, он преследует нас, – сказал Дик. – Ты видел, он придерживал рукой язычок у колокольчика, чтобы он не звонил? Ну, да помогут нам все святые и да научат нас! У меня нет сил бороться с заразой!

– Что он делает? – проговорил Мэтчем. – Что нужно ему? Кто слышал, чтобы прокаженный стал преследовать несчастных лишь по злобе?! Ведь колокольчик у него именно для того, чтобы люди могли избегать его? Дик, тут скрывается что-то более серьезное.

– Мне все равно, – со стоном сказал Дик, – сила моя пропала, ноги – словно ватные. Да помогут мне святые!

– Неужели ты будешь лежать тут? – крикнул Мэтчем. – Пойдем назад на открытое место. Там нам удобнее: он не сможет подкрасться неожиданно.

– Я не могу, – сказал Дик, – мое время пришло, он может случайно пройти мимо.

– Ну так натяни мне твой арбалет! – воскликнул Мэтчем. – Будь же мужчиной!

Дик перекрестился.

– Неужели ты хочешь, чтобы я стрелял в прокаженного? –

сказал он. – У меня рука не поднимется на это... Нет, – прибавил он, – будь что будет! Я буду драться с людьми, но не с призраками и прокаженными. Я не знаю, кто это! Но Небо защитит нас от того или другого.

– Ну, – заметил Мэтчем, – если таково мужество женщины, то что он за жалкое создание! Однако если ты ничего не хочешь делать, то будем лежать смирно.

Колокольчик отрывисто звякнул.

– Он не удержал язычка, – шепнул Мэтчем. – Святые угодники! Как он близко от нас.

Дик ничего не ответил: от страха у него чуть не стучали зубы.

Скоро они увидели между кустиками кусок белой одежды. Затем из-за пня высунулась голова прокаженного; казалось, он пристально оглядел окрестность, прежде чем удалился. Для напряженных чувств мальчиков весь куст как бы ожил от шороха листьев и треска ветвей; оба они ясно слышали биение сердца друга у друга.

Внезапно прокаженный с криком выскочил на ближайшую прогалину и побежал прямо на мальчиков. Громко крича, они бросились в разные стороны. Но их страшный враг живо догнал Мэтчема и схватил его так крепко, что он не имел возможности сопротивляться. Парнишка испустил отчаянный крик, раздавшийся далеко в лесу, и судорожно забился; потом ослабел и упал без чувств на руки человека, который его схватил.

Дик услышал крик и обернулся. Он увидел, как упал Мэтчем, и бодрость духа и сила вернулись к нему. С криком сожаления и гнева он снял свой арбалет и натянул его. Но прежде чем он успел выстрелить, прокаженный остановил его, подняв руку.

– погоди стрелять, Дикон! – крикнул знакомый голос. – погоди стрелять, безумный смельчак! Неужели ты не узнаешь друга?

Прокаженный положил Мэтчема на землю, снял с лица капюшон, и перед Диком явились знакомые черты сэра Дэниела Брэкли.

– Сэр Дэниел! – вскрикнул Дик.

– Да, клянусь мессой, сэр Дэниел! – сказал рыцарь. – Ты что же это вздумал стрелять в своего опекуна, плут? Но вот этот... – Тут он прервал себя и спросил, указывая на Мэтчема: – Как имя его, Дик?

– Я зову его мастером Мэтчемом, – сказал Дик. – Разве вы его не знаете? Он говорил, что вы его знаете.

– Да, – ответил сэр Дэниел, – я знаю этого мальчика. – И усмехнулся. – Но он потерял сознание, и, правду сказать, было из-за чего. Да, Дик? Ведь я напугал вас до смерти, не правда ли?

– Да, сэр Дэниел, напугали, – сказал Дик, вздыхая при одном воспоминании. – Ну, сэр, извините, я, право, охотнее встретился бы с самим дьяволом и, по правде сказать, дрожу еще до сих пор. Но что заставило вас одеться так, сэр?

Чело сэра Дэниела внезапно омрачилось от гнева.

– Что заставило? – сказал он. – Хорошо, что ты напомнил мне об этом. Что? Я прятался в своем собственном Тонсталлском лесу ради спасения жизни, Дик. Мы успели не вовремя к сражению – как раз чтобы принять участие в бегстве. Где все мои славные воины? Клянусь мессой, не знаю, Дик. Мы были смяты, стрелы градом падали на нас. Я не видел ни одного человека в одежде моих цветов с тех пор, как трое упали у меня на глазах. Что касается меня, я добрался невредимым до Шорби и, помня о «Черной стреле», достал себе эту одежду и колокольчик и тихо пошел по дороге к Моот-хаусу. Никакое переодевание не может сравниться с этим: звон этого колокольчика напугает самого храброго молодца в лесу; все они бледнеют, когда слышат его. Наконец я дошел до тебя и Мэтчема. Я плохо видел через капюшон и не был уверен, что это вы; главное, по многим причинам, я был удивлен, встретив вас вместе. Кроме того, я боялся открыться на полянке, где должен был идти медленно, постукивая палкой. Но взгляни – бедняга начинает немного оживать! Глоток хорошего вина с Канарских островов подбодрит его.

Рыцарь вынул из-под своей длинной одежды большую бутылку и стал растирать виски и смачивать губы мальчика, который постепенно начал приходить в сознание, переводя тусклый взгляд с одного на другого из стоявших перед ним людей.

– Ободришь, Джек! – сказал Дик. – Это был вовсе не прокаженный, а сэр Дэниел! Посмотри сам!

– Проглоти-ка хорошенькую порцию вот этого напитка, – сказал рыцарь. – Это придаст тебе мужества. Потом я дам поесть вам обоим, и мы все вместе отправимся в Тонсталл. Должен признаться, Дик, – продолжал он, раскладывая на траве хлеб и мясо, – я не могу дождаться времени, когда буду в безопасности, в четырех стенах. С тех пор как я в первый раз сел на коня, мне никогда не приходилось так плохо: в опасности моя жизнь, и имение, и средства к существованию, и в довершение всего меня преследуют эти лесные бродяги. Но я еще не сдаюсь. Некоторые из моих молодцов сумеют пробраться домой. У Хэтча десять человек, у Селдена – шесть. Да, мы скоро снова станем сильными; и, если мне удастся купить мир у счастливого и недостойного лорда Йорка, то мы с тобой, Дик, будем снова людьми и станем опять разъезжать верхом.

Сказав это, рыцарь наполнил рог вином с Канарских островов и жестом ответил на тост своего воспитанника.

– Селден... – запинаясь, пробормотал Дик. – Селден...

Он снова остановился.

Сэр Дэниел опустил рог с вином, не попробовав его.

– Что такое? – крикнул он изменившимся голосом. – Селден? Говори! Что с Селденом?

Дик, запинаясь, рассказал о засаде и избиении приверженцев сэра Дэниела.

Рыцарь слушал молча, но лицо его судорожно подергивалось от гнева и печали.

– Клянусь моей правой рукой, я отомщу за это! – вскричал он. – Если мне не удастся, если я не пролью крови десяти человек за каждого из моих слуг, пусть отсохнет эта рука! Я сломал этого Декурса, как тростинку, разорил его, я сжег кров над его головой, я выгнал его из этой местности. Неужели же он снова вернется, чтобы оскорблять меня? Ну, Декурс, на этот раз плохо придется тебе!

Некоторое время он молчал, лицо его продолжало подергиваться.

– Ешьте! – вдруг приказал он. – А ты, – прибавил он, обращаясь к Мэтчему, – поклянись мне, что последуешь за мной в Моот-хаус.

– Клянусь моей честью! – ответил Мэтчем.

– Что мне делать с твоей честью! – крикнул рыцарь. – Поклянись мне счастьем твоей матери.

Мэтчем дал требуемую клятву. Сэр Дэниел опустил капюшон на лицо и приготовил колокольчик и палку. Это ужасное переодевание возбудило до известной степени чувство ужаса, пережитое его спутниками. Вскоре рыцарь поднялся на ноги.

– Ешьте скорее, – сказал он, – и быстро следуйте за мной в мой дом.

С этими словами он пошел к лесу, и вскоре звук колокольчика стал отсчитывать его шаги. Мальчики сидели, не

дотрагиваясь до еды, и слушали, пока колокольчик не замер вдали, на вершине холма.

– Итак, ты идешь в Тонсталл? – спросил Дик.

– Да, что делать! – сказал Мэтчем. – Я храбрее за спиной сэра Дэниела, чем лицом к лицу с ним.

Они спешно поели и отправились по тропинке, которая шла по возвышенности среди леса, где большие буки стояли в одиночку среди зеленых полянок, а птицы и белки резвились на их ветвях. Два часа спустя они спускались уже по другую сторону и среди верхушек деревьев увидели перед собой красные стены и крышу тонсталлского дома.

– Здесь, – сказал, останавливаясь, Мэтчем, – ты простишься со своим другом Джеком, которого никогда уж больше не увидишь. Ну, Дик, прости ему все, что он сделал дурного, как он со своей стороны радостно, с любовью прощает тебя.

– Почему? – спросил Дик. – Ведь мы оба идем в Тонсталл. Я думаю, что буду видеть тебя там, и даже очень часто.

– Ты никогда больше не увидишь бедного Джека Мэтчема, – ответил мальчик. – Он был так труслив и надоедлив, и все же вытащил тебя из реки. Ты не увидишь его больше, Дик, клянусь честью! – Он открыл объятия; мальчики обнялись и поцеловались. – Знаешь, Дик, у меня дурное предчувствие, – продолжал Мэтчем. – Ты увидишь теперь нового сэра Дэниела: до сих пор ему все удавалось, и счастье сопутствовало во всем; но теперь, когда его постиг злой рок

и жизни его могут грозить всякие случайности, он окажется плохим господином для нас обоих. Он, может быть, храбр в сражении, но у него лживые глаза, у него в глазах страх, Дик, а страх жесток, как волк! Мы идем в его дом. Святая Мария да выведет нас оттуда!

Они молча продолжали спускаться и наконец вышли к стоявшей в лесу твердыне сэра Дэниела – низкому, мрачному зданию, с круглыми башнями по бокам, покрытому мхом, со рвом, поросшим лилиями.

Часть вторая. Моот-хаус

Глава I. Дик задает вопросы

Моот-хаус стоял недалеко от дороги, проложенной в лесу. Снаружи он представлял собой прямоугольник из красного камня, на каждом углу которого возвышалось по круглой башне с бойницами для стрельбы из лука и зубцами наверху. В середине был узкий двор. Через ров, приблизительно девятнадцать футов ширины, был перекинут подъемный мост. Ров наполнялся водой, проведенной посредством канавы из лесного пруда; защищать его было можно с зубцов двух южных башен. Вообще дом стоял удобно для защиты. На расстоянии, до которого может долететь стрела, пущенная из лука, виднелось несколько больших деревьев.

Во дворе Дик нашел часть гарнизона, деятельно готовившегося к защите и угрюмо обсуждавшего ее шансы. Кто делал стрелы, кто оттачивал давно не употреблявшиеся мечи, но, работая, все покачивали головами.

Двенадцать человек из отряда сэра Дэниела спаслись с поля битвы, пробрались через лес и явились в Моот-хаус. Но из этой дюжины трое были тяжело ранены: двое при Райзингеме, во время беспорядочного бегства, один – часовыми Джона Мстителя, в то время как пересекал лес. Таким обра-

зом, гарнизон, считая Хэтча, сэра Дэниела и молодого Шелтона, состоял из двадцати двух человек. Можно было ожидать, что постоянно будут прибавляться новые силы, поэтому опасность грозила не со стороны недостатка людей.

Страх перед «Черной стрелой» – вот что угнетало дух гарнизона. В те времена постоянных перемен люди очень мало заботились о своих явных врагах – приверженцах партии Йорка. Как говорили тогда: «Мир перевернется, прежде чем придет беда». Но они дрожали перед своими соседями в лесу. Не один сэр Дэниел был отмечен их ненавистью. Его слуги, в сознании своей безнаказанности, жестоко обращались с жителями этой местности. Жесткие приказания исполнялись жестоко, и из маленькой группы людей, разговаривавших во дворе, не было ни одного не виновного в притеснении соседей или в варварском поступке. А теперь благодаря случайностям войны сэр Дэниел оказывался не способным защитить своих слуг; теперь благодаря нескольким часам битвы, в которой не принимали участия многие из собеседников, все они стали достойными наказания государственными изменниками, находящимися вне закона; небольшим отрядом в жалкой крепости, которую едва ли удастся отстоять; людьми, подвергающимися справедливой мести своих жертв. Не было недостатка и в мрачных указаниях на то, что ожидало их.

В различное время, вечером и ночью, к воротам с громким ржаньем прискакало не менее семи испуганных лоша-

дей без всадников. Две из них принадлежали воинам из отряда Селдена; пять – тем, кто выехал на поле сражения с сэром Дэниелом. Наконец, незадолго до рассвета к рву, шатаюсь, подошел копьеносец, пронзенный тремя стрелами. Он испустил дух, пока его несли, но судя по словам, которые он говорил в агонии, он должен был быть последним оставшимся в живых из значительного отряда.

Даже Хэтч, несмотря на загар, побледнел от тревоги. Он отвел Дика в сторону и, узнав от него судьбу Селдена, упал на каменную скамью и заплакал. Остальные смотрели на него с удивлением и тревогой, сидя на стульях и приступочках в солнечном уголке двора, но никто не решился спросить о причине его волнения.

– Ну, мастер Шелтон, – наконец проговорил Хэтч, – ну, что я говорил? Мы все уйдем один за другим. Селден был мне словно брат родной. Он ушел вторым, ну, мы все пойдем за ним! Как это было в их негодных стихах... «Черную – в черное сердце». Кажется, так? Эппльярд, Селден, Смит, старый Хемфри – все ушли, а там лежит бедный Джон Картер, несчастный грешник все призывает священника.

Дик насторожил уши. Из низкого окна, у которого они разговаривали, долетали до его слуха стоны и шепот.

– Он лежит тут? – спросил он.

– Да, в комнате второго привратника, – ответил Хэтч. – Мы не могли нести его дальше, он так страдал душой и телом. С каждым толчком, когда мы поднимали его, он думал,

что кончается. Но теперь, мне кажется, он страдает больше душой. Он все время зовет священника, не понимая, почему не идет сэр Оливер. Исповедь будет длинной; бедному Эппльярду и бедному Селдену не пришлось исповедаться.

Дик подошел к окну и заглянул в него. Маленькая келья была низка и темна, но он мог разглядеть раненого солдата, лежавшего на койке и стонавшего.

– Ну как дела, бедный Картер? – спросил он.

– Мастер Шелтон, – взволнованным шепотом проговорил раненый, – ради бога, приведите священника. Увы! Мне пришел конец, мне очень плохо, рана моя смертельна. Вы не можете оказать мне никакой другой услуги, это будет последняя. Ради спасения моей души, как настоящий джентльмен поторопитесь: у меня на совести такое дело, которое может свергнуть меня в пучину ада.

Он застонал, и Дик услышал, как он заскрежетал зубами от боли или ужаса.

Как раз в эту минуту сэр Дэниел показался на пороге залы. В руке у него было письмо.

– Ребята, – сказал он, – мы потерпели поражение, к чему отрицать это? Напротив, это заставляет нас еще скорее сесть на коней. Старый Гарри Шестой проиграл битву. Ну, так умоем руки. У меня есть близкий к герцогу человек – лорд Уэнслейдел, мой добрый друг. Ну, я написал письмо этому другу, прося его милости и обещая большое удовлетворение за прошлое и достаточно верное обеспечение в будущем. Не

сомневайтесь, что он благосклонно выслушает нас. Мольба без даров – все равно что песня без музыка; я осыплю его обещаниями, ребята, я не скуплюсь на обещания. Чего же не достает? Очень важного! К чему мне обманывать вас! Важного и трудного – гонца, чтобы доставить это письмо. Леса, как вам известно, полны людей, желающих нам зла. Быстрота очень нужна, но без хитрости и осторожности ничего не выйдет. Кто же из вашего отряда возьмет это письмо, доставит его лорду Уэнслейделу и принесет мне ответ?

Немедленно поднялся один из присутствовавших.

– Я сделаю это, если вы желаете, – сказал он, – я готов даже рисковать шкурой.

– Нет, Дикки Боуер, – возразил рыцарь. – Это не нравится мне. Ты, правда, хитер, но недостаточно проворен. Ты всегда отстаешь от других.

– Ну, тогда я, сэра Дэниел! – крикнул другой.

– Боже упаси! – сказал рыцарь. – Ты проворен, но не хитер. Ты сразу попадешь в лагерь Джона Мстителя. Благодарю вас обоих за желание и смелость. Но вы не годитесь.

Хэтч предложил себя, но также получил отказ.

– Ты нужен мне здесь, добрый Беннет, – ты ведь моя правая рука, – возразил рыцарь.

Наконец из группы подошедших к нему людей сэра Дэниел выбрал одного и дал ему письмо.

– Ну, – сказал он, – мы все зависим от твоего проворства и осторожности. Принеси мне хороший ответ, и раньше чем

через три недели я очищу мой лес от бродяг, которые смеются нам в лицо. Но заметь хорошенько, Трогмортон, – дело нелегкое. Ты должен выбраться ночью и пробираться, как лисица; а как ты переберешься через Тилл, уж и не знаю: нельзя ни перейти через мост, ни переправиться в лодке.

– Я умею плавать, – сказал Трогмортон. – Не бойтесь, я вернусь благополучно.

– Ну, друг, ступай в кладовую, – ответил сэра Дэниел, – и поплавай прежде всего в темном эле. – С этими словами он повернулся и вышел.

– У сэра Дэниела мудрый язык, – заметил Хэтч Дикю. – Право, многие из менее великих людей постарались бы забыть дело, а он говорит правду своему отряду. Вот, говорит он, опасность, а вот и затруднение, и шутит, говоря это. Клянусь распятием, он природный вождь! Нет ни одного человека, которого он не подбодрил бы! Посмотрите, как все принялись за дело.

Это восхваление сэра Дэниела навело Дика на одну мысль.

– Беннет, – сказал он, – как умер мой отец?

– Не спрашивайте меня, – ответил Хэтч. – Я не принимал участия в его смерти и ничего не знаю; да и больше того – я буду молчать, мастер Дик. Видите ли, человек может говорить о своих делах, но не о том, какие разговоры он слышит. Спрашивайте, если хотите, сэра Оливера... или Картера, а не меня.

Хэтч отправился в обход, оставив Дика в раздумье.

«Почему он не захотел сказать мне? – думал юноша. – И почему он назвал Картера? Картер... может быть, он принимал тут какое-нибудь участие?»

Он вошел в дом и, пройдя немного по коридору с нависшими сводами, подошел к двери кельи, откуда доносились стоны раненого. Картер сильно вздрогнул, увидев его.

– Привели вы священника? – крикнул он.

– Нет еще, – ответил Дик. – Прежде вы должны сказать мне кое-что. Как умер мой отец, Гарри Шелтон?

Выражение лица раненого мгновенно изменилось.

– Не знаю, – угрюмо ответил он.

– Нет, вы хорошо знаете это, – возразил Дик. – Не старайтесь отделаться от меня.

– Говорю вам, не знаю, – повторил Картер.

– Ну, так вы умрете без исповеди, – сказал Дик. – Я здесь останусь. Будьте уверены, к вам не придет никакой священник. Какая польза в раскаянии, если не думаешь загладить сделанное зло? А без раскаяния исповедь – только насмешка.

– Вы говорите то, чего не думаете, мастер Дик, – спокойно сказал Картер. – Дурно угрожать умирающему и, говоря по правде, не годится это делать вам. И кроме того, что это поведение не похвально, оно не принесет вам никакой пользы. Оставайтесь, если желаете. Вы можете погубить мою душу, вы ничего не узнаете! Это мое последнее слово вам!

И раненый повернулся на другой бок.

Правду говоря, Дик сказал эти слова необдуманно, и ему самому стало стыдно своих угроз. Но он сделал последнее усилие.

– Картер, – сказал он, – поймите меня. Я знаю, что вы были только орудием в руках других; слуга должен повиноваться своему господину; я не могу покарать его. Но с разных сторон я узнаю, что на мне – юном и ничего не знающем – лежит великий долг, что я должен отомстить за отца. Прошу вас, забудьте мои угрозы, добрый Картер, и добровольно, с искренним раскаянием помогите мне вашим признанием.

Раненый лежал молча, Дик никак не мог добиться от него ни слова.

– Хорошо, – сказал Дик, – я позову вам священника, как вы желаете. Если вы виновны передо мной и моими родными, то я не хочу быть виноватым перед кем бы то ни было, тем более перед человеком, находящимся при последнем издыхании.

Старый солдат выслушал его все так же безмолвно и неподвижно. Он даже сдержал стоны, и Дик, выходя из комнаты, преисполнился восхищением перед этим суровым мужеством.

«А между тем, – думал он, – что значит мужество без ума? Будь у него чистые руки, он заговорил бы; его молчание выдало тайну лучше всяких слов. Ну, улики стекаются ко мне со всех сторон. Сэр Дэниел или его люди принимали участие

в смерти моего отца».

Дик с тяжестью на сердце остановился в каменном коридоре. Неужели в этот час, когда счастье изменило сэру Дэниелу, когда он осужден членами шайки «Черная стрела», когда он осажден победоносными приверженцами Йоркского дома, неужели и он, Дик, обратится против человека, выкормившего и воспитавшего его, человека, который, правда, часто сурово наказывал его, но вместе с тем неумолимо охранял его юность? Если это действительно окажется необходимым, как жестоко это будет!

– Дай Бог, чтобы он был невинен! – сказал Дик.

В это время чьи-то шаги раздались по плитам коридора, и сэр Оливер степенно подошел к юноше.

– Тут вас ждут с нетерпением, – сказал Дик.

– Я иду туда, добрый Ричард, – сказал священник. – Это бедный Картер. Увы, его невозможно исцелить.

– А душа у него страдает еще сильнее тела, – заметил Дик.

– Вы видели его? – спросил, заметно вздрогнув, сэр Оливер.

– Я только что от него, – ответил Дик.

– Что сказал он... что сказал он? – отрывистым тоном поспешно проговорил священник.

– Он только жалобно призывал вас, сэр Оливер... Вы хорошо сделаете, если поскорее пойдете к нему, потому что рана причиняет ему сильную боль.

– Я сейчас пойду к нему, – ответил священник. – Ну, все

мы грешны. Для всех нас настанет последний час, добрый Ричард.

– Да, сэр, и хорошо, если все мы встретим его спокойно, – ответил Дик.

Священник опустил глаза и, пробормотав благословение, поспешно ушел.

«И он также! – подумал Дик. – Он, который поучал меня благочестию! Что это за свет, если все, кто заботились обо мне, виновны в смерти моего отца! Мщение! Увы! Как горька моя участь: я должен мстить моим друзьям!»

При этой мысли он вспомнил Мэтчема.

При воспоминания о своем странном товарище он сначала улыбнулся, а затем задумался над тем, где бы тот мог быть. С тех самых пор, как они дошли вместе до дверей Моот-хауса, младший мальчик исчез, и Дик стосковался по нему, – ему так хотелось перекинуться с ним словечком-другим.

Приблизительно через час после обедни, довольно быстро совершенной сэром Оливером, все общество собралось в большом зале для обеда. Это была длинная, низкая комната с полом, усыпанным зеленым тростником, со стенами, украшенными коврами с изображениями охотников и гончих собак. Там и сям на стенах были развешены копья, луки и щиты; в громадном камине ярко горел огонь; вдоль стен шли скамьи, покрытые коврами, а посередине комнаты хорошо накрытый стол ожидал обедающих. Ни сэр Дэниел, ни его жена не явились к обеду. Не было даже сэра Оливера, а о Мэтчеме

не говорили ни слова. Дик начинал беспокоиться: ему припоминались грустные предчувствия приятеля. Он стал раздумывать, не случилось ли чего дурного с Мэтчем в этом доме.

После ужина он отыскал Гуди Хэтч, которая спешила к леди Брэкли.

– Гуди, – сказал он, – скажите, пожалуйста, где мастер Мэтчем? Я видел, как вы пошли с ним, когда мы пришли сюда.

Старуха громко расхохоталась.

– Ах, мастер Дик, – сказала она, – какие у вас, право, зоркие глаза! – И снова засмеялась.

– Нет, где же он в самом деле? – настаивал Дик.

– Вы никогда больше не увидите его, – сказала старуха. – Никогда. Это уж наверняка.

– Я добьюсь причины этого, если не увижу его, – возразил Дик. – Он пришел сюда не вполне по своей воле; как бы то ни было, я его лучший защитник и присмотрю, чтобы с ним хорошо обращались. Тут слишком много тайн – это начинает надоедать мне!

Дик еще не договорил, как чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. То был Беннет Хэтч, незаметно подошедший сзади. Он знаком отослал жену.

– Друг Дик, – сказал он, когда они остались наедине, – да что вы в самом деле – сошли с ума, что ли? Если вы не оставите в покое некоторые вещи, то лучше бы вам быть в

соленом море, чем здесь, в Тонсталлском доме. Вы расспрашивали меня; вы закидывали удочку Картеру; вы напугали своими намеками священника. Ведите же себя умнее, безумец, и сейчас, когда вас позовет сэр Дэниел, придите к нему с ласковым лицом, будьте благоразумны. Вас будут подробно расспрашивать. Обдумайте свои ответы.

– Хэтч, – возразил Дик, – во всем этом чувствуется мне нечистая совесть.

– Если вы не будете умнее, то скоро почувствуете кровь, – ответил Беннет. – Я только предупреждаю вас. А вот идут за вами.

И действительно, в эту минуту по двору шел посланный, чтобы позвать Дика к сэру Дэниелу.

Глава II. Две клятвы

Сэр Дэниел был в зале. Он в гневе расхаживал перед камином в ожидании Дика. В комнате, кроме него, не было никого за исключением сэра Оливера, который скромно сидел вдали, перелистывая требник и бормоча молитвы.

– Вы посылали за мной, сэр Дэниел? – сказал молодой Шелтон.

– Да, я посылал за тобой! – ответил рыцарь. – Что это дошло до моих ушей? Неужели я был для тебя таким жестоким опекуном, что ты поспешил поверить всему дурному, что тебе наговорили обо мне? Или, может быть, ты хочешь переи-

ти на сторону моих врагов, потому что в настоящее время я потерпел неудачу? Клянусь мессой, отец твой был не таков! Он всегда стоял за своих близких, что бы с ними ни было. А ты, Дик, по-видимому, друг только в счастливые дни и теперь хочешь отделаться от своих.

– Извините, это не так, сэр Дэниел, – твердо проговорил Дик. – Я благодарен и верен тем, кому обязан благодарностью и верностью. И прежде чем говорить о другом, я благодарю вас и благодарю сэра Оливера: никто больше вас обоих не имеет прав на меня; я был бы настоящей собакой, если бы забыл об этом.

– Это хорошо, – сказал сэр Дэниел и потом продолжал с возрастающим гневом: – Твоя благодарность и верность – одни слова, Дик Шелтон, а я обращаю внимание на поступки. В час опасности, когда мое имя запятнано, мои земли конфискованы, когда этот лес полон людьми, жаждущими моей гибели, что значит благодарность? Что значит верность? У меня остался только маленький отряд. И что же, в знак благодарности или верности ты отравляешь сердца моих людей своими коварными нашептываниями? Избавь меня от подобного рода благодарности. Ну, чего ты желаешь? Говори, мы здесь для того, чтобы отвечать. Если ты имеешь что-нибудь против меня – выступи и скажи прямо.

– Сэр, – отвечал Дик, – отец мой умер, когда я был еще ребенком. До моего слуха дошло, что с ним поступили низко. До моего слуха дошло – я не хочу ничего скрывать, – что

вы принимали участие в его гибели. И, честно говоря, я не могу ни успокоиться, ни помогать вам, пока не получу разрешения этим сомнениям.

Сэр Дэниел опустился на скамью. Он подпер рукой подбородок и пристально взглянул на Дика.

– И ты думаешь, что я мог быть опекуном сына убитого мной человека? – спросил он.

– Простите, если я отвечу вам невежливо, – сказал Дик, – но ведь вы отлично знаете, что быть опекуном чрезвычайно выгодно. Разве все эти годы вы не пользовались моими доходами и не управляли моими людьми? Разве у вас в будущем нет расчета на мою женитьбу? Не знаю, что она может принести вам, но чего-нибудь да стоит. Простите меня еще раз, но если вы были настолько низки, что убили доверявшего вам человека, то, может быть, у вас было достаточно поводов для менее низких поступков.

– Когда я был юношей твоих лет, – сурово проговорил сэр Дэниел, – мой ум не был так склонен к подозрениям. А сэр Оливер, – прибавил он, – как мог он, священник, оказаться виновным в этом деле?

– Ну, сэр Дэниел, – сказал Дик, – собака идет, куда ей приказывает ее господин. Всем известно, что этот священник – только орудие ваших замыслов. Я говорю совершенно откровенно, теперь не до вежливости. Я хочу, чтобы мне ответили так же искренно, как я говорю. Но ответа я не получаю. Вы только задаете мне еще больше вопросов. Советую

вам остеречься, сэра Дэниел, – таким образом вы только увеличиваете мои подозрения, а не удовлетворяете их.

– Я отвечу тебе откровенно, мастер Ричард, – сказал рыцарь. – Я не был бы честным человеком, если бы сказал, что ты не возбудил гнев во мне. Но я буду справедлив даже в гневе. Приди ко мне с этими словами, когда вырастешь и станешь мужчиной, а я не буду уже опекуном, который не может оплатить за них. Приди ко мне тогда, и я отвечу тебе, как ты этого заслуживаешь, – ударом в зубы. А до тех пор у тебя два выхода: или проглоти эти оскорбления, держи язык за зубами и старайся за человека, который кормил тебя и сражался за тебя в детстве, или... Дверь открыта, леса полны моими врагами – ступай!

Решимость, с которой были произнесены эти слова, взгляды, которыми они сопровождались, – все это поколебало Дика; однако он не мог не заметить, что не получил ответа на свой вопрос.

– Я ничего так не желаю, как поверить вам, сэра Дэниел, – сказал он. – Убедите меня, что на вас нет этой вины.

– Ты примешь мое честное слово, Дик? – спросил рыцарь.

– Приму, – ответил юноша.

– Даю тебе это слово, – сказал сэра Дэниел. – Подтверждаю моим честным словом, клянусь вечным спасением моей души и будущим ответом на суде Божьем: я не принимал никакого участия в смерти твоего отца!

Он протянул руку, и Дик с горячностью взял ее. Никто

из них не обратил внимания на священника, который с ужасом и мучительным раскаянием приподнялся со своего места при этой торжественной ложной клятве.

– Ах, – сказал Дик, – пусть ваше великодушие поможет вам простить меня! Я был действительно негодяем, что не поверил вам. Но вот вам моя рука, я не буду больше сомневаться!

– Ты прощен, Дик, – ответил сэр Дэниел. – Ты не знаком с миром и его склонностью к клевете.

– Я тем более виноват, – прибавил Дик, – что негодяи упреждали не прямо на вас, а на сэра Оливера...

Говоря это, он повернулся к священнику и остановился на полуслове. Этот высокий, румяный, дородный, важный человек вдруг как бы развалился на куски: румянец исчез, все его тело ослабло, губы бормотали молитву. А когда Дик внезапно взглянул на него, он громко вскрикнул, словно дикое животное, и закрыл лицо руками.

Сэр Дэниел в два шага очутился рядом со священником и яростно потряс его за плечо. Подозрения Дика проснулись с новой силой.

– Пусть сэр Оливер также поклянется, – сказал он. – Обвиняли и его.

– Он поклянется, – сказал рыцарь.

Сэр Оливер безмолвно замахал руками.

– А, клянусь мессой, вы поклянетесь! – закричал сэр Дэниел вне себя от бешенства. – Поклянитесь здесь, на этой

книге, – продолжал он, поднимая упавший на пол требник. – Как! Вы заставляете меня сомневаться в вас?! Клянитесь, говорю вам, клянитесь!

Но священник был не в состоянии произнести ни слова. Страх перед сэром Дэниелом и ужас при мысли о клятвенном преступлении, охватившие его с одинаковой силой, душили его.

В это мгновение в высокое, расписное окно залы с треском влетела черная стрела и, дрожа, впиалась в середину большого стола.

Сэр Оливер громко, пронзительно вскрикнул и упал в обморок на тростник, разбросанный по полу. Рыцарь в сопровождении Дика бросился во двор, а оттуда по ближайшей винтовой лестнице – на зубцы стены. Часовые все были настороже. Солнце спокойно светило на зеленые поляны с разбросанными на них деревьями и на лесистые холмы, окаймлявшие горизонт. Нигде не было видно следов нападающих.

– Откуда вылетела эта стрела? – спросил рыцарь.

– Из-за той группы деревьев, сэр Дэниел, – ответил часовой.

Рыцарь стоял некоторое время в раздумье. Потом он обернулся к Дику.

– Дик, – сказал он, – пригляди за этими людьми, я поручаю их тебе. Что касается священника, то он должен оправдаться, или я узнаю в чем дело. Я начинаю разделять твои подозрения. Поверь мне, он поклянется, не то мы докажем его виновность.

Дик ответил довольно холодно, и рыцарь, бросив на него пронизательный взгляд, поспешно вернулся в залу. Прежде всего он оглядел стрелу. Он в первый раз видел такой метательный снаряд; поворачивая стрелу то в ту, то в другую сторону, он почувствовал некоторого рода страх при виде ее мрачного цвета. Кроме того, на стреле было написано одно лишь слово: «Зарытый».

– А, – проговорил он, – значит, они знают, что я дома. «Зарытый»! Да, но между ними не найдется ни одной собаки, годной на то, чтобы откопать меня.

Сэр Оливер пришел в себя и с трудом поднялся на ноги.

– Увы, сэр Дэниел! – простонал он. – Вы поклялись страшной клятвой, вы осуждены навеки!

– Да, – возразил рыцарь, – я дал клятву, глупая башка, а ты дашь еще более важную. Ты поклянешься на святом Холивудском кресте. Смотри же, приготовь слова. Клятва должна быть дана сегодня ночью.

– Да просветит вас небо, – ответил священник, – да отклонит небо ваше сердце от такого беззакония!

– Вот что, мой добрый отец, – сказал сэр Дэниел, – если дело пошло о благочестии – я больше ничего не скажу; только вы поздно принимаетесь за это. Но если у вас есть хоть сколько-нибудь разума, выслушайте меня. Этот мальчик начинает раздражать меня, словно оса. Он нужен мне, потому что я хочу с выгодой для себя женить его. Но говорю вам прямо: если он будет надоедать мне, то отправится к своему

отцу. Я отдам приказание перевести его в комнату над капеллой. Если вы можете подтвердить свою невинность хорошей, солидной клятвой и со спокойным, уверенным выражением лица – все будет хорошо, мальчик несколько успокоится и я пощажу его. Если же вы запнетесь или побледнеете, или затруднитесь во время произнесения клятвы так, что он не поверит вам, то – клянусь мессой! – он умрет. Обдумайте все хорошенько.

– «В комнату над капеллой»! – задыхаясь, проговорил священник.

– Именно туда, – ответил рыцарь. – Итак, если вы желаете спасти его, – спасайте; если же нет, – пожалуйста, уходите и оставьте меня в покое. Будь я человеком вспыльчивым, то давно бы проколол вас мечом из-за вашей невыносимой трусости и безрассудства. Что же вы выбрали? Отвечайте.

– Я выбираю... – сказал сэр Оливер. – Да простит меня Небо! Я выбираю зло ради добра. Я поклянусь ради спасения юноши.

– Так-то лучше будет! – сказал сэр Дэниел. – Ну так посылайте скорее за ним. Вы увидите с ним наедине. Но я буду следить за вами. Я останусь тут рядом, в комнате.

Рыцарь поднял драпировку из ковра и опустил ее за собой. Послышался звук шелкнувшей пружины, затем скрип шагов по лестнице.

Сэр Оливер, оставшись один, бросил боязливый взгляд на завешанную ковром стену и перекрестился с выражением

ужаса и сокрушения.

– Если иначе ему придется быть в комнате над капеллой, – пробормотал он, – то я должен спасти его хотя бы ценой спасения моей души.

Три минуты спустя Ричард Шелтон, за которым был отправлен посыльный, нашел сэра Оливера, бледного, но стоявшего у стола в зале с решительным выражением лица.

– Ричард Шелтон, – сказал он, – вы потребовали от меня клятвы. Я мог бы обидеться и отказать вам в этом требовании, но сердце мое было тронуту при воспоминании о прошлом, и я удовлетворяю ваше желание. Клянусь вам святым Холивудским крестом в том, что я не убивал вашего отца!

– Сэр Оливер, – ответил Дик, – когда мы в первый раз прочли записку Джона Мстителя, я был уверен в этом. Но позвольте мне предложить вам два вопроса. Положим, вы не убили его. Но не принимали ли вы участия в этом убийстве?

– Ни малейшего, – ответил сэр Оливер.

В это же время лицо его как-то странно передернулось, как будто он хотел выразить этой мимикой предостережение, но не сумел этого сделать.

Дик с изумлением посмотрел на него, потом обернулся и оглядел пустую залу.

– Что вы делаете? – спросил он.

– Да ничего, – поспешно ответил священник, меняя выражение лица. – Я ничего не делаю... я страдаю, я чувствую себя нехорошо, я... Извините, Дик, мне нужно уйти. Клянусь

святым Холивудским крестом, я не виновен ни в насилии, ни в измене! Успокойтесь, добрый юноша. Прощайте.

И он вышел из зала с непривычной для него быстротой.

Дик остался на месте, словно прикованный. Взгляд его блуждал по комнате; на лице сменялись выражения различных чувств: удивления, сомнения, подозрения и удовлетворения. Постепенно, по мере того как ум его прояснялся, подозрения одержали верх; за ними последовала уверенность в самом худшем. Он поднял голову и сильно вздрогнул. Высоко на стене на тканом ковре была изображена фигура дикаря-охотника. Одной рукой он подносил ко рту рог; другой размахивал большим копьем. У него было темное лицо, так как он должен был изображать африканца.

Случилось нечто, сильно напугавшее Дика. Солнце уже зашло, а огонь в большом очаге сильно разгорелся и бросал изменчивый свет на потолок и обои. И при этом свете черный охотник вдруг подмигнул Дику белым веком.

Он продолжал смотреть на глаз охотника. При свете огня глаз казался драгоценным камнем: он был прозрачен, он жил. Белое веко опять закрылось над ним на одно мгновение и исчезло в следующее.

Не оставалось никакого сомнения. Это исчез живой глаз, наблюдавший за ним через дырочку в обоях.

Дик мгновенно понял весь ужас своего положения. Предостережения Хэтча, мимика священника, глаз, наблюдавший за ним из-за стены – все это мелькнуло у него в уме.

Он понял, что подвергался испытанию, выдал себя и погиб, если его не спасет какое-нибудь чудо.

«Если мне не удастся выбраться из этого дома – я погиб, – думал он. – А бедный Мэтчем – в какое змеиное гнездо завел я его!»

Он еще раздумывал, когда в комнату вошел какой-то человек, чтобы помочь ему перенести оружие, одежду и две-три книги в новую комнату.

– «В новую комнату»? – повторил Дик. – Зачем? В какую комнату?

– В комнату над капеллой, – ответил посланный.

– Она долго оставалась пустой, – задумчиво проговорил Дик. – Что это за комната?

– Хорошая комната, – ответил слуга. – Но только, – прибавил он, понизив голос, – говорят, в ней появляется призрак.

– Призрак? – дрожа, повторил Дик. – Я не слышал об этом. Чей же призрак?

Слуга оглянулся вокруг и проговорил шепотом:

– Ризничего церкви Святого Иоанна. Его оставили раз ночевать в этой комнате, а на утро – фью! – его не оказалось там. Говорили, что его взял дьявол; с вечера он очень много пил.

Дик с мрачным предчувствием пошел за слугой.

Глава III. Комната над капеллой

С зубцов башни ничего больше не было заметно. Солнце клонилось к западу и наконец зашло, но, несмотря на бдительность часовых, ни одно живое существо не показывалось вблизи Тонсталлского дома.

Когда наступила ночь, Трогмортон ввели в угловую комнату, выходящую на ров. Оттуда его со всевозможными предосторожностями спустили в ров. В продолжение короткого времени были слышны всплески воды; потом черная фигура сошла на берег у ветвей ивы и стала красться по траве. Сэр Дэниел и Хэтч внимательно прислушивались еще около получаса, но все было тихо. Гонец отправился благополучно.

Нахмуренное чело сэра Дэниела разгладилось. Он обернулся к Хэтчу.

– Беннет, – сказал он, – этот Джон Мститель такой же человек, как ты сам. Он спит. Смелее! Мы покончим с ним.

Все время после полудня и вечером Дика посылали в разные стороны: одно приказание следовало за другим, так что Дик был поражен количеством поручений и поспешностью, с которой приходилось исполнять их. Все это время он не видел ни сэра Оливера, ни Мэтчема, но мысли о священнике и о юноше постоянно проносились у него в голове. Главной целью его было как можно скорее выбраться из Тонсталлско-

го дома, а между тем ему хотелось до ухода переговорить с ними обоими.

Наконец, с лампой в руках, он поднялся в свое новое помещение. Это была большая, низкая и довольно темная комната. Окно с железной решеткой выходило на ров и было очень высоко от земли. Постель была роскошной, с пуховой подушкой и с другой, набитой лавандой, с красным одеялом, вышитым узором из роз. Вдоль всех стен стояли буфеты, запертые на замок и спрятанные от взглядов под ткаными коврами темного цвета. Дик обошел всю комнату, приподымая драпировки, постукивая по стенам, напрасно стараясь открыть шкафы. Он убедился, что дверь крепка и засов основателен, потом поставил лампу на подставку и снова огляделся вокруг.

С какой целью ему отвели эту комнату? Она была больше и красивее его прежней комнаты. Скрывалась тут какая-нибудь ловушка? Нет ли тайного выхода? Действительно ли тут появляется призрак? Кровь похолодела у него в жилах.

Как раз над ним на плоской кровле раздавались тяжелые шаги часового. Под ним, как он знал, были своды капеллы, а рядом с часовней – столовая. Наверное, из залы шел какой-нибудь потайной ход – доказательством этого служил глаз, смотревший сквозь дыру ковра. Более чем вероятно было то, что ход тянулся до часовни; если это было так, то он вел и в его комнату.

Спать в этой комнате – он хорошо чувствовал это – было

бы безрассудной смелостью. Держа оружие наготове, он сел в углу комнаты, за дверью. Если против него замышляют зло, он дорого продаст свою жизнь.

Наверху, вдоль зубцов крыши, послышался топот ног нескольких людей. Раздались оклики часовых и пароль – караул сменился.

Как раз в это время Дик услышал какое-то царапанье в дверь; звук этот стал громче и наконец раздался шепот:

– Дик, Дик, это я!

Дик подбежал к двери, отворил засов и впустил в комнату Мэтчема. Мальчик был очень бледен. В одной руке он держал лампу, в другой – обнаженный кинжал.

– Закрой дверь, – шепнул он. – Скорее, Дик! Этот дом полон шпионов: я слышал, как они шли за мной по коридору, я слышу, как они дышат за стеной.

– Ну, успокойся, – сказал Дик, – дверь заперта. Мы в безопасности на некоторое время, если можно быть в безопасности в этих стенах. Но я от всего сердца рад видеть тебя. Клянусь мессой, я думал, что тебя уже нет в живых. Где ты скрывался?

– Это все равно, – ответил Мэтчем. – Раз мы встретились, то какое дело до этого? Но, Дик, открыты ли у тебя глаза? Говорили тебе о том, что будет завтра?

– Не говорили, – ответил Дик. – Что же будет завтра?

– Завтра или сегодня ночью, не знаю, – сказал Мэтчем, – но, во всяком случае, они покушаются на твою жизнь, Дик.

У меня есть доказательства: я слышал, как они шептались; они почти сказали мне это.

– Вот как! – сказал Дик. – Я и сам думал об этом.

И он подробно рассказал все, что случилось за этот день. Когда он покончил с рассказом, Мэтчем встал и в свою очередь начал рассматривать комнату.

– Нет, – сказал он, – не видно никакого входа. Но, наверное, он есть. Дик, я останусь с тобой. Если ты должен умереть – я умру с тобой. И я могу помочь тебе – взгляни! Я украл кинжал, я сделаю все что могу! А между тем, если ты нашел какой-нибудь выход, какую-либо лазейку, через которую мы могли бы выйти, или окно, через которое можно спуститься, я с радостью встречу всякую опасность и убегу с тобой.

– Джек, – сказал Дик, – клянусь мессой, Джек, ты самая хорошая, самая верная и храбрая душа во всей Англии! Дай мне твою руку, Джек.

И он схватил руку друга.

– Вот что я скажу тебе, – начал он. – Тут есть окно, через которое спустился посланник; веревка, должно быть, еще в комнате. Это все-таки надежда.

– Тс-с! – сказал Мэтчем.

Оба прислушались. Внизу, под полом, послышался какой-то звук, потом прекратился и возобновился опять.

– Кто-то ходит по комнате внизу, – шепнул Мэтчем.

– Нет, внизу нет комнаты, – возразил Дик, – мы под часовней. Это ходит по тайному коридору мой убийца. Ну, пусть

идет – плохо ему придется! – И он заскрежетал зубами.

– Потуши лампы, – сказал Мэтчем. – Может быть, он чем-нибудь выдаст себя.

Они потушили обе лампы и притаились не дыша, словно мертвые. Шаги внизу, хотя и очень тихие, были ясно слышны. Они то приближались, то удалялись; наконец послышался громкий скрип поворачиваемого в замке ключа и наступила продолжительная тишина.

Шаги послышались вновь, и вдруг в отдаленном углу комнаты через щель в стене показался свет. Он становился все ярче: отворилась подъемная дверь, впустив поток света. Видна была сильная рука, поднимавшая дверь. Дик поднял свой арбалет в ожидании, что покажется и голова человека, которому принадлежала рука.

Но тут произошла остановка. Из дальнего угла дома слышались крики; сначала один голос, потом два, а затем и много голосов повторяли одно и то же имя. Этот шум, очевидно, встревожил убийцу – подъемная дверь была опущена на свое место, шаги еще раз раздались внизу, как раз под тем местом, где находились мальчики, и затем замерли вдали.

Наступила минутная передышка. Дик глубоко вздохнул и тут только прислушался к суматохе, помешавшей нападению, которая все увеличивалась, вместо того чтобы уменьшаться. По всему дому раздавалась беготня; двери с шумом распахивались и закрывались, и над всем этим гамом возвышался голос сэра Дэниела, звавшего какую-то Джоанну.

– Джоанна! – повторил Дик. – Кто бы это мог быть, черт возьми! Здесь нет никакой Джоанны и никогда не было. Что это значит?

Мэтчем молчал. Он, по-видимому, отошел в сторону. В комнату проникал лишь слабый свет звезд, и в дальнем конце, где были мальчики, царила полная тьма.

– Джек, – сказал Дик, – я не знаю, где ты был весь день. Видел ты эту Джоанну?

– Нет, – ответил Мэтчем, – я не видел ее.

– И не слышал, чтобы говорили о ней? – продолжал спрашивать Дик.

Шаги приближались. Сэр Дэниел продолжал кого-то звать на дворе громовым голосом.

– Слышал ты о ней? – повторил Дик.

– Я слышал о ней, – сказал Мэтчем.

– Как у тебя дрожит голос! Что с тобой? – сказал Дик. – Эта Джоанна – для нас большое счастье, она отвлечет их мысли от нас.

– Дик, – вскрикнул Мэтчем, – я погиб, мы оба погибли! Бежим отсюда, пока еще есть время. Они не успокоятся, пока не найдут меня. Или вот что –пусти меня вперед! Когда найдут меня, ты сможешь бежать. Пустименя, Дик... Добрый Дик, выпустименя!

Она отыскивала в темноте засов. Дик наконец все понял.

– Клянусь мессой! – крикнул он. – Ты вовсе не Джек, ты Джоанна Седли! Ты та девушка, которая не хотела выйти за

меня!

Девушка остановилась и стояла молча и неподвижно. Дик также молчал некоторое время, потом снова заговорил:

– Джоанна, – сказал он, – ты спасла мою жизнь, а я спас твою; мы видели, как текла кровь, были и друзьями и недругами, я даже хватался за пояс, чтобы отколотить тебя... И все это время я считал тебя мальчиком. Но теперь смерть близка, время прошло, а прежде чем я умру, я должен сказать тебе вот что: ты лучшая и самая храбрая девушка на свете, и если бы я остался в живых, то с радостью женился бы на тебе; но буду ли я жив или умру – я люблю тебя.

Она ничего не ответила.

– Ну, скажи же что-нибудь, Джек, – сказал он. – Будь доброй девушкой, скажи, что любишь меня!

– Зачем же я была бы здесь, Дик! – воскликнула она.

– Ну так значит, если нам удастся благополучно выбраться отсюда, мы поженимся, – продолжал Дик, – а если нам суждено умереть – умрем, и делу конец. Но как ты нашла мою комнату?

– Я спросила у госпожи Хэтч, – ответила она.

– Ну, она человек верный, – заметил он. – Она не выдаст тебя, у нас есть время.

В это мгновение, как бы в опровержение его слов, в коридоре раздались шаги и кто-то громко ударил в дверь кулаком.

– Эй! – крикнул чей-то голос. – Откройте, мастер Дик, откройте!

Дик не тронулся с места и ничего не ответил.

– Все кончено, – сказала девушка и обвила руками шею Дика.

Люди один за другим собирались у двери. Наконец явился сам сэр Дэниел и шум внезапно прекратился.

– Дик, – кричал рыцарь, – не будь ослом! И семь спящих дев проснулись бы от такого шума. Отворяй, брат, отворяй!

Дик продолжал молчать.

– Сломайте дверь! – сказал сэр Дэниел.

Слуги его тотчас же яростно стали ударять в дверь ногами и кулаками. Несмотря на то, что она была очень прочна и заперта тяжелым засовом, все-таки подалась бы, если бы снова не вмешалась судьба. Среди грома ударов раздался крик часового, за ним последовал другой; с зубцов башен раздались тоже крики, в ответ на которые слышались крики из леса. В первое мгновение тревоги казалось, что обитатели лесов берут приступом Моот-хаус. Сэр Дэниел и его люди временно отказались от атаки комнаты Дика и бросились защищать стены.

– Теперь мы спасены! – вскрикнул Дик.

Он схватился обеими руками за старинную кровать и безуспешно старался сдвинуть ее с места.

– Помоги мне, Джек. Ради спасения твоей жизни, напряги все твои силы! – сказал он.

Громадными усилиями они оттащили большую дубовую кровать и приставили ее одним концом к двери комнаты.

– Ты только ухудшаешь положение вещей, – печально проговорила Джоанна. – Он войдет через подъемную дверь.

– Ну нет, – ответил Дик, – он не посмеет открыть эту тайну многим людям. Мы сами убежим через эту дверь. Слушай! Нападение закончилось. Да его и вовсе не было.

Действительно, никакого нападения не было, а просто явилась еще одна часть воинов, принимавших участие в сражении, – они-то и помешали сэру Дэниелу. Они спаслись бегством под покровом темноты. Их впустили в большие ворота, и теперь они сходили с коней во дворе под громкий стук копыт и звон доспехов и оружия.

– Он сейчас вернется, – сказал Дик, – скорее в подъемную дверь!

Он зажег лампу, и оба прошли в один из углов комнаты. Щель было легко отыскать, так как через нее еще мерцал слабый свет. Дик взял из своего небольшого запаса оружия прочный меч, запустил его глубоко в щель и навалился изо всех сил на рукоятку. Дверь подалась и немного приоткрылась. Молодые люди сделали еще одно усилие – и дверь отворилась. Они увидели несколько ступенек, на одной из которых предполагаемый убийца оставил горящую лампу.

– Ну, – сказал Дик, – иди вперед и возьми лампу. Я пойду за тобой и закрою дверь.

Они сошли один за другим. Когда Дик захлопнул за собой отверстие, раздались снова громовые удары в дверь его комнаты.

Глава IV. Подземный ход

Проход, в котором очутились Дик и Джоанна, был узок, грязен и короток. На другом конце его была полуоткрытая дверь – без сомнения, та, которую они слышали, когда ее открывал предполагаемый убийца. С потолка спускалась густая паутина; на каменном полу глухо отдавались самые легкие шаги.

За дверью проход разветвлялся под прямым углом. Дик выбрал наудачу один из ходов, и оба пошли быстрыми шагами вдоль выемки кровли капеллы. Сводчатый потолок подымался при слабом мерцании лампы, словно спина кита. Там и сям попадались отверстия, приспособленные для наблюдений, скрытые с другой стороны резьбой карнизов. Заглянув в одно из этих отверстий, Дик увидел устланный плитами пол часовни, алтарь с его горящими восковыми свечами и распростертую перед ним на ступенях фигуру сэра Оливера, молившегося с воздетыми вверх руками.

Дойдя до конца коридора, они спустились по нескольким ступеням. Проход становился уже; стена с одной стороны была из дерева – через щели слышен был шум разговора и видно мерцание огней. Беглецы дошли до круглого отверстия в стене величиной с человеческий глаз. Дик заглянул в него и увидел внутренность столовой. С полдюжины людей в латах сидели вокруг стола, уничтожая паштет из дичи и жадно

запивая его вином. Наверное, это были недавно прибывшие воины.

– Тут нам не найти помощи, – сказал Дик, – попробуем вернуться назад.

– Нет, – возразила Джоанна, – может быть, есть проход дальше.

Они пошли вперед, но через несколько ярдов проход заканчивался маленькой лестницей. Ясно было, что бегство с этой стороны невозможно, пока солдаты занимают столовую.

Они возвратились назад со всей возможной быстротой и принялись исследовать другой проход. Он был чрезвычайно узок, так что едва можно было пройти одному человеку. Идти приходилось по постоянно спускавшимся и поднимающимся головоломным лестницам. Дик потерял всякое понятие о том, где они находятся.

Наконец проход стал еще уже и ниже; лестницы продолжали спускаться все глубже; стены с обеих сторон были сыры и липки на ощупь. Вдали слышались писк и беготня крыс.

– Должно быть, мы в подземной темнице, – сказал Дик.

– А выхода все нет, – прибавила Джоанна.

– Но должен же быть выход! – ответил Дик.

И действительно, вскоре они дошли до крутого поворота – тут проход заканчивался лестницей. Она была завалена тяжелой каменной плитой. Беглецы употребляли все усилия, чтобы сдвинуть ее, но она оставалась неподвижной.

– Кто-нибудь держит ее, – заметила Джоанна.

– Ну нет, – сказал Дик, – будь то человек, обладающий силой десяти людей, плита все же поддалась бы немного. А она не поддается, точно упирается в неподвижную скалу. Там лежит какая-нибудь тяжесть. Тут нет выхода, и, говоря по правде, добрый Джек, мы здесь такие же пленники, как если бы у нас были кандалы на ногах. Сядем здесь и поговорим. Через некоторое время мы вернемся назад; может быть, тогда они будут менее осторожны? Кто знает, может быть, нам и удастся вырваться. Но, по моему скромному мнению, мы пропали.

– Дик! – сказала девушка. – Печален тот день, когда ты встретил меня! Потому что я, несчастная, неблагодарная девушка, завела тебя сюда.

– Что за глупости! – возразил Дик. – Так уж было суждено, а что суждено, исполняется помимо нашей воли. Расскажи-ка мне, что ты за девушка и как попала в руки сэра Дэниела? Это будет лучше, чем оплакивать меня или себя.

– Я сирота, как и ты, без отца и матери, – сказала Джоанна, – и, на великое мое, а следовательно, и твое, Дик, несчастье, богатая невеста. Опекун у меня был лорд Фоксгем; но оказывается, что сэр Дэниел купил у короля право на выдачу меня замуж... и заплатил очень дорогую цену. И вот я, бедный ребенок, еще у кормилицы, стала предметом борьбы между двумя знатными и богатыми людьми, желавшими каждый для своей пользы выдать меня замуж! Ну, времена изменились, появился новый канцлер, и сэр Дэниел купил опекунство надо мной через голову лорда Фоксгема. Новая

перемена – и лорд Фоксгем купил право на выдачу меня замуж помимо сэра Дэниела. С тех пор между ними продолжается вражда. Но все это время я была в руках лорда Фоксгема, и он был для меня добрым господином. Наконец, я должна была быть выдана замуж, или, если хочешь, продана. Лорд Фоксгем должен был получить пятьсот фунтов. Гэмли – так зовут моего жениха, и как раз завтра, Дик, я должна быть помолвлена с ним. Если бы сэр Дэниел не узнал этого, я была бы, наверное, обвенчана и никогда бы не увидела тебя, Дик... дорогой Дик.

Она взяла его руку и поцеловала с нежной грацией; Дик притянул к себе ее руку и сделал то же самое.

– Ну, – продолжала она, – сэр Даниел неожиданно схватил меня в саду и заставил переодеться в мужское платье, а это для женщины смертельный грех, и к тому же это платье не идет мне. Он поехал со мной, как ты сам видел, в Кеттли, сказав мне, что я должна выйти за тебя; но я в душе решила, что назло ему выйду за Гэмли.

– А! – вскрикнул Дик. – Значит, ты любила этого Гэмли?

– Нет, – ответила Джоанна, – не любила. Я только ненавидела сэра Дэниела. А потом, Дик, ты помог мне и был добр ко мне и очень смел. Помимо воли мое сердце обратилось к тебе, и теперь, если бы мы могли устроить это, я очень охотно выйду за тебя. А если жестокая судьба не допустит этого, ты все же будешь дорог мне. Пока бьется мое сердце, я буду верна тебе.

– А я, – сказал Дик, – который никогда и не думал о женщинах до сих пор, я полюбил тебя, когда считал тебя мальчиком. Мне было жаль тебя – я сам не знал почему. Когда я хотел отколотить тебя, у меня не поднялась рука. Но когда ты созналась, что ты девушка, Джек, – я все-таки буду звать тебя Джеком, – я убедился, что ты именно та девушка, которая нужна мне. Слушай! – перебил он себя. – Кто-то идет.

Действительно, тяжелые шаги отдавались эхом в проходе, и целая армия крыс снова разбежались во все стороны.

Дик оглядел позицию. Резкий поворот в проходе был выгоден для него. Таким образом он мог безопасно стрелять под прикрытием стены. Но свет был слишком близко от него; он выбежал несколько вперед, поставил лампу посреди прохода и потом вернулся на свое место.

В отдаленном конце прохода показался Беннет. Он, казалось, шел один. В руке он нес горящий факел, благодаря которому в него легче было целиться.

– Стой, Беннет! – крикнул Дик. – Еще один шаг – и ты мертв!

– Так вы здесь, – сказал Беннет, вглядываясь в темноту. – Я не вижу. Ага! Умно вы поступили, Дик, что поставили вашу лампу перед собой. Право, хотя это и было сделано для того, чтобы прострелить мое сердце, я все же радуюсь, видя, как вы воспользовались моими уроками! Но скажите, что вы делаете, что ищете здесь? Зачем вы хотите стрелять в старого доброго друга? А молодая барышня еще здесь?

– Ну, Беннет, спрашивать-то нужно мне, а тебе отвечать, – произнес Дик. – Почему моя жизнь подвергается здесь опасности? Почему являются какие-то люди, чтобы убить меня в постели? Почему я должен бежать из безопасного дома моего собственного опекуна и от друзей, среди которых я жил и которых ничем не обидел?

– Мастер Дик, мастер Дик, – сказал Беннет, – что я говорил вам? Вы храбрый, но самый бесхитростный юноша из всех, кого я помню!

– Ну, – сказал Дик, – я вижу, что ты знаешь все и я в самом деле обречен. Хорошо. Я останусь здесь. Пусть сэр Дэниел добывает меня отсюда, если сумеет.

Хэтч помолчал немного.

– Слушайте, – наконец проговорил он, – я возвращусь к сэру Дэниелу, чтобы сказать ему, где вы находитесь и в каком именно месте, – ведь он за тем и послал меня. Но если вы не глупы, то вам лучше уйти до тех пор, пока я вернусь.

– «Уйти»! – повторил Дик. – Я давно ушел бы, если бы знал, как это сделать. Я не могу сдвинуть плиту.

– Суньте руку в угол и посмотрите, что найдете там, – ответил Беннет. – Веревка Трогмортонa еще в той комнате. Прощайте! – Хэтч повернулся и исчез в изгибах прохода.

Дик сейчас же вернулся за лампой и последовал данному совету. В одном углу прохода в стене была глубокая впадина. Дик всунул руку в отверстие, нашел железный болт и сильно дернул его кверху. Послышался громкий треск, и каменная

плита сейчас же отодвинулась.

Беглецам открылся выход. С небольшими усилиями им удалось поднять дверь, и они вышли в комнату со сводами, выходящую одной стороной во двор, где два-три безоружных человека чистили лошадей недавно приехавших солдат. Несколько факелов, воткнутых в железные кольца на стене, освещали эту сцену своим колеблющимся светом.

Глава V. Как Дик перешел на другую сторону

Дик потушил лампу, чтобы не привлекать внимания, поднялся наверх и прошел вдоль коридора. В темной комнате он отыскал веревку, привязанную к чрезвычайно тяжелой, старинной кровати. Дик взял клубок веревки, подошел к окну и начал медленно и осторожно спускать ее в ночную тьму. Джоанна стояла рядом с ним. По мере того как веревка удлинялась, а Дик все еще продолжал разматывать ее, сильный страх поколебал решимость девушки:

– Дик, – сказала она, – неужели это так высоко? Я не решусь спуститься. Я непременно упаду, добрый Дик.

Она заговорила как раз в самую критическую минуту. Дик вздрогнул, остаток клубка выскользнул из его рук, и конец веревки с плеском упал в ров.

В то же мгновение раздался голос часового с башни:

– Кто идет?

– Черт возьми! – вскрикнул Дик. – Мы пропали! Скорее спускайся по веревке.

– Я не могу, – сказала, отшатываясь, девушка.

– Если ты не можешь, то не могу и я, – сказал Шелтон. – Как же я переплыву ров без тебя? Значит, ты бросаешь меня?

– Дик, – задыхаясь, проговорила она, – я не могу. Силы покинули меня.

– Клянусь мессой, тогда мы оба погибли! – крикнул он, топнув ногой; потом, услышав шаги, он бросился к двери комнаты и хотел захлопнуть ее.

Прежде чем он успел затворить засов, чьи-то сильные руки налегли на дверь с другой стороны. Одно мгновение он боролся, потом, чувствуя себя побежденным, побежал назад к окну. Девушка прислонилась к стене у окна – она была почти без чувств. Когда Дик попробовал взять ее на руки, тело ее безжизненно обвисло.

В то же мгновение люди, которые помешали ему затворить дверь на засов, бросились на него. Одного из них он заколол кинжалом, остальные в беспорядке отступили. Дик воспользовался этим случаем, подбежал к подоконнику, схватился обеими руками за веревку и начал спускаться по ней.

Веревка была узловатая, отчего спускаться было легче, но Дик так спешил и так мало привык к гимнастике подобного рода, что качался в воздухе, словно преступник на виселице, и то ударялся головой, то разбивал себе руки о грубую, ка-

менную стену. Ветер свистел у него в ушах, он видел звезды над головой и отражение этих звезд во рву – они кружились, словно опавшие листья. Наконец он выпустил веревку, упал и погрузился с головой в ледяную воду.

Когда он выплыл на поверхность, его рука наткнулась на веревку; освобождаясь от тяжести, она сильно раскачивалась в разные стороны. Над головой у него виднелся красный огонь. Взглянув наверх, он увидел при свете факелов и треножника, наполненного горящими углями, что зубцы башни усеяны человеческими лицами. Он видел, как головы этих людей поворачивались во все стороны, ища его; но он был слишком низко, свет не достигал его и все поиски были напрасны.

Тут он заметил, что веревка достаточно длинная, и начал пробиваться, насколько мог, к другой стороне рва, продолжая держать голову над водой. Таким образом ему удалось проделать более половины пути. Берег был уже вблизи, как вдруг веревка напряглась и начала тянуть его назад. Дик собрал все свое мужество и сделал прыжок в сторону спускавшихся к воде побегов ивы, которые в тот же вечер помогли выбраться на берег посланнику сэра Дэниела. Он опустился в воду, снова поднялся, опустился во второй раз, потом схватился рукой за ветку и с быстротой молнии поднялся на дерево и прижался к стволу. Вода текла с его одежды; он задыхался, не вполне уверенный, что ему удалось спастись от преследования.

Но все это произошло не без всплесков воды, указавших

следившим за ним с башни место, где он находится. Стрелы сыпались вокруг него во тьме, словно град. Вдруг с башни бросили факел, он блеснул в воздухе в своем быстром полете и упал на краю берега, где на мгновение сильно вспыхнул и осветил всю окрестность, словно костер. Но, на счастье Дика, затем он соскользнул, упал в ров и мгновенно погас.

Факел достиг, однако, своей цели. Искусные стрелки успели разглядеть иву и Дика, спрятавшегося между ее ветвями. И хотя юноша сейчас же спрыгнул и побежал изо всех сил вверх по берегу, однако ему не удалось избежать выстрелов: одна стрела попала ему в плечо, другая задела голову.

Боль от ран словно придала ему крылья – он выбрался на ровное место и быстро побежал, не думая о направлении.

Стрелы еще продолжали преследовать его некоторое время, но вскоре это прекратилось. Когда он наконец остановился и обернулся назад, то был уже далеко от Моот-хауса, хотя еще видел, как факелы двигались взад и вперед вдоль зубцов башни.

Он прислонился к дереву, мокрый от воды и истекающий кровью, разбитый, раненый, одинокий. Но все же он спас себе жизнь, и, хотя Джоанна осталась во власти сэра Даниела, он не упрекал себя за случайность, которую был не в силах предотвратить, и не ожидал каких-либо роковых последствий для девушки. Сэр Даниел жесток, но вряд ли он будет жесток с молодой благородной девицей, у которой есть другие покровители, могущие легко призвать его к ответу.

Вероятнее всего, он постарается поскорее выдать ее за кого-нибудь из своих друзей.

«Ну, – думал Дик, – до тех пор я еще успею найти средство укротить этого изменника. Клянусь мессой, я считаю себя теперь освобожденным от всякой благодарности или обязанности, а в военное время всем открывается удобный случай изменить свое положение».

Но пока положение его было очень печальным и затруднительным.

Некоторое время он продолжал еще пробираться сквозь чащу леса. Но боль от ран, темнота ночи, тревога и смятение мыслей мешали ему отыскивать направление и продолжать пробиваться сквозь густые заросли. Наконец он был вынужден сесть и прислониться к дереву.

Когда он очнулся от состояния между сном и обмороком, серый рассвет уже начал сменять ночную тьму. Легкий прохладный ветерок шелестел листвою деревьев. Дик еще не вполне проснулся, когда, пристально смотря перед собой, заметил какой-то темный предмет, раскачивавшийся на ветвях дерева ярдах в ста от того, под которым он сидел. Становилось светлее, Дик пришел в себя и был в состоянии рассмотреть этот предмет. То был человек, висевший на суку большого дуба. Голова его была опущена на грудь; при каждом более сильном порыве ветра тело его раскачивалось, а руки и ноги вертелись, словно какая-то странная игрушка.

Дик с трудом поднялся на ноги. Шатаясь и придерживаясь

за стволы деревьев, он подошел ближе к ужасному предмету.

Сук был на высоте приблизительно двадцати футов от земли, и бедный малый был поднят палачами так высоко, что Дик не мог достать рукой даже до его сапог, а так как лицо повешенного было закрыто капюшоном, то невозможно было узнать, кто он.

Дик оглянулся направо и налево. Наконец он заметил, что другой конец веревки привязан к стволу небольшого куста боярышника, росшего под могучей сенью дуба и обильно покрытого цветами. Кинжалом – единственным оставшимся у него оружием – молодой Шелтон перерезал веревку, и труп с глухим шумом упал на землю.

Дик приподнял капюшон: то был Трогмортон, посланник сэра Дэниела. Он недалеко ушел со своим поручением. Из-за пазухи его куртки торчала какая-то бумага, очевидно, ускользнувшая от внимания членов общества «Черной стрелы». Дик вытащил ее и увидел письмо сэра Дэниела к лорду Уэнслейделу.

«Ну, – подумал он, – если опять будет какая-нибудь перемена, этим я смогу пристыдить сэра Дэниела и, может быть, привести его на плаху».

Он положил бумагу себе за пазуху, прочел молитву над мертвецом и снова побрел по лесу.

Усталость и слабость все увеличивались, в ушах у него звенело, он спотыкался, терял временами сознание – так сильно он ослабел от потери крови. Без сомнения, он много

раз сбивался с пути, но наконец вышел на большую дорогу не очень далеко от деревушки Тонсталл.

Чей-то грубый голос крикнул, чтобы он остановился.

– Остановиться? – повторил Дик. – Клянусь мессой, я скорее могу упасть.

И в подтверждение своих слов он упал на дорогу во весь рост.

Из чащи вышли двое людей, оба в зеленых куртках, с длинными луками, колчанами и короткими мечами.

– Лоулесс, – сказал младший из них, – да ведь это молодой Шелтон.

– Вот радость-то для Джона Мстителя! – ответил его товарищ. – А ведь он побывал в бою. Тут на голове у него рана, которая стоила ему немало унций крови.

– А здесь, – прибавил Гриншив, – в плече, у него дыра. Должно быть, здорово ему попало. Кто бы мог это сделать, как ты думаешь? Если кто-нибудь из наших, то пусть принимается за молитвы – Эллис предложит ему длинную исповедь и короткую веревку.

– Подними щенка, – сказал Лоулесс, – клади его мне на спину.

Когда Дик был поднят ему на плечи, он, обвив себе шею руками мальчика, крепко захватил их и прибавил:

– Оставайся на посту, брат Гриншив. Я пойду с ним один.

Гриншив вернулся в засаду у дороги, а Лоулесс стал медленно спускаться с холма, неся на плечах Дика, по-прежнему

му находившегося в глубоком обмороке.

Солнце уже вошло, когда он вышел на окраину леса и увидел деревушку Тонсталл, разбросанную на противоположном холме. Все, казалось, было спокойно; только у моста, по обе стороны дороги, залегли человек десять стрелков. Как только они заметили Лоулесса с его ношей, они зашевелились и стали натягивать луки, как приличествовало бдительным часовым.

– Кто идет? – окликнул начальник отряда.

– Уилли Лоулесс, клянусь распятием! Вы знаете меня так же хорошо, как свои пять пальцев, – с презрением ответил Лоулесс.

– Скажи пароль, Лоулесс! – потребовал начальник.

– Да просветит тебя Небо, большой ты дурак, – ответил Лоулесс, – разве я не сказал тебе своего имени?! Но все вы сошли с ума от игры в солдат. Когда я в лесу, то и жить хочу жизнью лесов, а мой пароль: «наплевать на всю шутовскую солдатчину»!

– Лоулесс, ты подаешь дурной пример! Скажи пароль, глупый шутник, – настаивал начальник поста.

– А если я позабыл его?

– А если позабыл, то, клянусь мессой, я всажу стрелу в твое толстое брюхо, – ответил начальник.

– Ну, если ты так плохо понимаешь шутки, – сказал Лоулесс, – то я, пожалуй, скажу пароль. «Декурорс и Шелтон» – вот мой пароль, а вот и иллюстрация: Шелтон у меня на пле-

чах, и я его несу к Декуорсу.

– Проходи, Лоулесс, – сказал часовой.

– А где Джон? – спросил бывший францисканец.

– Он творит суд и расправу, собирает пошлины, словно вельможа! – крикнул один из часовых.

Так и оказалось. Когда Лоулесс дошел до маленькой деревенской гостиницы, он увидел Эллиса Декуорса, окруженного арендаторами сэра Дэниела. Опираясь на силу своего отряда, он хладнокровно собирал с них арендную плату и выдавал расписки в приеме сумм. По лицам арендаторов ясно было видно, как мало им нравится эта процедура, – они хорошо понимали, что им придется платить дважды.

Как только Эллис узнал, что привело к нему повара, он отпустил остальных арендаторов и с явными признаками интереса и тревоги сопровождал Дика в одну из комнат гостиницы. Тут осмотрели раны юноши и простыми средствами привели его в чувство.

– Милый мальчик, – сказал Эллис, – ты в руках друга, который любил твоего отца и ради него любит и тебя. Отдохни немного, потому что ты еще не совсем пришел в себя. Потом ты расскажешь мне свою историю и мы вместе обсудим, как помочь тебе.

Позже, в течение дня, когда Дик проснулся после спокойного сна, чувствуя себя все еще очень слабым, но с более ясным сознанием и менее страдая от ран, Эллис пришел к нему, сел у его постели и именем его отца попросил расска-

зять все обстоятельства бегства из Моот-хауса. Во всей сильной, крепкой фигуре Декурса, в честном выражении его смуглого лица, в ясном, пронизательном взгляде было что-то, заставившее Дика повиноваться ему, и он рассказал со всеми подробностями о всех приключениях последних двух дней.

– Ну, – сказал Эллис, когда Дик закончил свой рассказ, – смотри, Дик Шелтон, что сделали для тебя милосердные святые: они не только спасли твое тело от многочисленных смертельных опасностей, но и привели тебя в мои руки – руки человека, у которого нет более страстного желания, как желание помочь сыну твоего отца. Будь только верен мне, – а я вижу, что ты можешь быть верен, – и мы с тобой покараем смертью этого вероломного человека.

– Вы нападете на его дом? – спросил Дик.

– С моей стороны было бы безумием и думать об этом, – возразил Эллис. – Он слишком силен, его люди собираются вокруг него; те, которые улизнули от меня вчера вечером и явились так кстати для тебя, охраняют его. Напротив, Дик, и ты, и я, и мои храбрые стрелки – мы все должны убраться из этого леса как можно скорее и оставить сэра Дэниела в покое.

– Меня тревожит мысль о Джеке, – сказал Дик.

– «О Джеке»? – повторил Декурс. – А, понимаю, об этой девушке. Ну, обещаю тебе, Дик, что, если пойдет разговор о свадьбе, мы сейчас же начнем действовать; а до тех пор, пока

не наступит время, мы все исчезнем, как тени ночи с наступлением утра. Сэр Дэниел будет смотреть и на восток, и на запад и нигде не увидит врагов. Клянусь мессой, он подумает, что видел все это во сне, а теперь просыпается! Но наши глаза, Дик, будут пристально следить за ним и наши руки – да поможет нам небесное воинство! – одолеют изменника.

Два дня спустя гарнизон сэра Дэниела настолько усилился, что он решился на вылазку и во главе сорока всадников проехал без сопротивления до деревушки Тонсталл. Не пролетело ни одной стрелы, ни один человек не пошевелился в роще. Мост более не оберегался и был открыт для прохода. Переезжая через него, он увидел крестьян, боязливо выглядывавших из дверей своих домов.

Наконец один из них собрался с духом, вышел вперед и с низжайшими поклонами передал рыцарю какое-то письмо.

Лицо сэра Дэниела потемнело, когда он прочел его содержание. Вот что было написано там:

«Невернейшему и жестокому джентльмену сэру Дэниелу Брэккли, рыцарю, посылаю эти строки.

Я узнал, что вы были неверны и недобры с самого начала. У вас на руках кровь моего отца; пусть будет так – она не смывается. В один прекрасный день вы погибнете от моей руки, обратите на это внимание. Еще предупреждаю вас, что, если вы попытаете выдать замуж благородную даму мисс Джоанну Седли, на которой я обещал жениться, то удар разразится скоро. Первый шаг в этом деле будет вашим первым

шагом к могиле.

Ричард Шелтон».

Часть третья. Лорд Фоксгем

Глава I. Дом на берегу

Со времени бегства Ричарда Шелтона от опекуна прошло несколько месяцев. В это время произошло несколько важных для Англии событий. Ланкастерская партия, казалось, бывшая при последнем издыхании, снова подняла голову. Потерпевшие поражение приверженцы Йоркского дома были рассеяны, их предводитель варварски убит на поле сражения. Когда наступила зима вскоре после описанных событий, казалось, что Ланкастерский дом одержал окончательную победу над своими врагами.

Город Шорби на Тилле был наполнен ланкастерскими вельможами из окрестностей. Тут был граф Райзингем с тремястами воинами, лорд Шорби с двумястами. Сэр Дэниел, в сильном фаворе и снова разбогатевший от конфискаций, жил в собственном доме на главной улице с шестьюдесятью воинами. Мир действительно перевернулся.

Был темный, очень холодный вечер первой недели января. Стоял большой мороз, дул сильный ветер, можно было ожидать, что к утру пойдет снег.

В плохонькой харчевне, находившейся на улице, прилежавшей к гавани, трое или четверо людей сидели, распивая

эль и закусывая яичницей. Это были красивые, сильные, загорелые люди, с грубыми руками, со смелым выражением глаз. Хотя они были одеты, как простые пахари, даже пьяный солдат поостерегся бы начать ссору с такой компанией.

Несколько поодаль от них перед ярким огнем сидел молодой человек, почтя мальчик. Хотя он был одет так же, как и другие, но по его виду ясно было, что он по происхождению выше своих товарищей и мог бы в другое время носить меч.

– Ну, – сказал один из сидевших за столом, – мне это не нравится. Дело окончится плохо. Здесь не место для веселых малых. Веселый малый любит открытое место, хорошее прикрытие и небольшое количество врагов, а здесь мы заперты в городе, окружены неприятелями и, в довершение несчастья, увидите – еще пойдет снег.

– Все это из-за мастера Шелтона, – сказал второй, кивая головой на сидевшего перед огнем юношу.

– Я многое готов сделать для мастера Шелтона, – возразил первый, – но попадать на виселицу ради кого бы то ни было – нет, только не это, братцы!

Дверь гостиницы отворилась. Какой-то человек поспешно вошел в комнату и направился к сидевшему перед огнем юноше.

– Мастер Шелтон, – сказал он, – сэр Дэниел выходит с двумя факельщиками и четырьмя стрелками.

Дик (это был наш юный друг) тотчас же поднялся.

– Лоулесс, – сказал он, – ты займешь место Джона Кеппе-

ра. Гриншив, следуй за мной. Кеппер, иди впереди. На этот раз мы пойдем за ним, хотя бы он отправлялся в Йорк.

В следующее мгновение все уже были на темной улице. Кеппер – так звали только что пришедшего человека – показал в сторону, где на небольшом расстоянии пылали два факела, раздуваемые ветром.

В городе все уже крепко спали, на улицах не было никакого движения, и идти за маленьким отрядом можно было, не возбуждая подозрений. Впереди шли два факельщика, за ними следовал человек, длинный плащ которого развевался по ветру. В арьергарде шли четыре стрелка с луками в руках. Они двигались быстрым шагом, проходя по запутанным переулкам, и приближались к берегу.

– Он ходит каждую ночь в этом направлении? – шепотом спросил Дик.

– Вот уж третью ночь, мастер Шелтон, – ответил Кеппер, – и всегда в одно и то же время и с такой же маленькой свитой, как будто с какой-то тайной целью.

Сэр Дэниел со своими шестью спутниками вышли на окраину. Шорби был неукрепленным городом, и хотя засевшие в нем лорды-ланкастерцы держали сильные караулы на главных дорогах, из него все же можно было выйти – или войти в него – незамеченным по небольшим улицам или по открытому полю.

Переулок, которым шел сэр Дэниел, внезапно окончился. Перед ним расстилалась небольшая дюна; с одной стороны

доносился шум морского прибоя. Поблизости не было караула, и никакого света не виделось в этой части города.

Дик и его спутники подошли несколько ближе к тому, кого преследовали. Когда они вышли из ряда домов и могли взглянуть немного дальше в обе стороны, то заметили факел, приближавшийся с противоположного направления.

– Эге, – сказал Дик, – я чую измену.

Между тем сэр Дэниел остановился. Факелы воткнули в землю, а люди легли, как будто в ожидании появления другого отряда.

Отряд этот приближался быстрым ходом. Он состоял только из четырех человек – двух стрелков, слуги с факелом и джентльмена в плаще, шедшего посередине.

– Это вы, милорд? – крикнул сэр Дэниел.

– Да, это я, и если кто-либо доказал, что он истинный рыцарь, то это тоже я, – ответил предводитель второго отряда, – потому что всякий охотнее встретится с великанами, колдунами или язычниками, чем вынесет такой пронизывающий холод.

– Милорд, – ответил сэр Дэниел, – красавица будет тем более признательна вам, не сомневайтесь в этом. Но не отправиться ли нам в путь? Чем скорее вы увидите мой товар, тем скорее мы вернемся по домам.

– Но зачем вы держите ее здесь, добрый рыцарь? – спросил незнакомец. – Если она так молода, так хороша и богата, почему вы не даете ей возможность бывать среди своих

подруг? Вы скоро устроили бы для нее выгодный брак без необходимости морозить себе пальцы и рисковать получить рану, расхаживая в такую неподходящую погоду в темноте.

– Я говорил вам, милорд, – ответил сэр Дэниел, – что это касается только меня. И я не намерен ничего объяснять вам. Достаточно сказать, что если вам надоел ваш старый приятель Дэниел Брэкли, то объявите во всеуслышание, что вы собираетесь жениться на Джоанне Седли, и даю вам слово – вы скоро избавитесь от него. Вы найдете его со стрелой в спине.

Между тем джентльмены быстро продвигались по дюнам. Перед ними несли три факела, которые колебались от ветра и распространяли вокруг себя облако дыма и сноп искр. Шесть стрелков заключали шествие.

Сейчас же за ними шел Дик. Он, конечно, не слышал ни слова из их разговора, но во втором из разговаривавших он узнал старого лорда Шорби, пользовавшегося очень дурной репутацией, которого даже сэр Дэниел считал нужным порицать в обществе.

Наконец они дошли до самого берега. Воздух был пропитан солью, шум прибоя стал сильнее. Тут, в большом саду, обнесенном стенами, стоял маленький двухэтажный дом с конюшнями и другими службами.

Шедший впереди факельщик отпер калитку в стене и, после того как все вошли в сад, снова запер ее на замок с другой стороны.

Дик и его товарищи были таким образом лишены возможности следовать за ними; конечно, они могли бы перелезть через стену, но при этом могли попасться в ловушку.

Они присели в вереске и стали ждать. Красное пламя факелов двигалось взад и вперед, вниз и вверх за оградой, как будто факельщики усердно сторожили сад.

Прошло двадцать минут, и все общество снова вышло на дюну. После утонченных прощальных приветствий сэра Дэниел и барон расстались и пошли по домам, каждый со своей свитой.

Как только ветер заглушил шум их шагов, Дик, насколько мог, быстро встал на ноги – он закоченел от холода.

– Кеппер, помоги мне взобраться, – сказал он.

Все трое подошли к стене. Кеппер нагнулся, а Дик встал ему на плечи и взобрался на стену.

– Ну, Гриншив, – шепнул Дик, – следуй за мной сюда. Ляг навзничь, чтобы тебя было меньше видно, и будь готов помочь мне, если на меня нападут. – Сказав это, он соскочил в сад.

Там не было видно ни зги: дом был не освещен. Ветер резко свистел среди жалких кустов, волны бились о берег – других звуков не было слышно. Дик осторожно пошел вперед, спотыкаясь среди кустов и ощупывая предметы руками. Вдруг резкий скрип песка под ногами показал ему, что он попал на аллею.

Тут он остановился и, вынув арбалет из-под своего длин-

ного плаща, приготовил его к немедленному действию и пошел дальше с большой решимостью и уверенностью. Дорожка привела его к группе зданий.

Все они казались разрушенными. Окна дома закрывались ветхими ставнями, пустые конюшни были распахнуты настежь, на сеновале не было сена, в стойлах – зерна. Всякий принял бы этот дом за необитаемый, но у Дика были основательные причины предполагать иное. Он продолжал обход, заходил в службы, пробовал все окна. Наконец, обойдя дом, он вышел в сторону моря и увидел, как и ожидал, слабый свет в одном из окон верхнего этажа.

Он отошел немного в сторону так, чтобы наблюдать движение теней на стене комнаты, из которой виднелся свет. Тут он вспомнил, что, когда ощупывал стены конюшни, ему попала под руку какая-то лестница, и поспешно пошел за ней. Лестница была очень короткая, но все же, стоя на ее верхней перекладине, он мог протянуть руки так, чтобы достать до железной решетки окна. Ухватясь за нее, он напряг все силы и поднялся настолько, что мог видеть все происходящее в комнате.

В ней были две женщины. В первой он сейчас же узнал Гуди Хэтч, второй была высокая, красивая, важная молодая леди в длинном вышитом платье. Неужели это Джоанна Седли? Его лесной товарищ Джек, которого он собирался отколлотить поясом?

Дик в изумлении опустился на перекладину лестницы. Он

никогда не представлял себе своей возлюбленной существом настолько высшим, и чувство сомнения в себе охватило его. Но ему некогда было раздумывать. Вблизи него раздалось тихое восклицание «тс-с!» – и он поспешно сошел с лестницы.

– Кто идет? – спросил он шепотом.

– Гриншив, – послышался ответ, сказанный таким же тоном.

– Что тебе нужно? – спросил Дик.

– За домом следят, мастер Шелтон, – ответил Гриншив. – Не мы одни караулим здесь: лежа на животе на стене, я заметил людей, бродящих в темноте, и слышал, как они тихо пересвистывались.

– Правда, это очень странно, – сказал Дик. – Не люди ли это сэра Дэниела?

– Нет, сэр, – ответил Гриншив, – если глаза меня не обманули, то у каждого из них на шапке белый значок с какими-то темными клетками.

– Белый с темными клетками? – повторил Дик. – Право, я не знаю такого значка. Это не из здешних. Ну, если так, то выберемся потихоньку из этого сада, потому что здесь мы не в состоянии защищаться. В доме, без сомнения, есть люди сэра Дэниела, и попасться между двух огней – положение не из приятных. Возьми эту лестницу, я должен оставить ее там, где нашел.

Они отнесли лестницу в конюшню и ощупью добрались

до места, откуда вошли в сад.

Кеппер между тем занял позицию Гриншива на стене. Он подал им руку и втащил на стену сначала одного, а потом другого.

Осторожно и безмолвно все трое спустились на другую сторону. Они заговорили только тогда, когда вернулись в свою старую засаду в зарослях.

– Ну, Джон Кеппер, – сказал Дик, – отправляйся назад в Шорби так быстро, как будто дело идет о твоей жизни. Приведи мне сейчас же всех, кого можешь собрать, – здесь будет сборное место. Если же люди разбросаны далеко друг от друга и соберутся только к рассвету, назначь место сбора где-нибудь подальше, у входа в город. Гриншив и я остаемся здесь караулить. Поторопись, Джон Кеппер, и да помогут тебе все святые! А мы с тобой, Гриншив, – продолжал он, когда Кеппер отправился в путь, – обойдем вокруг сада на большом расстоянии. Мне хочется посмотреть, не обманули ли тебя твои глаза.

Держась вдали от стены и пользуясь каждым возвышением, каждой впадиной, они обошли сад с двух сторон, ничего не заметив. С третьей стороны садовая стена была выстроена прямо на берегу – чтобы сохранить необходимое расстояние от нее, им пришлось несколько спуститься на песок. Хотя до прилива было еще далеко, прибой волн был настолько силен, а песчаный берег столь пологим, что каждый раз обдавался водой на большом пространстве. Дику и Гриншиву

пришлось сделать эту часть обхода по лодыжку – а местами и по колена – в соленой ледяной воде моря.

Внезапно на относительной белизне садовой стены показалась, словно слабая китайская тень, фигура человека, подававшего какие-то знаки руками. Когда он спустился на землю, несколько подальше появилась другая такая же фигура и проделала то же самое. И эти знаки, словно безмолвный пароль, повторились вокруг осажденного сада.

– Они хорошо караулят, – шепнул Дик.

– Вернемся скорее на берег, мастер, – ответил Гриншив. – Мы стоим здесь на слишком открытом месте: когда морские волны, тяжелые и белые, разбиваются сзади нас, наши фигуры ясно вырисовываются среди пены.

– Ты говоришь правду, – сказал Дик. – Скорее на берег!

Глава II. Схватка в темноте

Дик с товарищем вернулись на свою позицию в вереске совершенно вымокшими и озябшими.

– Дай Бог, чтобы Кеппер поторопился! – сказал Дик. – Я обещаю свечу Святой Марии в Шорби, если он скоро вернется.

– Вы спешите, мастер Дик? – спросил Гриншив.

– Да, добрый малый, – ответил Дик, – потому что в этом доме находится моя дама, которую я люблю, а кто эти люди, стерегущие ее тайно ночью? Конечно, недруги.

– Ну, – сказал Гриншив, – если Джон скоро вернется, мы славно расправимся с ними. С наружной стороны их не более сорока человек – я сужу по тому, как расставлены их часовые, – и, если напасть на них, когда они так далеко друга от друга, то двадцати человек достаточно, чтобы разогнать их, как воробьев. Но, мастер Дик, если она теперь во власти сэра Дэниела, то ей не очень повредит, если она попадет во власть другого. А кто могут быть эти люди?

– Я подозреваю, лорда Шорби, – ответил Дик. – Когда они пришли?

– Они начали подходить примерно тогда же, когда вы перелезли через стену, мастер Дик, – сказал Гриншив. – Я не пролежал и минуты, как уже заметил первого негодяя, подкрадывавшегося из-за угла.

Последний свет уже был погашен в домике, когда Дик и его спутник брели среди всплесков волн; теперь невозможно было предсказать, когда люди, скрывавшиеся у стены сада, решатся произвести нападение на дом.

Из двух зол Дик выбрал меньшее. Он предпочитал, чтобы Джоанна осталась под охраной сэра Дэниела, чем попала бы в когти лорда Шорби, и твердо решился, в случае нападения на дом, немедленно явиться на помощь осажденным.

Но время проходило, а никакого движения все же не было заметно. Каждые четверть часа те же сигналы передавались по стене сада, как будто предводитель хотел убедиться, бодрствуют ли его расставленные по местам слуги, но во всех

других отношениях в окрестности маленького дома царствовала невозмутимая тишина.

Мало-помалу к Дику стало подходить его подкрепление. Ночь только что наступила, когда около двадцати человек уже притаились в вереске рядом с ним.

Он разделил их на два отряда, взял на себя команду над меньшим, а предводительство большим предоставил Гриншиву.

– Ну, Кит, – сказал он последнему, – возьми своих людей и отправляйся к ближайшему углу садовой стены на берегу. Поставь там сильный караул и жди, пока не услышишь, что я начал нападение с другой стороны. Я хотел бы овладеть теми, кто стоят фронтом к морю, потому что там, наверное, находится предводитель. Остальные побегут – пожалуй, отпустите их. И вот еще что, ребята: не стреляйте, вы можете попасть в друзей. Беритесь за кинжалы и действуйте ими. А если мы одержим верх, то обещаю каждому из вас по золотому, когда я получу свое имение.

Сопровождать Ричарда Шелтона вызвались самые храбрые и наиболее искусные в военном ремесле люди из странного сборища изломанных жизнью людей, воров, убийц и крестьян разоренных поселений, которых призвал к себе Декуорс для своих планов мщения. Служба, состоявшая в наблюдении за сэром Дэниелом в городе Шорби, была далеко не по их характеру; в последнее время они начали громко роптать и угрожали уйти. Перспектива горячей схватки, а

может быть, и добычи возвратила им хорошее расположение духа, и они радостно стали готовиться к битве.

Откинув свои длинные плащи, они появились в простых зеленых кафтанах, а некоторые – в толстых кожаных куртках. Под капюшонами на многих были надеты шапки с железными бляхами. Что касается оружия, то мечи, кинжалы, несколько толстых рогатин и дюжина блестящих алебард давали им возможность противостоять даже регулярным войскам. Луки, колчаны и плащи были спрятаны в вереске, и оба отряда решительно двинулись вперед.

Дик, дойдя до другой стороны дома, расставил в ряд своих шестерых воинов ярдах в двадцати от садовой стены и стал в нескольких шагах впереди. Потом все разом крикнули и бросились на неприятелей.

Враги, лежавшие на больших расстояниях друг от друга, окоченевшие от холода, застигнутые врасплох, вскочили на ноги и остановились в нерешительности. Прежде чем они могли собраться с мужеством или сообразить количество нападавших и их силы, такой же крик, предвестник нападения, достиг их ушей с отдаленной стороны ограды. Они сочли себя погибшими и побежали.

Таким образом два маленьких отряда членов шайки «Черная стрела» соединились перед стеной сада, выходившей на море. Часть незнакомцев очутилась как бы между двух огней, а остальные разбежались в разные стороны и скоро исчезли в темноте.

Но битва еще только начиналась. Хотя на стороне лесных бродяг Дика было то преимущество, что нападение их было неожиданным, те, на кого они напали, превосходили их численностью. Между тем наступил прилив, берег сузился до небольшой полосы. На пространстве между морем и садовой стеной в темноте началась яростная, смертельная борьба, исход которой был сомнительным.

Незнакомцы были хорошо вооружены, они молча бросились на нападающих – схватка превратилась в ряд отдельных поединков. Дик, первым бросившийся в битву, схватился с тремя воинами. Одного из них он уложил с первого удара, но остальные двое напали на него с такой горячностью, что он чуть было не отступил перед их нападением. Один из нападающих был громадный малый, почти великан, вооруженный огромным мечом, которым он размахивал, как тросточкой. Против такого противника с сильным размахом руки и длинным, тяжелым оружием Дик со своей алебардой оказывался совершенно беззащитным. Если бы и другой противник решил принимать горячее участие в нападении, гибель юноши была бы неизбежна. Но этот человек, менее высокий и более медлительный в движениях, остановился на мгновение, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к звукам битвы.

Великан продолжал пользоваться своим выгодным положением, а Дик все отступал перед ним, поджидая удобного случая. Вдруг в воздухе сверкнуло и опустилось громад-

ное лезвие – Дик сделал ловкий прыжок и стал наудачу рубить своей алебардой направо и налево. Послышался громкий, отчаянный крик; прежде чем раненый успел поднять свое страшное оружие, Дик дважды повторил свой удар, и тот упал на землю.

В следующее мгновение Дик вступил на более равных условиях в борьбу с другим своим преследователем. Тут не было большой разницы в росте, и хотя противник Дика выступил против его алебарды с мечом и кинжалом, хотя он был осторожен, умел хорошо отражать удары и имел лучшее оружие, Дик возмещал все это своими ловкостью и проворством. Никто из них сначала не имел видимого преимущества над другим, но старший из противников незаметно воспользовался горячностью младшего, чтобы завести того, куда ему хотелось. Вдруг Дик заметил, что они прошли берег во всю его ширину и дерутся теперь по колена в воде, среди пены и шума волн. Тут его ловкость и подвижность становились бесполезными; он увидел себя в руках врага. Еще немного – и он очутился вдали от своих людей и убедился, что ловкий и искусный противник решил увести его как можно дальше.

Дик заскрежетал зубами. Он решил немедленно окончить борьбу. Когда прибой удалился, оставив песок сухим, он бросился вперед, выбил оружие из рук противника и вцепился ему прямо в горло. Тот упал вместе с Диком, который очутился на нем. Следующая волна покрыла их водой.

Пока противник еще лежал под водой, Дик выхватил у него из рук кинжал и встал на ноги с победоносным видом.

– Сдавайтесь! – сказал он. – Дарю вам жизнь.

– Сдаюсь, – ответил его противник, поднимаясь на колени. – Вы бьетесь, как молодой человек, то есть неумело и очертя голову, но, клянусь всеми святыми, вы сражаетесь отважно.

Дик обернулся к берегу. В темноте еще продолжался с переменным успехом яростный бой. Покрывая глухой шум волн, слышались удары стали о сталь, раздавались восклицания боли и боевые клики.

– Отведите меня к вашему предводителю, юноша, – сказал побежденный рыцарь. – Пора окончить эту бойню.

– Сэр, – ответил Дик, – если у этих храбрых малых есть какой-нибудь предводитель, то он – тот бедный джентльмен, что стоит перед вами.

– Ну так отзовите своих псов, а я велю своим слугам остановиться, – сказал незнакомец.

В голосе и манерах противника было столько благородства, что Дик перестал бояться измены.

– Складывайте оружие, молодцы! – крикнул незнакомый рыцарь. – Я сдался под условием, что останусь жив.

Тон незнакомца был чрезвычайно властным, и шум и смятение схватки прекратились почти немедленно.

– Лоулесс, – крикнул Дик, – ты жив?

– Да, – крикнул в ответ бывший повар, – жив и невредим!

– Зажги фонарь, – сказал Дик.

– Сэра Дэниела нет здесь? – спросил рыцарь.

– Сэра Дэниела? – переспросил Дик. – Молю Бога, чтобы его не было здесь. Клянусь распятием, плохо бы мне пришлось, если бы он был здесь.

– Плохо пришлось бы *вам*, прекрасный сэра? – спросил рыцарь. – Ну, признаюсь, если вы не принадлежите к партии сэра Дэниела, то я ничего более не понимаю. Зачем же вы напали на мою засаду? Какой тут спор, мой юный и чрезвычайно пылкий друг? Какое у вас было намерение? И – чтобы покончить с расспросами – какому благородному джентльмену я сдался?

Но прежде чем Дик успел ответить, в темноте раздался чей-то голос. Дик разглядел белый с черным значок на шапке говорившего и почтительный поклон, которым он приветствовал своего начальника.

– Милорд, – сказал он, – если эти джентльмены – недруги сэра Дэниела, то, право, очень жаль, что мы бились с вами; но было бы в десять раз больше жаль, если бы они или мы остались здесь дольше. Часовые в доме, если они не мертвы и не глухи, слышали нашу схватку с четверть часа тому назад; сейчас они дадут сигналы в город, и если мы не поторопимся уйти, то все будем схвачены новым врагом.

– Хоксли прав, – сказал лорд. – Чего вы желаете, сэра? Куда мы должны идти?

– Ну, милорд, что касается меня, идите куда хотите. Я на-

чинаю думать, что у нас есть основание для дружбы, и если я начал знакомство с вами несколько грубо, то не хочу продолжать его таким же образом. Поэтому, милорд, вы дадите мне вашу руку и мы расстанемся. А в назначенный вами час мы встретимся в назначенном вами месте и поговорим.

– Вы слишком доверчивы, мой мальчик, – сказал рыцарь, – но на этот раз ваше доверие не будет обмануто. Я встречу вас на рассвете у Креста Святой Невесты. Ну, молодцы, за мной!

Незнакомцы исчезли со сцены с несколько подозрительной быстротой. Пока обитатели зеленого леса занялись привычным делом – грабежом покойников, Дик еще раз обошел садовую стену, чтобы рассмотреть переднюю часть дома. В маленьком окошечке на верху крыши он увидел какой-то свет. Так как этот свет был, наверное, виден из задних окон городского дома сэра Дэниела, то он не сомневался, что это и был сигнал, которого боялся Хоксли, и что на сцене скоро появятся солдаты тонсталлского рыцаря.

Дик приложился ухом к земле, и ему послышался нестройный, глухой звук со стороны города. Он поспешно бросился к берегу. Но работа была уже окончена; последний труп был обезоружен и обобран догола, и четверо молодцов уже шли к морю, чтобы кинуть его в воду.

Через несколько минут, когда из ближайших переулков Шорби показались около сорока всадников, поспешно снарядившихся и мчавшихся в галоп, все было безмолвно и пу-

стынно вокруг маленького дома на морском берегу.

Между тем Дик со своими воинами вернулся в питейный дом «Коза и Волынка», чтобы урвать несколько часов сна до утреннего свидания.

Глава III. Крест Святой Невесты

Крест Святой Невесты стоял недалеко от Шорби, у опушки Тонсталлского леса. Тут перекрещивались две дороги: одна шла из Холивуда через лес, другая – дорога из Райзингема, по которой, как мы видели, бежали остатки ланкастерской армии. В этом месте дороги сходились и спускались вместе по холму к Шорби. Несколько дальше от места их соединения вершина небольшого холма увенчивалась старинным крестом, сильно пострадавшим от непогоды.

Сюда и явился Дик около семи часов утра. Было по-прежнему холодно; земля вся посерела и отливала серебром из инея; на востоке зарей пурпурно-оранжевого цвета занялся день.

Дик сел на нижнюю ступеньку у креста, хорошенько закутался в свой длинный плащ и внимательно огляделся по сторонам. Ждать ему пришлось недолго. По дороге из Холивуда показался джентльмен в богатых, блестящих латах, на которые была наброшена верхняя одежда из драгоценнейших мехов, верхом на великолепном ратном коне. В двадцати ярдах за ним следовала группа всадников, вооруженных копьями.

Они остановились напротив места назначенного свидания, и джентльмен в меховой одежде поехал дальше один.

Из-под поднятого забрала видно было лицо с властным, величественным выражением, соответствующем богатству одежды и вооружения незнакомца. Дик встал со своего места с некоторым смущением и спустился по холму навстречу своему бывшему пленнику.

– Благодарю вас, милорд, за аккуратность, – сказал он с низким неловким поклоном. – Не угодно ли вашей милости сойти на землю?

– Вы здесь одни, молодой человек? – спросил лорд.

– Я не так прост, – ответил Дик, – и должен сказать откровенно, ваша милость, что леса по обе стороны этого креста полны моими честными молодцами с оружием наготове.

– Умно вы поступили, – сказал лорд. – Это мне нравится еще потому, что в прошлую ночь вы дрались очертя голову, скорее как дикий безумец – сарацин, чем как христианский рыцарь. Но мне не пристало жаловаться, так как я был побежден.

– Вы были побеждены, потому что упали, милорд, – возразил Дик. – Если бы не помогли волны, то мне пришлось бы плохо. Вам угодно было отметить меня знаками кинжала, которые и теперь на моем теле. В конце концов, милорд, мне думается, что все опасности, так же как и все выгоды этой маленькой стычки на берегу, выпали на мою долю.

– Я вижу, вы достаточно проницательны, чтобы этим вос-

пользоваться, – заметил незнакомец.

– Нет, милорд, – ответил Дик, – я не думаю извлекать из этого выгоду. Но когда при свете дня я вижу, какой храбрый рыцарь сдался – не мне, а судьбе, темноте и приливу, – как легко бой мог принять совсем другой оборот для такого неопытного и неотесанного воина, как я, то вы, милорд, не должны находить странным, что я смущен выпавшей на мою долю победой.

– Вы хорошо говорите, – сказал незнакомец. – Ваше имя?

– Мое имя, если вам угодно знать его, – Шелтон, – ответил Дик.

– Меня зовут лорд Фоксгем, – сказал незнакомец.

– Значит, милорд, вы, с вашего позволения, опекун самой милой девушки в Англии, – ответил Дик, – и не может быть никакого разговора об условиях выкупа как вашего, так и тех, кто был с вами на берегу. Прошу вас, милорд, окажите мне вашу милость и благосклонность, отдайте мне руку моей возлюбленной, Джоанны Седли, и примите со своей стороны свободу свою, свободу своих слуг и, если желаете, мою благодарность и службу до смерти.

– Но разве сэр Дэниел не ваш опекун? Мне казалось, что так говорили о сыне Гарри Шелтона, – сказал лорд Фоксгем.

– Не угодно ли вам сойти с лошади, милорд? Я рассказал бы вам откровенно, кто я, каково мое положение и отчего я решаюсь на такую смелую просьбу. Умоляю вас, милорд, присядьте на эти ступеньки, выслушайте меня до конца и су-

дите меня милостиво.

Говоря это, Дик протянул лорду Фоксгему руку, чтобы помочь ему сойти с лошади, привел его к кресту, усадил на то место, где прежде сидел сам, и, стоя почтительно перед своим благородным пленником, рассказал ему всю свою историю до событий вчерашнего вечера включительно.

Лорд Фоксгем внимательно слушал его.

– Мастер Шелтон, – сказал он, когда Дик окончил свой рассказ, – вы самый счастливый и в то же время несчастный молодой джентльмен на свете; но счастье, которое у вас было, вы вполне заслужили, а несчастье не заслужено вами ни в каком случае. Ободритесь, потому что вы приобрели друга, который может оказать вам услугу и имеет власть на это. Что касается вас, то, хотя человеку вашего происхождения и не годится водиться с шайкой лесных бродяг, я должен признать, что вы и храбры, и честны, очень опасны в бою, очень любезны в мирное время; юноша с превосходными наклонностями и отважного вида. Что касается ваших поместий, вы не увидите их, пока мир снова не перевернется; пока Ланкастер одерживает верх, сэра Дэниел будет владеть ими. Относительно благородной девицы, которую я опекаю, дело иное: я еще раньше обещал ее руку одному джентльмену, родственнику нашего дома, некому Гэмли. Обещание дано давно...

– Да, милорд, а теперь сэра Дэниел обещал ее руку милорду Шорби, – перебил Дик. – И это обещание, хотя и данное поз-

же, по всей вероятности, окажется более действительным.

– Это истинная правда, – сказал лорд Фоксгем. – И, принимая во внимание, что я ваш пленник, которому вы, по соглашению, оставили только жизнь, а самое главное, что девушка находится, к несчастью, в других руках, я условно даю свое согласие. Помогите мне с вашими добрыми молодцами...

– Милорд, – воскликнул Дик, – ведь это те же самые лесные бродяги, за которых вы порицали меня, что я вожусь с ними!

– Пусть их будут, чем хотят, если только они умеют сражаться, – возразил лорд Фоксгем. – Ну так помогите мне, и если нам двоим удастся отбить девушку, клянусь моей рыцарской честью, она выйдет за вас!

Дик преклонил колени перед своим пленником; но тот легко соскочил с подножья креста, поднял юношу и поцеловал его как сына.

– Ну, – сказал он, – если вы женитесь на Джоанне, то мы должны заранее стать друзьями.

Глава IV. «Добрая Надежда»

Час спустя Дик был снова в гостинице «Коза и Волынка», сидел за завтраком и выслушивал донесения своих гонцов и часовых. Декурorsa все еще не было в Шорби. Это случилось часто, так как он играл много ролей и принимал уча-

стие в многочисленных и разнообразных делах. Он основал общество «Черная стрела», когда разорился и жаждал мести и денег, но среди людей, особенно хорошо знавших его, он считался агентом и эмиссаром великого «делателя королей» в Англии – Ричарда, графа Уорвика.

Как бы то ни было, во время его отсутствия ведение дел в Шорби выпадало на долю Ричарда. Он сидел за завтраком с душой полной тревоги и задумчивым выражением лица. Между ним и лордом Фоксгемом было решено нанести решительный удар в этот вечер и освободить Джоанну силой.

Однако препятствий оказывалось много. По мере того как к Дику являлись разведчики, он узнавал все более и более неприятные новости.

Ночной бой встревожил сэра Дэниела. Он увеличил гарнизон дома и в саду; не довольствуясь этим, он расставил всадников по всем соседним тропинкам так, чтобы они могли ему дать немедленно знать о всяком движении. В то же время во дворе его собственного дома стояли оседланные лошади, и всадники, вооруженные с головы до ног, ждали только сигнала к отправлению.

Ночное предприятие казалось все более и более неосуществимым, но вдруг лицо Дика прояснилось.

– Лоулесс! – крикнул он. – Ведь ты был моряком. Можешь ли ты украсть для меня судно?

– Мастер Дик, – ответил бывший моряк, – если вы поддержите меня, я готов украсть кафедральный собор в Йорке.

Вскоре они вышли из гостиницы и отправились вниз к гавани. Это была довольно большая бухта, окруженная песчаными холмами и размытыми дюнами. Берега были засыпаны обломками и всяким хламом; к гавани вели глухие, заброшенные улицы города. Много палубных судов и лодок стояло там на якоре или было вытасчено на берег. Продолжительная дурная погода загнала их из открытого моря в прибежище порта, а большие черные тучи и холодные шквалы, следовавшие один за другим и приносявшие иногда сухой снег, не предвещали улучшения, а скорее угрожали еще более сильным штормом в недалеком будущем.

Большинство моряков, чтобы укрыться от холода и ветра, отправились на берег и шумели и пели в прибрежных харчевнях. Многие из судов раскачивались на якорях без присмотра. По мере того как становилось поздно и погода не выказывала никаких признаков улучшения, число таких судов возрастало. На эти-то суда, в особенности на те, которые стояли подальше, Лоулесс и обратил внимание. Дик, сидя на якоре, наполовину ушедшем в песок, прислушивался то к грубым, могучим голосам урагана, то к хриплому пению матросов в ближайшей таверне; но вскоре он забыл о том, что окружало его, забыл и все заботы в приятных воспоминаниях об обещании лорда Фоксгема.

Мечтания его были прерваны прикосновением чьей-то руки к его плечу. То был Лоулесс, который указывал на маленькое судно невдалеке от устья гавани, правильно и плавно

покачивавшееся на волнах. Как раз в эту минуту луч бледного солнца упал на палубу, вырисовывавшуюся на фоне мрачных туч. При этом мгновенном освещении Дик увидел двух людей, тащивших шлюпку вдоль борта судна.

– Вот, сэр, – сказал Лоулесс, – заметьте хорошенько. Вот вам судно на эту ночь.

Шлюпка отделилась от судна, и двое людей, повернув ее по ветру, весело поплыли к берегу. Лоулесс обернулся к какому-то праздношатающемуся.

– Каково его название? – спросил он, указывая на маленькое судно.

– Его зовут «Добрая Надежда», оно из Ярмута, – ответил незнакомец. – Имя капитана – Арбластер. Он гребет на носу вон той шлюпки.

Этого-то и нужно было Лоулессу. Поспешно поблагодарив незнакомца, он пошел по берегу к песчаной бухточке, к которой направлялась шлюпка. Тут он занял позицию, и лишь только сидевшие приблизились настолько, что могли слышать его, он открыл огонь по морякам.

– Эй, кум Арбластер! – кричал он. – Вот так хорошая встреча! Нет, право, чудесная встреча, клянусь распятием! А это «Добрая Надежда»? Ах, я узнал бы ее среди десяти тысяч! Славное судно! Подплывай-ка, кум! Хочешь выпить? Я получил поместье, о котором ты, без сомнения, слышал. Я богат теперь, я перестал плавать по морю – плаваю больше по элю, приправленному пряностями. Ну, молодец, давай-ка

руку! Выпей со старым товарищем!

Шкипер Арбластер, длиннолицый, много выдавший на своем веку человек, с ножом на тесьме, висящим на шее, по походке и манерам похожий на любого из моряков того времени, отступил назад в очевидном изумлении и с недоверчивостью. Но упоминание о поместье, вид полупьяного простодушия и дружелюбия, очень искусно принятые Лоулессом, помогли победить его подозрительность. Выражение лица его смягчилось, и он протянул руку к руке лесного бродяги.

– Нет, – сказал он, – я не помню тебя. Но что же из этого? Я готов выпить со всяким, кум, так же как и мой Том. Любезный Том, – прибавил он, обращаясь к своему спутнику, – вот мой кум. Фамилии его я не помню, но, без сомнения, он очень хороший моряк. Пойдем выпьем с ним и с его другом на берегу.

Лоулесс пошел впереди, и вскоре все сидели в питейном доме. Так как дом этот был довольно новым и стоял в уединенном месте, он был не так набит посетителями, как другие, находившиеся ближе к центру порта. Это был простой, деревянный сарай, очень похожий на блокгаузы, встречающиеся в девственных лесах Америки в настоящее время. Вся обстановка его состояла из одного-двух шкафов, нескольких голых скамей и положенных на бочонки досок, изображавших столы. Посреди сарая, раздуваемый сильными сквозными ветрами, пылал огонь из корабельных обломков, изрыгая

густой дым.

– Эх, – сказал бывший францисканец, – вот она, радость моряка – хороший огонь, добрая чарочка вина на берегу, когда на дворе скверная погода и далекая морская буря разгулывает по крыше! За «Добрую Надежду»! Добрый путь ей!

– Да, – сказал шкипер Арбластер, – правда, хорошо быть на берегу в такую погоду. Что ты скажешь на это, Том? Кум, ты хорошо говоришь! Хотя я никак не могу припомнить твоего имени, но ты говоришь очень хорошо. Доброго пути «Доброй Надежде»! Аминь!

– Друг Дикон, – продолжал Лоулесс, обращаясь к своему начальнику, – у вас, если не ошибаюсь, есть неотложные дела? Пожалуйста, отправляйтесь тотчас же. Я же останусь в самом отборном обществе, с двумя старыми моряками; а до тех пор, пока вы вернетесь, я готов побиться об заклад, что эти славные малые останутся и будут пить чарку за чаркой. Мы ведь не похожи на людей на берегу, мы крепкие морские волки!

– Хорошо придумано! – сказал шкипер. – Можете идти, мой мальчик. Я останусь в обществе вашего доброго друга и моего доброго кума, пока не потушат огней и даже, клянусь Святой Марией, до восхода солнца! Видите, когда человек долго бывает в море, от соли его внутренности превращаются в глиняные. Дайте ему выпить целый колодец – он все еще не утолит своей жажды.

Ободряемый таким образом со всех сторон, Дик встал,

раскланялся с приятелями и, выйдя на воздух, где свирепствовала буря, отправился как можно быстрее в гостиницу «Коза и Волынка». Оттуда он послал сказать лорду Фоксгему, что, как только наступит вечер, у них будет крепкое судно для поездки по морю. Потом, взяв с собой двух спутников, имевших некоторое понятие о море, он вернулся в гавань к маленькой песчаной бухте.

Шлюпка «Доброй Надежды» стояла среди многих других, отличаясь от них своими чрезвычайно малыми размерами и хрупким видом. Действительно, когда Дик со своими двумя спутниками заняли места в лодке и стали выплывать из бухты в открытую гавань, маленькая скорлупка погружалась в волны и дрожала при каждом порыве ветра, как будто готовая опуститься на дно.

Как мы уже говорили, «Добрая Надежда» стояла на якоре далеко от берега, где было сильное волнение. На расстоянии нескольких кабельтовых не было других судов; те же, которые стояли ближе, были пусты. Когда шлюпка приблизилась к судну, пошел густой снег; внезапно наступившая темнота скрывала движения гребцов от какого бы то ни было наблюдения за нами. В один миг Дик и его люди вскочили на вздымавшуюся палубу, и вскоре шлюпка уже танцевала у кормы. «Добрая Надежда» была взята в плен.

Это было хорошее, крепкое судно, закрытое на носу и в середине, но с открытой кормой. У него была одна мачта, а оснастка его представляла собой нечто среднее между

оснасткой фелуки и люгера. По-видимому, торговое предприятие шкипера Арбластера оказалось превосходным, так как трюм был полон бочонков французского вина, а в маленькой каюте капитана кроме образа Девы Марии, что доказывало его набожность, находились запертые на замок сундуки и шкафы, говорившие о его богатстве и заботливости.

Собака, единственная обитательница судна, яростно лаяла и кусала похитителей за пятки, но ее скоро прогнали в каюту, и запертая дверь заглушила ее справедливый гнев. На ванты был поднят зажженный фонарь, чтобы с берега можно было ясно разглядеть судно; один из бочонков в трюме был открыт, и чаша превосходного гасконского вина осушена в память события этого вечера. Потом один из похитителей начал готовить лук и стрелы на случай нападения, а другой спустил шлюпку за борт и ожидал в ней Дика.

– Ну, Джек, карауль хорошенько, – сказал юный командир, собираясь последовать примеру своего подчиненного, – ты наверняка хорошо сделаешь это.

– Ну конечно, все пойдет превосходно, пока мы будем стоять здесь; но как только мы повернем нос этого бедного корабля из гавани... Вот, взгляните, как он дрожит! Бедняга слышал мои слова, и сердце у него забилося в дубовых ребрах! Посмотрите, мастер Дик! Как становится темно!

Действительно, тьма вокруг была поразительной. Громадные валы один за другим подымались из темноты, с шумом устремлялись на палубу «Доброй Надежды» и с головокру-

жительной быстротой погружались в море с другой стороны. Редкие хлопья снега и брызги пены налетали на палубу, осыпая ее; снасти печально поскрипывали от ветра.

– Правда, вид неважный, – сказал Дик, – но ничего! Это шквал, он скоро пройдет!

Но, несмотря на эти слова, мрачный, холодный вид неба, шум и завывание ветра действовали на него угнетающим образом. Когда он сошел с борта судна и снова направился к пристани бухты со всей быстротой весел, то набожно перекрестился и вручил небесам жизнь всех, кто решился выйти в море.

На пристани бухты собралось уже около дюжины лесных разбойников. Лодку оставили на их попечение, и им было велено немедленно садиться.

Несколько дальше на берегу Дик увидел лорда Фоксгема, торопившегося навстречу ему. Лицо его было закрыто темным капюшоном; простой, длинный, жалкого вида плащ покрывал его блестящие латы.

– Молодой Шелтон, – сказал он, – так вы действительно отправляетесь в море?

– Милорд, – ответил Ричард, – дом окружен всадниками, со стороны суши в него нельзя попасть, не подняв тревоги. Если сэръ Дэниел узнает о нашем предприятии, мы точно так же не будем в состоянии выполнить его, как если бы мы захотели ехать на ветре. Обойдя кругом по морю, мы подвергаемся некоторой опасности от стихии; но, самое главное, у

нас есть шанс достигнуть цели и увезти девушку.

– Ну, ведите меня, – сказал лорд Фоксгем, – я пойду за вами, чтобы не было стыдно, но, признаюсь, желал бы лучше быть в постели.

– Сюда, – сказал Дик, – мы идем за нашим кормчим.

И он повел лорда к простому питейному дому, где назначил свидание части своих подчиненных. Он нашел некоторых из них у наружной двери; более смелые вошли в комнату и, заняв места как можно ближе к товарищам, окружили Лоулесса и сидевших с ним моряков. Эти последние, судя по их расстроенным лицам и мутным глазам, давно перешли границы умеренности. Когда Ричард в сопровождении лорда Фоксгема вошел в комнату, все трое пели старинную, печальную морскую песню под аккомпанемент завываний ветра.

Молодой предводитель обвел сарай быстрым взглядом. В огонь только что подбросили дров, и клубы черного дыма заволакивали комнату так, что трудно было видеть что-нибудь в отдаленных углах. Но ясно было, что люди Дика превосходили количеством число остальных посетителей. Удостоверившись в этом на случай неудачи выполнения своего плана, Дик подошел к столу и занял свое прежнее место на скамье.

– Эй, – крикнул шкипер пьяным голосом, – эй, кто вы такой?

– Мне нужно поговорить с вами вне дома, мастер Арблестер, – сказал Дик, – а здесь мы вот о чем поговорим. – И он

показал при свете огня золотую монету. Глаза моряка загорелись, но он все еще не узнавал нашего героя.

– Да, мальчик, – сказал он, – я пойду с вами. Кум, я сейчас вернусь. Пей хорошенько, кум.

И, взяв Дика под руку, чтобы удержаться на ногах, он пошел к двери питейного дома.

Как только он перешагнул порог, десять сильных рук схватили его и связали, а две минуты спустя он был брошен на соседнем сеновале по горло в сено со связанными руками и ногами и с кляпом во рту. Затем рядом с ним бросили его слугу Тома, также связанного, и предоставили им предаваться печальным размышлениям целую ночь.

Так как скрываться больше не имело смысла, то воины лорда Фоксгема были вызваны условным сигналом. Отряд смело овладел необходимым количеством лодок, и целая флотилия их отправилась на свет фонаря, повешенного на снастях корабля. Задолго до того, как последний человек из отряда взобрался на палубу «Доброй Надежды», яростные крики с берега показали, что по крайней мере часть моряков заметили пропажу своих лодок.

Но было уже поздно, чтобы вернуть лодки или отомстить за них. Из сорока воинов, собравшихся на украденном судне, восемь уже бывали на море и могли играть роли матросов. С их помощью поставили парус. Подняли якорь. Лоулесс, продолжая пошатываться и напевать одну из морских баллад, положил руки на румпель, и «Добрая Надежда» поплыла во

тьме ночи навстречу громадным волнам за пределами гавани.

Ричард занял место у мачты. За исключением света от фонаря на судне и нескольких огоньков в городе Шорби, которые уже стали исчезать с подветренной стороны, кругом не было видно ни зги. Только по временам, когда «Добрая Надежда» с головокружительной быстротой опускалась во впадину меж валов, гребень волны разбивался, и на одно мгновение взлетал водопад белой пены; но в следующее мгновение он устремлялся в кильватер судна и исчезал там.

Многие из экипажа громко молились; другие страдали морской болезнью и перебрались в трюм, где растянулись среди клади. Слишком быстрый ход, пьяное хвастовство Лоулесса, продолжавшего кричать и распевать на ходу, заставили бы самого храброго человека на борту «Доброй Надежды» усомниться в удачном результате плавания.

Но Лоулесс, как бы по инстинкту, провел судно среди громадных волн, прижавшись с подветренной стороны к покрытому зеленью песчаному берегу, где оно шло некоторое время в затишье, и, наконец, провел его вдоль набережной из грубых камней. Тут судно быстро привязали и оставили качаться и скрипеть в темноте.

Глава V. «Добрая Надежда» (продолжение)

Набережная была не очень далеко от дома, в котором находилась Джоанна; оставалось только спустить людей на берег, окружить дом сильным отрядом, выломать дверь и похитить пленницу. Тогда задача «Доброй Надежды» была бы выполнена: она доставила их в тыл врага, а отступление – во всяком случае, удастся ли предприятие или нет – могло быть успешнее произведено по дороге в лес и к резерву лорда Фоксгема.

Но высадить людей на берег оказывалось нелегкой задачей. Многие из них чувствовали себя нехорошо, все закоченели от холода; теснота и беспорядок на судне нарушили дисциплину; быстрота хода и ночная тьма удручающе подействовали на них. Они кинулись на набережную. Лорду с обнаженной шпагой пришлось удерживать своих собственных людей; движение беспокойной толпы было остановлено не без шума, нежелательного в данном случае.

Когда порядок отчасти восстановился, Дик с несколькими отборными людьми двинулся вперед. Темнота на берегу по сравнению со светлой пеной прибоя, казалось, сгустилась, точно воздух обратился в плотное вещество. Свист и завывание бури заглушали все остальные звуки.

Они только дошли до конца набережной, как ветер вне-

запно спал. В наступившей тишине послышался глухой стук копыт лошадей и лязг оружия. Дик остановил шедших за ним людей и, сделав несколько шагов, вступил на дюну. Тут он убедился, что на них движутся люди и лошади. Сильное отчаяние овладело им. Если их действительно подстерегают враги, если они заняли набережную с той стороны, где была сделана высадка на берег, ему и лорду Фоксгему будет очень трудно защищаться, так как позади них будет море, и людям придется толпиться в темноте на узкой плотине. Он дал условный сигнал – осторожно свистнул.

Сигнал оказал далеко не желанное действие. В ночной тьме посыпался град наудачу посланных стрел. Люди на набережной стояли так плотно друг к другу, что стрелы попали в некоторых из них; раздались крики испуга и боли. Лорд Фоксгем был ранен при первом залпе. Хоксли сейчас же велел отнести его на судно, и в продолжение недолгой схватки люди лорда сражались без всякого руководства. Это, по всей вероятности, и было причиной последовавшего затем бедствия.

В конце набережной Дик с горстью своих людей удержал на минуту свою позицию. С обеих сторон было несколько раненых, сталь скрещивалась со сталью, ни один из отрядов не мог похвастаться преимуществом. Но в мгновение ока счастье изменило отряду с корабля. Кто-то крикнул, что все потеряно, и люди были настроены так, что охотно поверили неприятному известию, передававшемуся от одного к друго-

му.

– Назад, братцы, если дорожите жизнью! – раздался новый крик.

Еще один из отряда, с истинным инстинктом труса, распространил весть, неизменно появляющуюся при всех отступлениях: «Нам изменили!» И в одно мгновение вся толпа, волнуясь и толкаясь, ринулась назад, вниз по набережной, обращая к преследователям свой беззащитный тыл и оглашая ночной воздух трусливыми восклицаниями.

Один трус отталкивал корму судна, тогда как другой держал его за нос. Беглецы с пронзительными криками вскакивали на борт или обрывались и падали в море. Некоторые из них были убиты преследователями на набережной. Многие пострадали на палубе судна: в слепом ужасе они поспешно вскакивали на борт, падая и давя друг друга. Наконец, нарочно или случайно, нос «Доброй Надежды» освободился от цепи, и всюду поспевавший Лоулесс, который все время оставался на руле, благодаря своей силе и храброму отпору немедленно направил судно на надлежащий путь. «Добрая Надежда» снова пошла вперед, в бурное море; потоки крови текли с палубы, заваленной трупами и ранеными. В темноте судно двинулось вперед, борясь с волнами.

Лоулесс вложил кинжал в ножны и обернулся к ближайшему соседу.

– Я здорово отметил их, кум, – сказал он, – этих крикливых, трусливых псов.

В то время как беглецы вскакивали на судно, спасая свою жизнь, они, по-видимому, не замечали грубых пинков и сильных ударов кинжалом, благодаря которым Лоулессу удалось удержать свое место во время всеобщего смятения. Но теперь они начали яснее понимать положение дел, а может быть, кто-нибудь кроме собеседника рулевого услышал его слова.

Пораженные паникой войска медленно приходят в себя, а люди, только что обесчестившие себя трусостью, как бы для того, чтобы стереть воспоминание об их проступке, часто переходят к совершенно противоположному настроению – к бунту. Так случилось и теперь: те самые люди, которые побросали свое оружие, которых втащили за ноги на палубу «Доброй Надежды», начали роптать на своих вождей и требовать наказания кого-то. Все возрастающее неприязненное чувство обратилось на Лоулесса.

Чтобы удобнее выйти из гавани, старый лесной бродяга направил нос «Доброй Надежды» прямо в сторону открытого моря.

– Это что такое! – заорал один из недовольных. – Он ведет нас в море!

– В самом деле! – закричал другой. – Ну, это явная измена!

Все хором принялись кричать об измене и пронзительными голосами с ужасными ругательствами требовали, чтобы Лоулесс поскорее привез их к берегу. Стиснув зубы, Лоулесс

молча продолжал вести «Добрую Надежду» по тому же курсу, среди огромных волн. Частью под влиянием хмеля, частью из чувства собственного достоинства, он не отвечал ни на бессмысленные выражения ужаса, ни на позорные угрозы. Недовольные собрались позади мачты; ясно было, что они, как петухи на дворе, кричат, чтобы придать себе храбрости. Очевидно, они были готовы ко всякому несправедливому, неблагодарному поступку. Дик начал подниматься по лестнице, чтобы остановить проявления недовольства, но один из лесных бродяг, смысливший кое-что в морском деле, предупредил его:

– Ребята, – начал он, – право, у вас деревянные головы! Чтобы вернуться назад, нам надо выйти в открытое море, не правда ли? Ну вот, старый Лоулесс...

Кто-то ударил оратора в зубы и по лицу, и в следующее мгновение с быстротой огня, распространяющегося в сухой соломе, его повалили на пол; трусливые товарищи топтали его ногами, а затем кинжалами отправили на тот свет. Гнев Лоулесса прорвался наружу.

– Ведите корабль сами! – с проклятием прогремел он и покинул руль, не думая о результатах.

В это мгновение «Добрая Надежда» дрожала на гребне огромной волны. С ужасающей быстротой она опустилась до другой сторону гребня. Волна, похожая на большой черный бастион, вдруг поднялась перед нею; дрожа от сильного удара, «Добрая Надежда» ринулась своей носовой частью в про-

зрачную гору. Зеленая вода окатила судно с кормы до носа; высота воды доходила до колен; брызги летели выше мачты. «Добрая Надежда» поднялась с другой стороны с жалобным скрипом и дрожью, словно раненое животное.

Шестерых или семерых недовольных волны снесли за борт. Когда остальные несколько опомнились и к ним вернулся дар речи, они стали громко взывать к святым и призывать Лоулесса, прося его снова вернуться к рулю.

Лоулесс не заставил упрашивать себя. Весь хмель вылетел у него из головы при виде ужасного результата его справедливого гнева. Он знал лучше всех, какой опасности опуститься на дно подвергалась «Добрая Надежда». Эта опасность не вполне прошла и теперь, судя по тому, как неустойчиво она шла по морю.

Дик, сброшенный на палубу толчком и чуть было не утонувший, встал и пошел по колено в воде по залитой палубе. Шатаясь, добрался он до старого рулевого.

– Лоулесс, – сказал он, – мы все зависим от тебя. Ты храбрый, стойкий человек и действительно искусный в управлении судном. Я поставлю около тебя трех людей, чтобы они оберегали тебя.

– Напрасно, мой мастер, – ответил рулевой, пристально глядя в темноту. – С каждой минутой мы удаляемся от отмелей, море с каждой минутой будет все сильнее напирать на нас. Что же касается этих плакс, то скоро все они будут лежать на спинах. Потому что, мой мастер, – это стран-

ная тайна, но сущая правда – дурной человек никогда не бывает хорошим моряком. Только честные и смелые люди могут выносить такую качку.

– Ну, Лоулесс, – со смехом проговорил Дик, – это просто поговорка настоящих моряков! Смысла в ней не больше, чем в свисте ветра. Но скажи, пожалуйста, как мы идем? Каково наше положение? Хорошо ли?

– Мастер Шелтон, – ответил Лоулесс, – я был францисканцем – благодарю судьбу за это! – и стрелком, вором и моряком. Из всех платьев, которые я носил, какие вы легко можете представить себе, я более всего хотел бы умереть в одежде францисканца и мене всего – в пропитанной дегтем куртке матроса. И на это есть две превосходные причины: во-первых, тут смерть может внезапно похитить человека, а во-вторых, из-за ужаса перед этой громадной соленой лужей, что у меня под ногами. – И Лоулесс топнул ногой. – Как бы то ни было, – продолжал он, – если сегодня ночью я не умру смертью матроса, то должен буду поставить большую свечу Богородице.

– Неужели это так? – спросил Дик.

– Именно так, – ответил лесной бродяга, – разве вы не чувствуете, как медленно и тяжело движется «Добрая Надежда» по волнам? Разве вы не слышите, как вода заливают трюм? Погодите, пока судно осядет немного ниже, – оно или пойдет ко дну, словно камень, или выкинется на берег с подветренной стороны и распадется на куски, словно рассучившаяся

веревка.

– Ты говоришь мужественно и неустрашимо, – заметил Дик. – Ты, значит, не боишься?

– Ну, мастер, – ответил Лоулесс, – уж если у какого человека плохой груз при входе в гавань, так это у меня: ренегат-францисканец, вор и так далее. Но вы можете удивляться, а у меня все же есть надежда, и если я утону, то утону с ясным взором, мастер Шелтон, и с рукой, которая не дрогнет.

Дик ничего не ответил, но решительность старого бродяги очень удивила его. Боясь какого-нибудь нового насилия или измены со стороны остальных, он отправился разыскивать трех людей, на которых можно было положиться. Большинство экипажа удалилось с палубы, постоянно обдаваемой взлетающими брызгами волн, где они подвергались резким порывам ветра. Вместо этого они собрались среди бочонков вина в трюме с товарами, освещаемом двумя раскачивающимися фонарями.

Тут начался настоящий веселый пир, произносились тосты, обильно запиваемые гасконским вином Арбластера. Но так как «Добрая Надежда» продолжала лететь по пенящимся волнам, опускаясь попеременно то носом, то кормой глубоко в белую пену и поднимаясь высоко в воздух, то число веселых товарищей уменьшалось с каждой минутой и с каждым креном. Некоторые сидели в стороне, перевязывая раны, но большинство уже лежали от морской болезни и сто-

нали в трюме.

Гриншив, Кук и молодой малый из отряда лорда Фоксгема, замеченный уже Диком благодаря его уму и храбрости, оказались еще способными понимать приказание и готовы-ми исполнять их. Дик назначил их телохранителями рулевого, затем он в последний раз взглянул на черное небо и черное море, повернулся и пошел вниз в каюту, куда слуги отнесли лорда Фоксгема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.